

Российская академия архитектуры и строительных наук
Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры
и градостроительства

ДЕРЕВЯННОЕ ЗОДЧЕСТВО

Выпуск I

*Новые исследования
и открытия*

Москва — Санкт-Петербург
Издательский дом «Коло» • 2010

ББК 85.11

УДК 72

Д36

Рукопись рекомендована к изданию Ученым советом
Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры
и градостроительства Российской Академии архитектуры
и строительных наук (НИИТИАГ РААСН)

Редколлегия:

А. Б. Бодэ (отв. ред.), И. А. Бондаренко, Н. П. Крадин,
И. Н. Шургин, А. С. Щенков

Д36 Деревянное зодчество. Вып. 1. Новые исследования и открытия :
[сборник научных статей / Рос. акад. архитектуры и строит. наук,
НИИ теории истории архитектуры и градостроит-ва]. — Москва ;
Санкт-Петербург : Коло, 2010. — 320 с. : ил.

ISBN 978-5-901841-72-3

«Каталогизация перед публикацией», РНБ

Сборник посвящен деревянной архитектуре, которая во многих странах составляет наиболее своеобразную и самобытную часть культуры. В научный оборот вводятся неизвестные ранее материалы по малоизученным объектам, освещается их строительная история, по-новому интерпретируются уже имеющиеся данные. Рассматриваются вопросы эволюции деревянного зодчества и его взаимодействие с каменной архитектурой. Затрагиваются проблемы реставрации и сохранения памятников деревянного зодчества. Внимание, главным образом, направлено на изучение отечественной архитектуры, однако среди объектов исследования есть и зарубежные примеры.

Издание адресовано историкам архитектуры, архитекторам, искусствоведам, но может заинтересовать и более широкий круг читателей.

ББК 85.11

УДК 72

ISBN 978-5-901841-72-3

9 785901 841723

- © Коллектив авторов, текст, иллюстрации, 2010.
- © Оформление. ООО «Издательский дом „Коло“», 2010.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	5
Ю. В. Линник (Петрозаводск). Эстетическое своеобразие и архетипы северорусского деревянного храма (на примере Ильинской церкви Ильинско-Водлозерского погоста)	9
А. Б. Бодэ (Москва). К вопросу о чертах сходства в деревянном культовом зодчестве Скандинавии и северо-запада России. Постановка проблемы	23
Т. Л. Лисенко (Москва). Третья ратуша города Эслинген-ам-Неккар (Германия, земля Баден-Вюртемберг). Архитектурно-градостроительное решение	40
Т. Л. Лисенко (Москва). Особенности исторического фахверкового комплекса города Франкенберга (Германия, земля Гессен)	64
В. М. Неделин (Орел — Москва). Арская крепость — военная история и оборонительные сооружения. Утраченный памятник русского деревянного оборонительного зодчества XVII века	86
А. Б. Бодэ (Москва). Крещатые прямоскатные покрытия деревянных церквей как один из отголосков традиций древнего Новгорода	110
В. М. Неделин (Орел — Москва). Чернавск — малая регулярная крепость на южном степном пограничье Московского государства. История строительства и архитектура	133
Е. Б. Заручевская (Архангельск). Плотник Василий Корсаков и его храмы	147
И. Н. Шургин (Москва). Троицкая церковь в селе Нёнокса — выдающееся произведение русской деревянной архитектуры	164
А. Б. Бодэ (Москва). Троицкая церковь на Юрьевой горе. Реконструкция архитектурного облика	186

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Е. Федосеева (Санкт-Петербург — Сидней). Архитектурный ансамбль Унежемского прихода. История строительства	201
О. С. Филиппов, И. А. Павич (Москва). Кенозёрские часовни. Особенности архитектурных решений и некоторые проблемы реставрации	227
О. Г. Севан (Москва). Памятники народной архитектуры Русского Севера: хозяйственные постройки и сооружения, малые формы. Опыт классификации	249
Л. Г. Шаповалова (Архангельск). «Мы все старались с любовью сохранить памятник...» О творчестве архитектора А. А. Каретникова	282
Ю. В. Линник (Петрозаводск). Архитектура Коми в ноосферном контексте (Рецензия на книгу: <i>Шургин И. Н.</i> От лесной избушки до церкви дивной. Деревянная архитектура коми. М.: Совпадение, 2009)	306
Список сокращений	316
Сведения об авторах	317

ОТ РЕДКОЛЕГИИ

Деревянное зодчество, будучи частью культуры многих стран мира, всегда отличается своими, только ему присущими особенностями. Своеобразие деревянной архитектуры определяется в первую очередь спецификой строительного материала, которая существенно влияет на формообразование. Нередко в дереве и в камне воплощались примерно одинаковые типы построек. Именно в таких случаях особенности строительного материала выступают наиболее отчетливо: то, что легко построить из камня, невозможно выполнить из дерева, и наоборот.

Архитектурное формообразование деревянных построек во многом зависит и от их конструктивного решения. Например, срубные здания обычно состоят из ясно читающихся, достаточно лаконичных форм. Каркасные строения отличаются большей расчлененностью объемов, утонченностью завершений.

Деревянные постройки уступают каменным в долговечности, представительности. Поэтому главные городские здания, храмы, крепости, богатые жилые дома старались возводить из камня, первоначально деревянные постройки со временем часто заменялись каменными.

Деревянное зодчество оставалось частью народной культуры. Отсюда строительство из дерева было более массовым, типологически более разнообразным и в плане архитектурного формообразования более свободным. Принятые каноны, установки, правила в деревянном строительстве выполнялись не столь строго, а порой не соблюдались вообще. Фольклорный характер деревянной архитектуры допускал достаточно вольные интерпретации привычных устоявшихся форм. Сказанное относится главным образом к культовым постройкам.

Наряду с проявлением творческой свободы в деревянном зодчестве мы находим типы построек, дошедших до нас из глубокой древности. Тогда как каменная архитектура, призванная служить интересам аристократии и состоятельной части общества, всегда была более подвержена влияниям, в том числе иноземным. Каменному зодчеству свойственны более частые смены направлений, стилей. В дереве, напротив, более консервативны типы жилых и хозяйственных построек, конструктивные приемы. Деревянное зодчество, разумеется, также отвечало на происходившие в развитии архитектуры изменения, но в дереве более четко прослеживается преемственность развития.

Круг вопросов, связанных с деревянным зодчеством, чрезвычайно широк и интересен. Из этого многообразия можно выделить три основных направления, которые хотелось бы, пусть в небольшом объеме, осветить в настоящем сборнике:

1. Выявление новых данных, раскрывающих историю отдельных построек, ансамблей, поселений, строительные приемы и творческие методы, используемые зодчими.

2. Теоретическое осмысление эволюционных процессов в деревянной архитектуре на различных этапах развития.

3. Изучение и оценка опыта реставрации памятников деревянного зодчества.

Хотя внимание авторов обращено прежде всего к зодчеству отечественному, среди объектов исследования есть примеры из зарубежной архитектуры. Новизна работы заключается главным образом в том, что в научный оборот вводятся неизвестные ранее материалы по малоизученным объектам, освещается их строительная история, уточняются и выявляются новые атрибуты, по-новому интерпретируются уже имеющиеся данные. В новых аспектах рассматриваются вопросы эволюции деревянного зодчества и его взаимодействия с каменной архитектурой.

Ядро сборника составляют статьи, подготовленные сотрудниками сектора «Деревянное зодчество» НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства. В работе также приняли участие специалисты из Архангельска, Москвы, Петрозаводска, Санкт-Петербурга.

Материалы структурированы по хронологическому принципу. Единственное исключение составляет открывающая сборник статья Ю. В. Линника, где на примере относительно позднего объекта рассматриваются вопросы формообразования северорусского деревянного храма и проводятся сопоставления в неожиданно широких временных рамках.

Настоящий сборник является первым в планируемой серии изданий, объединенных общей тематикой, но различающихся углами зрения.

Представленные в сборнике материалы и исследования адресованы историкам архитектуры, архитекторам, искусствоведам, но могут заинтересовать и более широкий круг читателей, знакомящихся с деревянным зодчеством.

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ И АРХЕТИПЫ СЕВЕРОРУССКОГО ДЕРЕВЯННОГО ХРАМА

(на примере Ильинской церкви
Ильинско-Водлозерского погоста)

На языке своих форм Ильинская церковь сообщает нам нечто очень значительное.

1. Пребывая в конвенциональном пространстве культуры, мы условились полагать, что это сообщение исходит — пусть через опосредование символов — от самого Бога. Разве не Он продиктовал план ветхозаветной скинии? Храм в определенном смысле является теофанией. Поэтому не следует подходить к нему с позиций отвлеченной морфологии. Перед нами формы-знаки. Конечно, красота их самоценна — и мы вправе любоваться четвериком Ильинской церкви так, как мы любимся кристаллом пирита: сингония у них одинаковая. Но смысловая наполненность разная! Четверик есть элемент сакрального текста. Эстетика храма — и семиотика храма: одно поверяется и дополняется другим.

2. В первичном восприятии формы — особенно оригинальной, выделенной из привычного ряда, — существенную роль играют ассоциации. Адаптируясь к новизне, наше бессознательное стремится незнакомое сопоставить со знакомым — найти для него аналогию. Ильинская церковь закономерно ассоциируется с кораблем. Эта ассоциация многократно инициировалась и другими христианскими храмами. Ее устойчивость указывает на некий глубинный архетип. Через это уподобление выражает себя определенный аспект в идее храма. В. В. Суслов пишет: «Говоря об общей форме храмов на берегах Двины, нельзя не упомянуть, что большинство из них представляет большую особенность по своему силуэту, весьма напоминающему вид корабля. Вероятно, в период развития у нас символики такую форму выражалось народное представление о значении церкви в жизни человека. Церковь уподоблялась кораблю, который один только может привести через море житейское в вечное пристанище»¹. Говоря о кубоватой Вознесенской церкви в Кушереке (1669 г.; реконструкция — 1825 г.), Н. Н. Уткин подчеркивает: «По-видимому,

¹ Суслов В. В. Очерки по истории древнерусского искусства. СПб., 1889. С. 94.

перед нами классический пример формирования плана русской православной церкви „кораблем“»².

3. Архитектуре Ильинской церкви присуща ярко выраженная внутренняя гетерогенность. Да, это действительно корабль — но вместе с тем это и цуг, караван: в слитном единстве тут находятся разнородные элементы. Колокольня — сени — теплая трапезная — холодная церковь — апсида: мы видим последовательность форм — многозвенную цепь. Ильинская церковь несет в себе потенциал ансамбля. Это очень существенно. Как возникли знаменитые поонежские тройники, обязательно включавшие в себя кубоватую церковь? В ряде случаев им могли предшествовать комплексы, подобные Ильинской церкви, — ключевое значение здесь имеет сочетание теплого и холодного помещения. Далее мы изложим весьма остроумную гипотезу Н. Н. Уткина, развитую им в уже процитированной статье:

- объединение в одной связке теплой трапезной и холодной церкви характерно для новгородской традиции;
- отапливаемое помещение острее реагирует на климатические реалии Севера, связанные с резким перепадом температур; естественно, что и риск пожара здесь больше;
- поэтому трапезная подвергается перестройке чаще, чем остальные части здания, — при этом она может не только отклониться от оси симметрии, но и вообще обрести самостоятельность: тогда нашему взгляду предстанет столь типичный для Поонежья «тройник».

Идею Н. Н. Уткина можно упрекнуть в некоторой абстрактности. Прямых историко-архитектурных подтверждений она не имеет. Однако ей нельзя отказать в эвристичности. Это общесистемная закономерность: дифференциация единого — разделение его на самостоятельные части. Данный алгоритм мог действовать и в эволюции деревянного зодчества.

Н. Н. Уткин интересно пишет про «оцерковление трапезной», которое он связывает с Никоновыми реформами: «В этот период были заложены основы превращения трапезной из мирского сооружения в церковное»³. Приведем еще одну цитату из трудов архангельского ученого: «Установлено, что характерной тенденцией, сопровождавшей формирование структуры тепло-холодной церкви, являлось последовательное (этапное) оцерковление теплой трапезной палаты, завершающей фазой ко-

² Уткин Н. Н. О формировании структуры деревянных приходских храмов и храмовых комплексов на Русском Севере // Народное зодчество. Петрозаводск, 1999. С. 89.

³ Уткин Н. Н. Теплые церкви Архангельского Севера // Памятники архитектуры Русского Севера. Архангельск, 1998. С. 112.

торой было разъединение двухчастной структуры»⁴. Это путь к становлению «тройников».

Ильинская церковь в своей четко выраженной двусоставности воспроизводит древнейший новгородский архетип. Мирское, человеческое (трапезная) и небесное, божественное (церковь) гармонически уравновешены в культовых зданиях, связанных с этой традицией. Оцерковление трапезной, обусловленное усилением московских влияний, здесь произошло очень поздно. Это говорит о характерном для Русского Севера консерватизме. Проявился он и на Малом Колгострове.

Вернемся к метафоре корабля. Можно сказать, что все элементы Ильинской церкви держатся одного фарватера — осевая симметрия строго выдерживается. Что произошло в Поонежье? Караван как бы распался — его звенья плывут отдельными, хотя и параллельными курсами. Вопрос о генезисе поонежских ансамблей мы обсуждаем сейчас не случайно. Ильинскую церковь необходимо воспринимать в контексте этого ареала. Хотя она отступила далеко на Запад, но всей своей воплощенной структурой — а равно и заложенным в ней эволюционным потенциалом — свидетельствует о генетической связи с архитектурной школой Онеги.

4. Корабль Ильинской церкви плывет на Восток. Напрашивается еще одна метафора: узкий, вытянутый на 35,5 м храм похож на стрелку сакрального компаса. Указываемое им направление канонично. Обоснование этого азимута разработано у Иоанна Дамаскина:

- на Востоке находится Рай;
- скиния Моисея имела завесу на восточной стороне;
- врата храма Соломона были ориентированы на Восток;
- Господь вознесся к Востоку.

Прп. Иоанн Дамаскин заключает: «Посему, ожидая Его, мы поклоняемся на Восток»⁵.

Полезно обо всем этом вспомнить на Малом Колгострове. Сама природа Водлозерья звучит в унисон всем приведенным выше подробностям. Ледник задал местному ландшафту схожую направленность — ей следуют островные мысы и сельги, болота и озы, валунные россыпи. В эстетическом плане очень важно не упускать из виду этот природный фон Ильинской церкви. Нам явлен редчайший случай своеобразного резонанса природы и культуры. Это непреднамеренное согласие. Но, тем не менее, в нем хочется увидеть провиденциальный смысл.

⁴ Уткин Н.Н. Феномен теплых деревянных церквей Архангельского Севера конца XV — начала XVI веков. Две ветви развития // Экология северных территорий России. Т. 2. Архангельск, 2002. С. 1089.

⁵ Творения преподобного Иоанна Дамаскина. М., 2002. С. 299.

5. Корабль должен держаться на воде остойчиво, уверенно. Это во многом зависит от гидродинамических свойств его днища. Храм-корабль плывет по небу. Оно не под нами, а над нами — привычное отношение верха и низа в нем инверсировано. Ильинская церковь касается неба своим кубом и бочкой. Вот важнейшие признаки двух этих родственных форм:

- у них есть пучина;
- они имеют килевидное очертание.

Последний момент получает для нас особую значимость. У корабля-храма наличествует киль. Да, это метафора. Но в ней мы находим сущностную точность.

Килевидному завершению придается форма полукружия или полуовала — причем над серединой дуги делается вытянутое во вне заострение. Красивая деталь! Она может читаться двояко: именно как киль, соприкасающийся с небесными хлябями, — и как структура, семантически родственная шатру или шпилью, выражающим устремленность ввысь. Оба значения, по сути, амбивалентны.

Народ уделял особое внимание покрытиям культовых сооружений. Храмы должны были выступать из обыденного ряда, привлекая взоры с больших расстояний, — поэтому их завершениям отводилась исключительная роль. Всем своим видом они указывали на необычное, нездешнее, содействуя главному в назначении храма: увлечь дух человека в небо — научить его трансцендировать. Появление кубоватых покрытий в середине XVII в. содействовало усилению этой функции.

6. Эстетически значима планировка храма как таковая — его геометрия несет в себе большую смысловую нагрузку. Топография Ильинской церкви сочетает прямоугольный и квадратный блоки. Вспомним, что в философии пифагорейцев прямоугольное и квадратное — одна из десяти оппозиций. Ильинская церковь поможет наполнить ее новым смыслом.

В качестве архетипа первых христианских храмов называются:

- скиния Моисея;
- эллинский перистиль.

Это очень разные явления. Но у них есть инвариант: прямоугольная конфигурация. Именно к ней Ильинская церковь тяготеет как целое. Причем пропорции плана уникальны: длина превышает ширину в гораздо большей мере, нежели это имело место у вероятных прототипов древнееврейского и древнегреческого. Память о них прочитывается в композиции Ильинской церкви. Это память культуры. В конце концов, проблема генезиса тут вторична — важнее ассоциативное поле, в которое вводится храм, построенный на далеком Севере.

7. Появление квадратного плана в культовом зодчестве связано с прекраснейшим озарением Византии. Строятся первые

Ил. 1. Вид на Ильинский погост с Колгострова.

Фотография Б. В. Бодэ. Конец 1960-х гг.

Теперь остров зарос лесом, над которым, указывая местоположение храма, возвышается группа старых елей. Деревни, которую мы видим на переднем плане, уже не существует

Ил. 2. Ансамбль Ильинского погоста.

Фотография Б. В. Бодэ. Конец 1960-х гг.

крестово-купольные храмы! Именно они, с их четырехстолпием, четко означавшим квадрат, а не прямоугольные базилики вдохновили русское зодчество в начальной поре его становления. А. В. Ополовников говорит о «нефе» Ильинской церкви⁶, который можно рассматривать как реминисценцию базилики. Ее пространство отражает «шестственную активность» (Р. Ф. Тафт) литургии — движение по продольной оси от входа к алтарю⁷. Тогда как мощный четверик, легко возносящий сравнительно не крупный, изящно очерченный куб, имеет пусть предельно общую, но очевидную аналогию с крестово-купольной схемой. Здесь наличествуют два инварианта:

- квадратный план;
- победительный вынос вверх купольного или кубоватого завершения.

По мнению А. Б. Колосова, переход от базилики к крестово-купольному храму отразил глубочайшие мировоззренческие трансформации — вот цитата из его исследования: новое богословие «...в здании желало видеть уже не просто абстрактный образ космоса, а конкретное пространство Церкви как тела Христа, краеугольного камня мироздания. Именно поэтому образ квадрата (проекция куба — символического камня) становится основным при проектировании здания церкви»⁸.

Квадратные в плане храмы своеобразно преломили идею христоцентризма. Теперь в храме действуют два организующих начала (или аттрактора — в терминах синергетики): это алтарь на Востоке — и это небовидный свод, воспаряющий над центром сооружения. В Ильинской церкви прекрасно согласуются два этих вектора.

8. Квадрат архетипичен.

Вспомним китайскую модель мира: земля — квадрат, небо — круг. У Пифагора элементы земли имеют конфигурацию куба. Что устойчивей этого тела? Культ куба — и квадрата, его двумерной проекции — характерен для масонства. Там они служат «обозначением прочности мироздания»⁹. В. С. Турчин указывает на возможные масонские корни «Черного квадрата» К. С. Малевича. А вот что утверждает сам художник: «Плоскость, образовавшая квадрат, явилась родоначальником супрематизма»¹⁰. И еще: «В кубе вся культура человеческого развития»¹¹. В свое время про-

⁶ Ополовников А. В. Памятники деревянного зодчества Карело-Финской ССР. М., 1955. С. 163.

⁷ Тафт Р. Ф. Византийский церковный обряд. СПб., 2005. С. 39.

⁸ Колосов А. Б. Утверждения. М., 2001. С. 312.

⁹ Турчин В. С. Храмовое сознание в ситуации риска // Храм земной и небесный. М., 2004. С. 402.

¹⁰ Малевич К. С. Черный квадрат. СПб., 2003. С. 72.

¹¹ Малевич К. С. Собр. соч.: в 5 т. Т. V. М., 2004. С. 238.

зорливыми искусствоведами было сказано о родстве «Черного квадрата» К. С. Малевича с иконой. Можно добавить: это апофатическая икона. Мысленно вписывая ее в пространство четверика, мы обнаруживаем нетривиальное, но очень глубокое созвучье.

Северные четверики становились опорой и для шатровых, и для кубоватых покрытий. В их простой и строгой огранке есть эпическая сила. Четверик Ильинской церкви отмечен и высотой, и статью. Его созерцание пробуждает в нас чувство возвышенного.

9. Строились ли деревянные храмы «на каменное дело»? Или имело место диаметрально противоположное соотношение? О спорах вокруг этой проблемы, до сих пор не получившей разрешения, полезно вспомнить под сенью Ильинского храма. Вот интригующий факт: у куба нет прямого подобия в каменном зодчестве — есть поздние подражательные реплики. Что касается бочки и закомары, то генетическая связь тут вполне возможна, но только не ясно, в каком направлении она действовала: от закомары к бочке или от бочки к закомаре. Решить вопрос о первичности дерева или камня в русском зодчестве может помочь аналогия. Ее нам подсказывает Древняя Греция.

Как это ни странно на первый взгляд, но «Эстетика» Г. В. Ф. Гегеля участвует в захватившей нас дискуссии — мы находим там такое вопрошание: «Следует ли признать исходным пунктом архитектуры деревянные или каменные строения, и проистекают ли из этого различия в материале также и различные архитектурные формы?»¹² Альтернатива решается Гегелем в пользу дерева. Философ видит в нем субстанцию, чьи свойства — и прямолинейность роста в первую очередь — существенно влияют на архитектурное формообразование: «Строительный же лес благодаря своей природной форме прямолинейных стволов непосредственно пригоднее для той более строгой и рассудочной целесообразности, из которой исходит классическое искусство»¹³. Ошеломительные корреляции предлагает нам великий диалектик: деревом предопределяется классическое, а камнем — символическое искусство. Эти связи могут показаться излишне жесткими и схематичными. Но они помогают нам бросить новый свет на эстетическое своеобразие Ильинской церкви.

10. Эллада — Византия — Киев — Новгород — Русский Север: вот линия преемственности, чье значение еще не осознано нами в полной мере. По этой линии на наши высокие широты перемещалась бесценная культурная информация. Давно смытая и стертая в других местах, она здесь оседала, обретая для себя своего рода ковчег, под защитой которого ее архетипы воспроизводились от поколения к поколению.

¹² Гегель Г. В. Ф. Эстетика. Т. 3. М., 1971. С. 57.

¹³ Там же. С. 59–60.

Г. П. Федотов писал о том, что в киевской Софии «воплотилась идея греческая» — «здесь всё полно завершённым покоем, достигнутой мерой, свободой в законе, бесконечностью, замкнутой в круг»¹⁴. Критерии античной эстетики используются философом для оценки русских реалий. Д. С. Лихачёв тянет нить связи дальше на Север — он говорит, что по сравнению с мастерами Византии новгородцы «свободнее воспроизводят античные формы»¹⁵.

Эллинский дух угадывается и на Русском Севере. Неисповедимо его напечатление несет на себе деревянное зодчество. Древнегреческие мастера начинали с дерева. Н. И. Брунов указывал на «деревянные прототипы каменных периптеров, следы влияния которых отчетливо выражены также и в Парфеноне»¹⁶. Вспомним столь характерные для его декора триглифы. Как пишет Н. И. Брунов, это «потомки торцов балок перекрытия в деревянных храмах»¹⁷. Парфенон был построен «на деревянное дело». Об этом полезно вспомнить на Малом Колгострове. Пройдя через множество трансформаций, предполагающих наличие сохраняющихся инвариантов, античный канон красоты исподволь проступает в архитектуре Ильинской церкви — задает ее меру, ее строй. Это неоднозначные и нелинейные зависимости. Возможно, когда-нибудь их удастся формализовать, найдя алгоритм преобразований, которые связывают искусство разных эпох и культур, лежащих на одной эволюционной ветви. Деревянный предшественник Парфенона — и ныне существующая Ильинская церковь: пусть прямой сравнительный анализ тут невозможен, но наитье подсказывает вероятность разнообразных соответствий. Что-то дорическое есть в столпе Ильинской церкви. Взглянув на храм глазами Г. В. Ф. Гегеля, мы без колебаний отнесем его к классическому искусству — и некоторая барочность куба не ослабит этого впечатления. Эллинский дух витает над Русским Севером.

11. Прп. Максим Исповедник в своей «Мистагогии» выявляет многоплановый символизм христианского храма — вот эти семантические пласты, накладывающиеся друг на друга:

- как пишет прп. Максим Исповедник, храм являет нам «образ мира, состоящего из сущностей видимых и невидимых»: двуровневость при этом сечении охватывает дальнее и горнее, явленное и сокровенное¹⁸;

- вместе с тем храм «есть также образ только чувственного мира» — это уже другое сечение: материальное бытие здесь разделено на земное и небесное;

¹⁴ Федотов Г. П. Лицо России. Париж, 1967. С. 68.

¹⁵ Лихачёв Д. С. Новгород Великий. Л., 1945. С. 16.

¹⁶ Брунов Н. И. Памятники Афинского Акрополя. М., 1973. С. 34.

¹⁷ Там же. С. 36.

¹⁸ Творения преп. Максима Исповедника. Кн. 1. М., 1993. С. 159.

• наконец, Максим Исповедник считает возможным поставить вопрос, в котором мы видим и богословское, и поэтическое дерзновение: «как и каким образом Святая церковь Божия символически изображает человека и сама изображается им как человек»¹⁹.

Между храмом и человеком устанавливается символический изоморфизм (алтарь — душа, жертвенник — ум, храм — тело). Но основные параллели не исключают и чисто визуальных соответствий. О глубинном антропоморфизме христианского храма напоминает В. Д. Лихачёва: «Подобно человеку, церковное здание имеет голову, шею (или барабан), плечи, подошву»²⁰. Символика христианских храмов универсальна. Но каждый из них воплощает ее по-своему. Кубоватая Ильинская церковь самобытно вторит и двууровневому Универсуму, и тварному космосу, моделируя основные черты их строения. Убедительно проявлена антропоморфность храма. Нельзя исключить, что она восходит к архаической традиции надгробных камней, в которых — по словам Н. И. Брунова — «абстрагирована наиболее бросающаяся в глаза и характерная черта — вертикализм»²¹. Речь идет об основной черте человека — его конститутивном признаке: мы прямоходящие существа. Антропоморфна и классическая колонна. Качество вертикализма она наследует от менгиров, надгробных стел и т. п. Вспомним, что этимологически римский термин «капитель» восходит к значению «голова» — человекоподобие получает более четкое выражение по сравнению с архаикой.

Ильинская церковь продолжает этот морфологический ряд. Могучий столп ее четверика вырабатывает неиссякаемую энергию восхождения. Это духоподъемный вертикализм. Мы знаем о значении высотности для русской архитектуры. Высота = красота. Столп Ильинской церкви следует этой эстетической установке.

Куб вполне аналогичен и капители, и главке. Полицы хочется сравнить с плечами. А. И. Комеч пишет: «Для Византии антропоморфизм был не только заветом античной культуры, он был еще и неразрывно связан с идеей вочеловечивания»²². Ильинская церковь хорошо иллюстрирует это положение. Можно говорить о полисимволизме христианского зодчества. Ильинская церковь реализует это качество художественно ярко и самобытно.

Скиния. Прототипом христианского храма является скиния. Ее эйдос отчетливо читается в облике Ильинской церкви.

¹⁹ Там же. С. 160.

²⁰ Лихачёва В. Д., Лихачёв Д. С. Художественное наследие Древней Руси и современность. Л., 1971. С. 13.

²¹ Брунов Н. И. Цит. соч. С. 43.

²² Комеч А. И. Древнерусское зодчество конца X — начала XII вв. М., 1987. С. 52.

А.А. Любищев ассоциировал Платонову идею с биополем А.Г. Гурвича — неким предсуществующим силовым каркасом, на который накладываются материальные объемы. Эйдосом можно назвать идею на стадии ее энергийного проявления, визуализации. Именно скиния впервые закрепила эйдос будущего храма. Она как бы предначертала каркас того сложного архитектурного организма, в который предстоит развиться идее храма — собственно, она и была этим каркасом: легкая, сборная, мобильная. Потом на эту основу наложатся и камень, и дерево. А пока перед нами предварительный эскиз. Но он гениален. Ибо набросан самим Богом, который обращается непосредственно к строителю, настоятельно требуя от него следовать «...тому образцу, какой показан тебе на горе» (Исх. 25, 40).

Здесь впервые указывается на великую значимость первообраза. Асимптотическое приближение к нему станет целью христианского искусства. Гора в словах Бога приобретает еще и символическое значение. Она знаменует высоту идеала — зодчий должен соизмеряться с ним.

В каждом христианском храме живет замысел Божий. Это надо понимать буквально — вне всяких аллегорий. Структурируя пространство скинии, Бог-архитектор решает целый комплекс задач: и формальных, и функциональных. Ильинская церковь напоминает нам о том, что в скинию изначально заложена фундаментальная оппозиция профанного и сакрального — явного и тайного. Всмотримся в план скинии. Вот место, называемое Святая Святых, — оно отделено от остальной части помещения завесой. Как не узнать здесь будущего алтаря и царских врат? В своей схеме скиния была вытянутым прямоугольником. Ильинская церковь повторяет эту геометрию. Еще один инвариант: организующая роль вертикали. Читаем в книге Исход: «И сделал брусья для скинии из дерева ситтим прямостоящие» (Исх. 36, 20). В дереве предзадана та прямизна, какую будет утверждать и человеческий дух, устремляя свои порывы в запредельное. Человек найдет в дереве надежного сотрудника для воплощения своих архитектурных идей. Четверик Ильинской церкви конлинеарен и росту дерева, и брусьям скинии. Здесь явлен единый вектор.

Интересный комментарий к библейским свидетельствам о скинии мы находим у Иосифа Флавия. Это один из первых авторов, который отчетливо осознал: храм — аналог мироздания, его знаковая модель. Говоря о трехчастной композиции скинии, Иосиф Флавий считает, что она «знаменовала собой изображение всего мироздания». Замечательно, что мироздание включает в себя трансцендентный уровень — обиталище Бога. В скинии ему соответствовала третья часть, длиной в 10 локтей — ее отделяли от остального пространства четыре колонны. Сюда не имели права вступать даже священнослужители. Иосиф Флавий

Ил. 3. Вид на Ильинский погост с юга.
Фотография Б. В. Бодэ. Конец 1960-х гг.

Сейчас поле заросло лесом, и увидеть в таком ракурсе памятник уже невозможно

Ил. 4. Ильинская церковь. 1798 г.
Фотография Б. В. Бодэ. Конец 1960-х гг.

Ныне церковь отреставрирована и является действующей – на острове устроена монашеская обитель

продолжает свое изложение: Святая Святых «изображала небо как местопребывание Бога»²³.

В скинии сопряжены горнее и дольнее. Отныне это станет инвариантом для культового зодчества всех трех авраамических религий.

На остов скинии накидывались покрывала. Неизвестно, была ли у скинии крыша с коньком — или тканевое перекрытие ложилось на поперечные балки. В первом случае мы имеем пока ту, во втором — плоскую, параллельную земле крышу. Так или иначе, а ткань должна была реагировать на ветер, несколько меняя очертания скинии. Если натяжка была не слишком тугой, то можно было наблюдать, как ветер лепит различные формы. Не угадывались ли в них будущие архитектурные решения?

Демонтаж скинии — и ее новая монтировка: в этом не было никаких проблем. Конструкция скинии отражает судьбу народо-мигранта. Можно сказать, что скинии присуща своего рода экзистенциальная подвижность — за ней стоит непрочность кочевого быта, невозможность пустить основательные корни. Потом храмы отяжелеют, заякорившись на своих местах. И все же от скинии к ним перейдет непрестанное напоминание о том, что храм всегда находится в движении — его статичность мнима. Он плывет к вечности, отбрасывая по своему фарватеру все суетное, сорное — у него нет на Земле порта приписки.

Ноев ковчег. Козьма Индикоплов утверждал: Ной предвосхищает Христа — между ними есть глубокая аналогия. Оба спасают человеческий род: благодаря первому он «перенесен в лучшую землю», благодаря второму — «перенесен в небесное царство»²⁴. У этих перенесений разный масштаб. Но сотериологический характер общий. Во времена всемирного потопа человечество спаслось благодаря построенному Ноем деревянному ковчегу. Развивая аналогию Козьмы Индикоплова, можно сказать так: церковь — ковчег спасения. Изображения Ноева ковчега в христианском искусстве широко варьируется. Перечислим некоторые формы:

- ковчег трактуется как судно, корабль; древнейший образ ковчега, относящийся к IV в., мы находим в одной из усыпальниц Эль-Багаута — там он подан как египетская барка;

- другое решение — трехступенчатая пирамида, чья структура передает вертикальное сечение ковчега: первый уровень — для зверей и пресмыкающихся, живущих под землей; второй уровень

²³ Флавий И. Иудейские древности. Т. 1. М., 1994. С. 151.

²⁴ Редин Е. К. Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. М., 1916. С. 57. (Указания на места хранения различных изводов «Христианской топографии» приводятся по этому изданию.)

предназначен для наземных четвероногих; на третьем ярусе мы находим птиц и человека; ковчег здесь предстает еще и как модель мира, отражающая стратиграфию биосферы;

• наконец, ковчег может представлять в виде здания — и тут мы находим разнообразные варианты, порой весьма интересные в аспекте их сопоставления с Ильинской церковью.

Первая линия сравнения — геометрическая схема: известны изображения ковчега, которому задан квадратный план. Одно из них приводит Е. К. Редин (Палея XVI в., Императорская Публичная библиотека) — вот его описание: «вверху зеленая полоса, из которой выходят зеленые струи (дождь), внизу ковчег — темно-фиолетовое здание, квадратное с деревянной крышей»²⁵. Еще один пример Е. К. Редин находит в рукописи «Христианской топографии» из Чертковской библиотеки — вот его комментарий: «Изменена форма неба: завитки и зубцы; форма ковчега: квадрат с двускатной крышей»²⁶. Общее структурное соответствие с геометрией четверика Ильинской церкви тут налицо.

Интересно, что именно в изображениях Ноева ковчега мы обнаруживаем решения, вызывающие ассоциации, — причем весьма определенные — с бочечным или кубоватым покрытием. Такова архитектура ковчега из рукописи «Христианской топографии», входившей в собрание Е. В. Барсова. Заметим, что это имя дорого всем, кто интересуется духовной культурой Русского Севера — Елпидифор Васильевич открыл Ирину Федосову; весом его вклад в изучение северного старообрядчества. Он был выдающимся палеографом. На рисунке из найденной им рукописи мы находим предельно геометризованное изображение ковчега²⁷. Перед нами как бы разрез через купол, бочку или куб! Проекция у них одинаковая. Обратим внимание на пучину. Ее появление в ряду иллюстраций является исключительным случаем.

На некоторых миниатюрах Ноев ковчег изображается вместе с лестницей. Архетип корабля — и архетип лестницы: их соседство многозначительно. Ковчег плавает по горизонтали. И вместе с тем это восхождение! Через образ лестницы передается сущностная вертикаль.

Ной часто изображается рядом с ковчегом в тот момент, когда он ударяет в било, собирая животных. Неявно тут намечен образ колокольни, вынесенной за пределы храма, — композиция этих миниатюр хорошо накладывается на архитектуру Ильинской церкви. Казалось бы, такие наложения могут иметь лишь ассоциативно-игровую ценность, однако нельзя исключить, что ими высвечиваются глубинные архетипы, лежащие в основе христианского символизма.

²⁵ Там же. С. 67.

²⁶ Там же. С. 71.

²⁷ Там же. С. 71.

Ковчег Ильинской церкви приплыл на обетованный берег. И вместе с тем, его путь продолжается. Целью остается спасение.

Ковчег Завета. Скиния внутри Вселенной — ковчег Завета внутри скинии: здесь уже просматривается модель мира, в которой задана не только иерархия разномасштабных уровней, но и их структурное подобие, изоморфизм. В XX веке ученые, объясняя организацию материи, будут говорить о «принципе матрешки». Фактически он уже присутствует в построениях Козьмы Индикоплова.

В русских списках «Христианской топографии» мы находим изображения ковчега Завета — об их уникальных особенностях Е. К. Редин пишет следующее: «Поверх крышки не имеется, как в византийском образце, херувимов, их как бы заменяют два ангела: крыло одного, приподнимаясь вверх, соединяется накрест с крылом другого»²⁸.

Силуэтно это соединение крыльев удивительно напоминает очертания куба. В абрисе угадывается пучина. Пусть это чисто формальная ассоциация, но и она может внести свою лепту в восприятие куба Ильинской церкви.

При изображении традиционных херувимов тоже проступает характерная линия, бегающая и главку, и бочку, и куб, — достаточно взглянуть на рис. 308 и 310 в монографии Е. К. Редина, чтобы убедиться в этом сходстве. Мы далеки от мысли, что подобные миниатюры влияли на формотворческие решения народных архитекторов, но бионический подход к проблеме куба вполне оправдан. Ведь крылья ангелов и херувимов морфологически ничем не отличаются от крыльев птиц. Пластика пернатых вполне могла отозваться в исканиях зодчих.

²⁸ Редин Е. К. Указ. соч. С. 283.

К ВОПРОСУ О ЧЕРТАХ СХОДСТВА В ДЕРЕВЯННОМ КУЛЬТОВОМ ЗОДЧЕСТВЕ СКАНДИНАВИИ И СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ

Постановка проблемы

Новгородская земля в период своей самостоятельности имела тесные торговые связи со странами Балтики. Торговые контакты, несомненно, способствовали и культурным взаимовлияниям. Действительно, в развитии монументального зодчества древнего Новгорода выявлено немало западно-европейских влияний¹. В архитектуре и фресковой живописи шведского острова Готланд в Балтийском море обнаруживаются особенности, присущие русской культуре². Актуальность изучения взаимосвязей деревянного культового зодчества скандинавских стран и России очевидна, однако в отечественной историко-архитектурной науке никаких работ в этом направлении так и не появилось.

В настоящей статье мы попытаемся провести предварительное сопоставление архитектурных решений деревянных церквей северной Европы и северо-западных областей России с целью выявления в них принципиального сходства и основных различий.

Большинство деревянных церквей сохранилось в Норвегии, хотя, как полагают, они были широко распространены по всей северной Европе. Строительство их началось с принятием христианства (примерно X–XI вв.). По конструкции скандинавские деревянные церкви были каркасными, поэтому они получили название «мачтовых». Некоторые приемы, использовавшиеся при их возведении, были заимствованы из судостроения, многое в их конструкции было и от устройства жилых домов.

Норвежские церкви, будучи одними из самых древних деревянных сооружений в Европе, датируются начиная с XI в. За время своего существования они, разумеется, перестраивались и ремонтировались. Наряду с первоначальными формами в их архитектуре присутствуют и позднейшие, появившиеся в XVI–XVII вв.

¹ См., напр.: *Седов В. В.* Церковь Федора Стратилата в Новгороде // Архив архитектуры. Вып. IX. М., 1997. С. 3–14.

² *Кудрявцев И. Н.* Воздействие русской и византийской культур на искусство и архитектуру Готланда в эпоху Средневековья // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера. Межвуз. сб. Петрозаводск, 1989. С. 111–118.

Основу большинства скандинавских деревянных церквей составлял прямоугольный объем, вытянутый по линии запад—восток с двухскатным покрытием. Один из простейших вариантов подобных построек представляет церковь в Хольтолене (Haltdalen) XII в. Она состоит из главного прямоугольного объема и примыкающей к нему такой же прямоугольной алтарной части. Близкие решения имеют церкви в Рёдвене (Rodven) XII—XIII вв., в Квернесе (Kvernes) XIV, XVII вв., в Ундредале (Undredal) 1722 г., повторяющей формы предшествующей постройки 1147 г., и другие. Они отличаются от церкви в Хольтолене большей величиной, наличием входных пристроек и возвышающимся над двухскатной кровлей постаментом со шпилем.

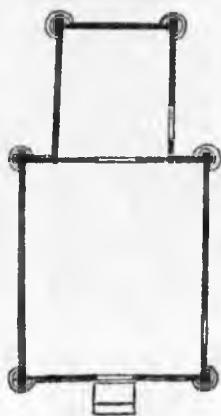
Кроме прямоугольных построек есть церкви, имеющие в плане форму креста. Среди них сравнительно небольшие храмы в Нуре (Nore) и Увдале (Uvdal) XII в., перестраивавшиеся в XVI—XVIII вв., церковь в Роллаге (Rollag) XVII в. Основу их составляет близкий к симметричному крещатый объем. К восточной и западной ветвям креста пристроены прямоугольный алтарь и входная часть. В центре над крещатым прямоскатным покрытием возвышается небольшой квадратный или восьмигранный в плане объем.

Итак, перед нами две принципиально различающиеся схемы, лежащие в основе архитектурных решений рассматриваемых объектов. Первая — прямоугольная с продольной осью симметрии (линейная структура), вторая — крещатая, с продольной и поперечной осями (структура, близкая к центрической). Композиционные оси, заложенные в обеих схемах, предопределяют основные направления развития архитектурных форм в плане.

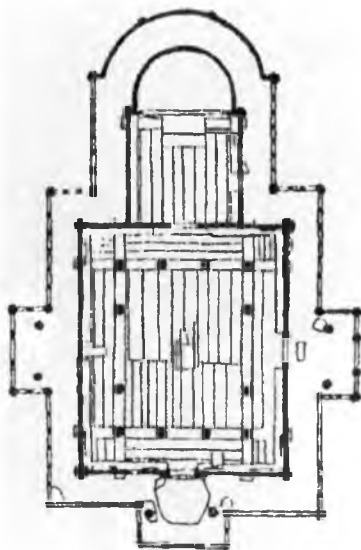
Надо сказать, что в своей типологической чистоте эти структуры представлены весьма небольшим количеством примеров, в основном мы наблюдаем различные варианты их соединения. Существенным дополнением, обогащавшим плановое и объемное решение скандинавских церквей, являются галереи, в ряде случаев огибающие здание со всех сторон. Галереи сочетались как с прямоугольными, так и с крещатыми в плане постройками.

Высотность североевропейских церквей достигается за счет ярусного построения. При этом также можно выделить два основных приема: членение объема на ярусы только в поперечном направлении и ярусное сужение как в поперечном, так и в продольном направлениях. Иными словами, в объеме образуются линейные и близкие к центрическим структуры. Последние, в свою очередь, подразделяются на сужающиеся к центру и переключивающиеся с развитыми ветвями.

Поперечно-ярусные прямоугольные в плане постройки повторяют структуру базилик, примером чего — церковь в Хоре (Nore) XII в., перестройка 1820 г. Ее основу составляет прямоугольный

Ил. 1. Церковь в Хольтолене.
XII в. План

Ил. 2. Церковь в Боргунне.
XII, XVI-XVII вв. План

вытянутый объем с поперечно-ярусным покрытием, завершенный небольшим четвериком со шпилем. Церковь в Каупангере (Kaupanger) 1180 г., XVII в., отличается от предшествующего храма только тем, что членение на два яруса распространяется и на торцевые стены (восточную и западную). В общей композиции продолжает доминировать прямоугольный покрытый на два ската объем, но за счет покрытия нижнего яруса, опоясывающего все здание, усиливается стремление к центричности. На основе этой несложной структуры строятся наиболее развитые архитектурные решения: количество ярусов увеличивается, в композицию основания включаются поперечно-ориентированные элементы, приобретающие вид значительных по величине пристроек (церковь в Ломе (Lom) XII, XVI-XVIII вв.), или небольших двухскатных покрытий над входами (церковь в Боргунне (Borgund) XII, XVI-XVII вв.). Последняя постройка, так же как и церковь в Хеддале (Heddal) XIII, XVII-XVIII вв., отличается сложной структурой верха, включающей прямоугольные в плане, небольшие по величине ярусы с различными формами покрытий. В архитектурных решениях мачтовых церквей преобладают двухскатные и сомкнутые четырехскатные покрытия. Крещатые покрытия по сравнению с ними встречаются реже.

Ил. 3. Церковь в Боргунне.
Фотография Л. Масизля Санчеса

Пример крещатой развитой в высоту постройки представляет церковь в Рингебю (Ringebu) XI, XVII вв., где прием поперечно-ярусного сужения использован на крещатом в плане объеме. Имеются также примеры сочетаний продольных объемов с поперечными сдвинутыми к востоку пристройками, образующими трансепт (церковь в Ваге (Vaga) 1130, 1625–1630, 1758 гг.).

Скандинавские церкви, имея каркасную конструктивную систему, в целом отличаются расчлененностью объемов. Особенно хорошо это заметно на примерах высоких ярусных построек, таких как церкви в Хеддале, Боргунне, Хоппестаде. Изрезанность очертаний плана здесь органично сочетается со сложным многоярусным объемным решением.

◁ Ил. 4. Церковь в Урнесе. XII, XVII вв.
Фотография Л. Масиэля Санчеса

△ Ил. 5. Церковь в Хоппестаде. XII в.
Фотография Л. Масиэля Санчеса

Ил. 6. Церковь в Нуре. XII, XVII–XVIII вв.
Фотография Л. Масиэля Санчеса

Сохранившиеся русские деревянные церкви относятся преимущественно к XVII–XVIII вв. Редкие объекты восходят к XVI в. и более раннему времени. Почти все они имеют сложную строительную историю и несут следы реконструкций.

Основой для всех русских деревянных церквей является сруб, что, так же как и каркас в Скандинавии, налагало особый отпечаток на архитектурное формообразование. Срубные постройки более лаконичны, в них отчетливее выделяется основной объем, по внешнему облику яснее прочитывается внутренняя структура и компоновка помещений. В целом архитектурные решения русских церквей, по сравнению с североевропейскими постройками, более разнообразны. В силу обширности территории большее развитие получили местные традиции. Для сопоставления русских церквей со скандинавскими мы сосредоточим внимание на северо-западных, принадлежащих бассейну Балтики землях России.

Если рассматривать архитектуру русских церквей по тому же принципу, что мы рассматривали скандинавские постройки, то по форме плана основного сруба выделяется ряд типов: прямоугольные, восьмигранные, крещатые. Объемные решения, развивавшиеся на основе перечисленных форм планов, чрезвычайно разнообразны, но перечисление их не входит в задачи настоящей работы. Отметим сразу, что восьмигранные в плане церкви характерны для северо-восточных территорий. Большинство их было построено в бассейне Северной Двины, в районе верхней Онеги. Поэтому восьмигранные церкви мы опустим. Крещатые постройки в русском зодчестве широкого распространения не имели. В северо-западных областях зафиксированы две подобные церкви. Объемные решения прямоугольных (квадратных) в плане храмов подразделяются на линейные, развивавшиеся по продольной оси, и симметричные относительно центра, развивавшиеся по вертикали³. Особенно нас интересуют завершения, имеющие ярусную структуру.

Ярусные завершения в русском зодчестве наиболее широкое распространение получают с XVIII в., однако есть примеры, восходящие и к более раннему времени. Выделяется ряд объектов, основной объем которых состоит из нескольких убывающих

³ Подобная дифференциация основных направлений развития архитектурных решений русских деревянных церквей впервые была предложена В. П. Орфинским в связи с разработкой новой типологической системы деревянного культового зодчества. См.: *Орфинский В. П. Особенности деревянного культового зодчества Карелии // Архитектурное наследство. Вып. 31. М., 1983. С. 17–27; Орфинский В. П., Гришина И. Е. Типология деревянного культового зодчества Русского Севера. Петрозаводск, 2004.*

кверху четвериков, тем самым напоминающих решения, использовавшиеся в скандинавском зодчестве.

Самый ранний из них — храм Нилово-Столбенской пустыни на озере Селигер конца XVI в., известный по иконописному изображению⁴. Три прямоугольных яруса имеют одинаковые крещатые прямоскатные покрытия и завершаются тремя главами. Примерно такова же церковь в Торжке, изображенная на рисунке Н. Витсена 1664 г.⁵, и Пятницкая церковь Борисоглебского монастыря в Сольвычегодске конца XVI — начала XVII в., известная также по старинному изображению⁶. Единственная сохранившаяся до наших дней постройка, обладающая подобным архитектурным решением, — церковь св. Иоанна Предтечи Ширкова погоста, 1694 г. Типологически близка к представленному ряду объектов и Покровская церковь 1729 г. в деревне Турны⁷. Ее основной объем состоял из трех четвериков, над которыми возвышался небольшой восьмерик с главой. Некоторая измельченность верхних ярусов и упрощенные горизонтальные полицы их покрытий лишают постройку ярко выраженного столпообразного характера, присущего рассмотренным выше церквям. Сходные по структуре постройки, но имеющие меньшее количество ярусов? — Богоявленская церковь 1733 г. в селе Палтога и Вознесенская церковь в селе Сэрмакса 1717 г.⁸

Все перечисленные церкви независимо от количества ярусов (два или три) обладают единой структурой основного храмового столпа: строго симметричное относительно вертикальной оси построение объемов и одинаковое для всех четырех фасадов решение. Распространение рассмотренных церквей укладываются в пределы бывших владений Новгорода, хотя датировки объектов относятся ко времени, когда Новгородская земля уже давно стала частью единого Русского государства.

Кроме центрических ярусных завершений, состоящих из четвериков, в русском деревянном зодчестве есть примеры и поперечно-ярусных решений. Одной из разновидностей покрытий клетских церквей являются так называемые каскадные, или

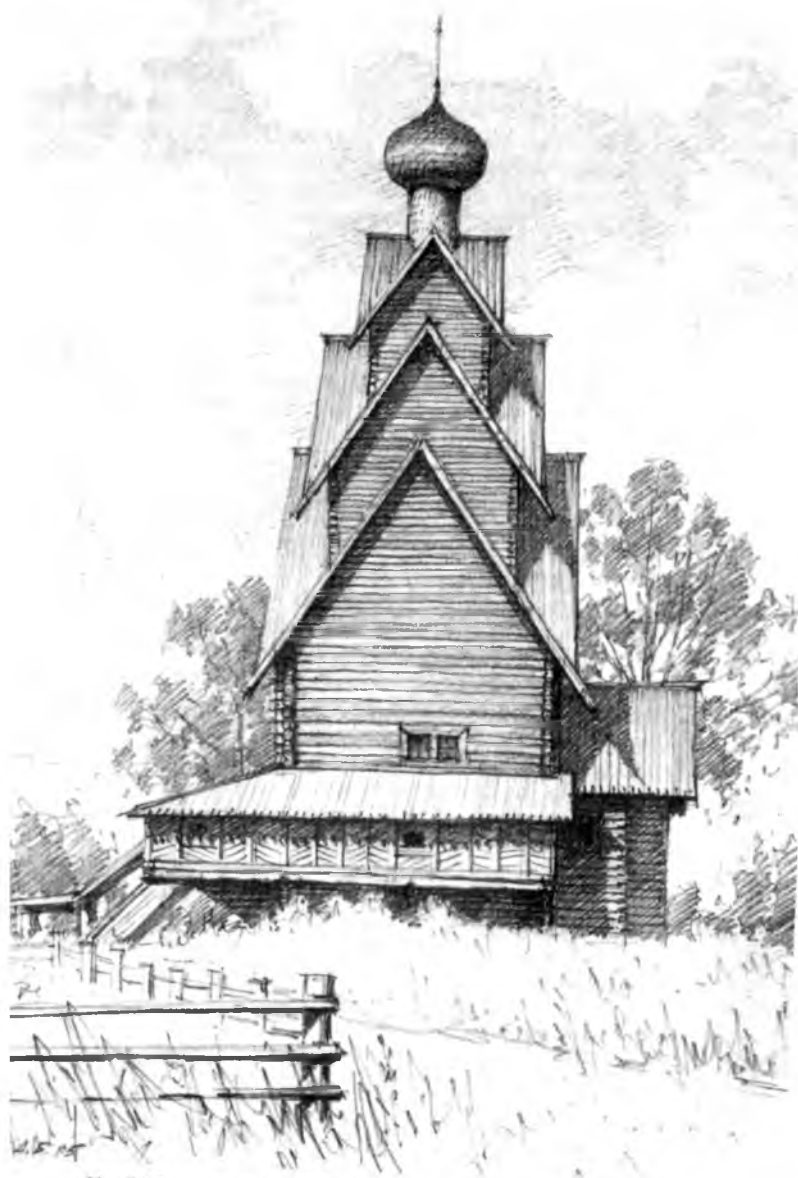
⁴ Максимов П. Н., Воронин Н. Н. Деревянное зодчество XIII–XVI вв. // История русского искусства. Т. III. М., 1955. С. 280.

⁵ Кирпичников А. Н. Россия XVII века в рисунках и описаниях голландского путешественника Николаса Витсена. СПб., 1995. Вклейка. Рис. 6.

⁶ Брайцева О. И. Сольвычегодск конца XVII в. // Архитектурное наследие. Вып. 24. М., 1975. С. 76–82.

⁷ Красноречьев Л. Е., Тынтарева Л. Я. Как мера и красота скажут. Памятники древнего деревянного зодчества Новгородской области. Л., 1971. С. 64–65; Шургин И. Н. Исчезающее наследие. М., 2006. Рис. 8.5.

⁸ ИИАК. Вып. 52. Пг., 1914. С. 76.

Ил. 7. Церковь св. Иоанна Предтечи в деревне Ширково. 1694 г.

Рис. автора

Ил. 8. Георгиевская церковь в селе Юковичи. 1495 г.
Фотография П. В. Степанова

ступенчатые, покрытия. На большинстве построек эта особенность выглядит как декоративный прием, выражающийся в делении каждого ската на две или три ступени (высотой обычно 2–3 бревна). Подобных церквей известно немало. Среди них Георгиевская церковь 1495 г. в селе Юковичи, Рождества Богородицы 1599 г. в деревне Лиственка, Владимирская XVII в. в Старой Руссе⁹ и другие. Выделяется Никольская церковь XVII–XVIII вв.

⁹ Красноречьев Л. Е. Исследование и реставрация памятников деревянного зодчества по опыту работ в Новгородской области. СПб., 1999. С. 41.

Ил. 9. Никольская церковь из деревни Тухоль. XVII–XVIII вв.
Музей «Витославицы». Фотография П. В. Степанова

из деревни Тухоль, перевезенная в музей «Витославицы». Высота стены между скатами составляет семь венцов, отчего завершение церкви выглядит поперечно-ярусным. Еще один пример поперечно-ярусного завершения, но более развитого, состоящего из трех ярусов, представляет церковь в Крестцах по изображению в альбоме Мейерберга XVII в.¹⁰

Распространение храмов с каскадными и поперечно-ярусными завершениями охватывает северо-западные области — территории, составлявшие центральную часть древней Новгородской земли. Первоначально высказывавшееся предположение В. П. Орфинского¹¹ и дальнейшие авторские исследования¹² приводят к мысли, что каскадные покрытия являются преобразованием

¹⁰ Мейерберг А. Виды и бытовые картины России XVII в. СПб., 1903. Л. 9. Рис. 27.

¹¹ Орфинский В. П. Народное деревянное культовое зодчество Русского Севера: истоки развития // Народное зодчество. Сб. науч. трудов. Петрозаводск, 1992. С. 44.

¹² Бодэ А. Б. Деревянные церкви с каскадными покрытиями. Архитектурные решения, ареалы, аналогии // Архитектурное наследство. Вып. 52. М., 2010. С. 98–114.

Ил. 10. Церковь в Крестцах.
Рис. из альбома А. Мейерберга. XVII в.

Ил. 11. Церковь в Богородицком.
Рис. из альбома А. Мейерберга. XVII в.

Ил. 12. Церковь в Медном.
Рис. из альбома А. Мейерберга.
XVII в.

поперечно-ярусных завершений. Последние, по сути, — те же ярусные, состоящие из четвериков структуры, но развитые только в одной плоскости. Судя по датировкам объектов, церкви с поперечно-ярусными завершениями должны были существовать в период самостоятельности Новгорода.

Кроме строго симметричных и поперечно-ярусных завершений известны еще и промежуточные варианты архитектурных решений. Подобные примеры мы можем увидеть среди изображенных деревянных церквей XVII в. в альбоме Мейерберга. Наиболее простым решением обладает церковь в Богородицком, состоящая из прямоугольного покрытого на два ската основного сруба и возвышающегося над ним такого же объема, но меньшей величины. Причем церковь не имела даже

главы и, по-видимому, завершалась просто крестом¹³. Церковь в Медном отличалась более сложной структурой, состоящей из двух нижних четвериковых ярусов с двухскатными покрытиями и верхнего восьмерика, покрытого шатром¹⁴. Постановка четверика на четверик присутствует также в архитектурном решении Кирилловской церкви в селе Танищи Белозерского уезда: прямоугольное основание с двухскатным покрытием, второй, также прямоугольный ярус покрыт горизонтальными полицами, верхний восьмерик несет главку¹⁵. Весьма необычный пример ярусного завершения представляет Никольская церковь середины — второй половины XVII в. из деревни Мякишево, перевезенная в музей «Витославицы». Здесь ступенчато понижающаяся структура основного сруба, покрытого на два ската, развивается по продольной оси здания. Непривычно для русского зодчества устройство боковых прирубов, сдвинутых к востоку так, что по плану Никольская церковь напоминает норвежские постройки с вытянутым в длину объемом, трансептом и полукруглой апсидой. Перечисленные объекты со смешанной ярусной структурой

¹³ Мейерберг А. Указ. соч. Л. 14. Рис. 43.

¹⁴ Мейерберг А. Указ. соч. Л. 13. Рис. 41.

¹⁵ ИИАК. Вып. 26. СПб., 1908. С. 39.

Ил. 13. Никольская церковь из деревни Мякишево.
Середина — вторая половина XVII в. Музей «Витославицы». Рис. автора

основного объема также тяготеют к северо-западу, кроме церкви в Танищах, которая занимает положение, порубежное по отношению к территории бывшей Новгородской земли.

При сравнении русских и скандинавских построек первым обращает на себя внимание внешнее сходство церквей с каскадными покрытиями и базилик. Действительно, структура покрытия

тех и других аналогична, однако мы видим и немало различий. Большинство русских церквей с каскадными покрытиями по пропорциям напоминают башни, их основной объем в плане близок к квадрату. Базилики, напротив, вытянуты в длину и внутри имеют два ряда опор, делящих интерьер на два нефа. Кроме того, отдельные русские примеры, имеющие трехступенчатое завершение, и предположение о том, что поперечно-ярусные завершения предшествовали каскадным, убеждают в том, что перед нами разные типы зданий.

Ближе всего к решениям, характерным для скандинавских мачтовых церквей, оказываются поставленные один на другой четверики с двухскатными покрытиями, известные нам всего лишь по двум рисункам из альбома Мейерберга. Кроме того, общее объемное и плановое решение церкви из деревни Мякишево заставляет задуматься о том, что ее далекими прототипами могли быть скандинавские постройки.

Надо признать, что ярусные четвериковые завершения деревянных церквей, распространенные в русских северо-западных областях, вполне могут нести отголоски скандинавских влияний. Однако прямых повторений форм североевропейских построек мы здесь не видим. Дошедшие до нас рассмотренные примеры если и несут влияния скандинавского зодчества, то в сильно переработанном виде.

Строго симметричное построение основного храмового объема, как видим, свойственно русским деревянным постройкам. Одинаковому решению всех четырех фасадов мы находим аналогию в древнерусском каменном зодчестве. Подобие образу небольшого каменного крестовокупольного храма особенно ярко выражено в архитектуре деревянных храмов с крещатыми прямо-скатными покрытиями. Отсюда можно предположить, что ярусные четвериковые завершения, такие как на церкви в Ширково, построены по принципу, заимствованному из северной Европы, но структурированы «по-русски» — симметрично относительно вертикали.

Крещатые в плане церкви, будучи относительно редким типом, зафиксированы в различных частях России: на территории нынешней Вологодской области, в Поонежье, в Поморье. Самая ранняя из них в Новгородской области — Успенская церковь из села Перёдки, построенная согласно исследованиям Л. Е. Красноречьева до 1539 г. (ныне в музее «Витославицы») ¹⁶. Другая аналогичная постройка Новгородской области — Пятницкая церковь 1784–1787 гг. в селе Полищи, хотя эта датировка

¹⁶ Красноречьев Л. Е., Тынтарева Л. Я. Как мера и красота скажут. Памятники древнего деревянного зодчества Новгородской области. Л., 1971. С. 37–38.

Ил. 14. Успенская церковь из села Перёдки. До 1539 г., конец XVII в.
Музей «Витославицы». Рис. автора

вызывает сомнение¹⁷. Обе церкви имеют прямоскатные крещатые покрытия, над которыми в центре возвышается восьмерик, завершенный шатром.

Сходным архитектурным решением основания обладают представленные выше норвежские церкви в Хоре и Увдале. Обратившись к каменному культовому зодчеству стран Балтики, мы видим преобладание линейных решений (базилик и развитых на их основе более сложных композиций). Характерным примером каменного средневекового скандинавского храма является собор в Лунде конца XII в., состоящий из удлиненного трехнефного объема, примыкающего к трансепту с полукруглой апсидой¹⁸. Правда, встречаются каменные храмы с планом, развитым на основе креста, например, церковь в Калунборге 1170 г.¹⁹, но они отличаются значительно более сложной структурой, несопоставимой с простейшими деревянными крещатыми церквями. Выделяются постройки острова Готланд, как отмечалось, несущие влияния русской культуры. Среди них наиболее близка русским храмам церковь св. Ларса второй четверти XIII в., имеющая основной квадратный в плане объем с четырьмя внутренними столбами, к которому с четырех сторон примыкают соподчиненные объемы²⁰.

Таким образом, основываясь на аналогиях с каменным зодчеством, можно предполагать, что крещатые в плане постройки и крещатые покрытия в деревянном зодчестве Скандинавии отражают русские влияния.

Предположения о взаимовлияниях в деревянном зодчестве Скандинавии и северо-запада России строить чрезвычайно сложно, поскольку время, когда могли происходить эти явления, ушло в далекое прошлое. Число объектов, сохранившихся или известных по историческим источникам, очень невелико по сравнению с тем количеством, что было построено за истекшее время и оказалось утраченным. Ввиду малочисленности объектов наши представления о преобладании тех или иных приемов в их архитектурных решениях могут быть не совсем верны. Кро-

¹⁷ ИИАК. Вып. 34. СПб., 1910. С. 21–22. Все известные деревянные крещатые церкви в России датируются XVI–XVII вв. и очевидно представляют собой достаточно древний тип храма. Церковь в Полищах — единственная постройка, датируемая концом XVIII в., имеет почти вековой отрыв от аналогичных церквей. Кроме того, маловероятно, что в 1780-х гг. в Новгородской губернии могла быть построена церковь с шатровым верхом. Скорее всего, указанная дата фиксирует реконструкцию более ранней постройки.

¹⁸ Архитектура Западной Европы. Средние века // Всеобщая история архитектуры. Т. 4. Л.; М., 1966. С. 595.

¹⁹ Там же. С. 583.

²⁰ Там же. С. 597–598; *Кудрявцев И. Н.* Указ. соч. С. 111–112.

ме того, очень велик разброс в датировках скандинавских и русских деревянных церквей.

Похоже, что рассмотренные особенности церквей северо-запада России несут отголоски влияний скандинавского зодчества. Нам ориентировочно известны постройки, которые оказывали это влияние, и время, когда оно могло происходить — период самостоятельности Новгорода. Существенным пробелом является архитектура древнерусских деревянных церквей, непосредственно воспринимавших североευропейские влияния. Объектов, относящихся к тому времени, в России практически не сохранилось. Судя по деревянным церквям, построенным в основном более двух веков спустя, скандинавские влияния выражались в устройстве ярусных прямоугольных в плане завершений. Причем, как мы рассмотрели, композиции, состоящие из четвериков, могли быть самыми разными.

Предпринимая попытки выявления русских влияний на скандинавское зодчество, мы сталкиваемся с еще большей проблемой — отсутствием самих построек, распространивших влияния. Нам приходится экстраполировать архитектурные решения, известные по постройкам XVI–XVII вв., на несколько столетий назад. Свои предположения мы строим на ареалах рассматриваемых приемов и форм, полагаясь на консервативность и преемственность в развитии русского деревянного зодчества. В поисках дополнительных «точек опор» мы ищем признаки общие и для деревянного, и для каменного русского зодчества. Таким признаком оказывается строго симметричное построение основного объема, отчего завершения всех четырех фасадов приобретают одинаковые очертания. Крещатые прямоскатные покрытия (на восемь скатов) составляют одну из особенностей и каменной, и деревянной архитектуры северо-запада России. Аналогов построек с правильными крестообразными планами и соответствующими покрытиями в каменном зодчестве Скандинавии мы не находим. Отсюда мы предполагаем, что крещатые формы планов и крещатые покрытия в деревянном зодчестве Скандинавии могли появиться в результате русских влияний.

Представленные положения могут послужить рабочими гипотезами для дальнейших исследований по данной теме. Думается, что недостаточность знаний по деревянной архитектуре обеих стран в определенной мере может быть восполнена углубленными сопоставлениями известных решений в дереве с особенностями каменного зодчества. Учитывая характер средневекового мышления и архитектурного творчества, невозможно представить, что в дереве и камне развивались принципиально различные композиции, приемы и формы. Выявление общих тенденций формообразования, свойственных и деревянному, и каменному зодчеству Скандинавии и России, несомненно, даст новый материал для размышлений.

ТРЕТЬЯ РАТУША ГОРОДА ЭСЛИНГЕН-АМ-НЕККАР (Германия, земля Баден-Вюртемберг)

Архитектурно-градостроительное решение

Древний город Эслинген возник на правом берегу реки Неккар из монастырского поселения, известного с середины VIII столетия. Сам монастырь, названный в честь св. Виталия и являвшийся древнейшим религиозным центром, не только решал значительные хозяйственные задачи, но в первую очередь предназначался для проведения франкской политики. Обитель исчезла между XI–XII вв., оставив на своем месте церковь св. Дионисия. От этого ядра город разрастался в юго-восточном направлении и к 1077 г. был обозначен как «oppidum»¹.

В качестве серьезного торгового центра Эслинген предстал в XI в. Его купцы успешно торговали в Кёльне и в бассейне Нижнего Рейна. Основным источником их дохода являлось виноградарство. Ремесленничество сложилось только к XIII в. Сформированное из купцов и ремесленников бюргерство добилось к XIV в. влияния в экономической жизни и административном управлении города. С образованием Совета, который впервые упомянут в 1271 г., власть чиновника (фогта), представлявшего интересы феодалов, стала постепенно ослабевать. С 1291 г. цеховые мастера являлись полноправными членами Совета.

Политические успехи, достигнутые горожанами, нашли свое отражение в архитектурно-градостроительном развитии Эслингена². Значительно расширяется площадь поселения, интенсивно ведется строительство культовых объектов и городских стен, впервые упомянутых в 1241 г. На другом берегу реки напротив Эслингена возникает форштадт, дата основания которого по документам приходится на 1281 г. Возведение вокруг него стен происходило в течение последующих 150 лет. На фоне развивающейся периферии начинает выделяться центральное ядро. К XV в. этот городской ареал стал именоваться «Старым городом». Здесь проживали наиболее обеспеченные слои населения. Перечисленные этапы развития Эслингена шли в русле истории градостроительства других городов Германии³.

¹ Место, укрепленное валом и рвом; город (*лат.*).

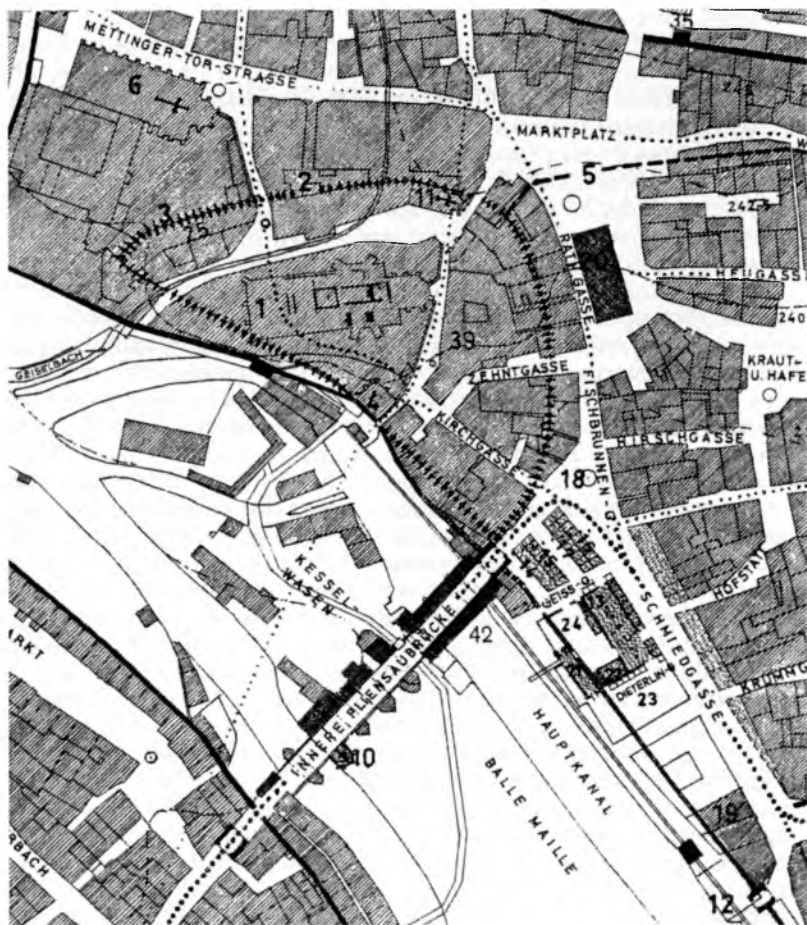
² Nagel G. Das mittelalterliche Kaufhaus und seine Stellung in der Stadt. Berlin, 1971. S. 164–168.

³ Gruber K. Die Gestalt der deutschen Stadt. München, 1977. S. 60, 164.

Через Неккар между форштадтом и городом пролегал мост, который, предположительно, вначале был деревянным. Капитально обновленный во второй половине XIII в., он стал, по сути, представлять собой улицу, обстроенную домами. Среди жилых строений, ближе к форштадту, возвели капеллу. Она и водозаборная башня (колодец) — это все, что сохранились после другой капитальной реконструкции, последовавшей в середине — конце XVII в. и ликвидировавшей застройку на мосту. О временных рамках этого строительного этапа свидетельствуют разновременные средневековые рисунки.

Река Неккар не была судоходной и, видимо, часто мелела в зависимости от времени года. Средневековые художники как раз показали различное состояние реки, в одном случае изображая один основной поток, в другом — с разветвлением. В городе был развит рыбный промысел, поэтому старейший городской рынок стал именоваться Рыбным. Располагался он, естественно, близ реки и занимал маленькую территорию, в результате чего не стал рыночной площадью. Кроме Рыбного, Эслинген располагал еще несколькими рынками, рассредоточенными в городской застройке. Особое место по значимости среди них занимал Хлебный рынок. Будущая центральная рыночная площадь возникла на перекрестке двух главных дорог, которые проходили вдоль реки — там, где они встречались с главной артерией переправы или брода, расположенной чуть севернее Архивной башни. В транспортном отношении Хлебный рынок имел ряд преимуществ перед Рыбным. В первую очередь — это удобное сообщение с большинством районов города. В восточном направлении от центра на расстоянии менее 50 м занял свое место Овощной рынок, где продажа зелени соседствовала с торговлей гончарной посудой. Юго-восточнее от него был устроен рынок по продаже древесины, играющей огромную роль в местном домостроении, поскольку Эслинген с полным основанием носил имя «фахверкового». Об этом свидетельствует одна из трех представленных старинных зарисовок XVII в.

О местонахождении первой ратуши города существует несколько гипотез, так как отсутствуют данные, на основании которых можно было бы сделать более или менее точное определение. Не сохранилось и сведений о ее внешнем облике. Одна из гипотез предполагает расположение первой ратуши на месте, где позднее была поставлена вторая ратуша, а именно у реки, близ Рыбного рынка. Другая гипотеза учитывает изначально важную роль монастырей в социально-политической жизни средневекового общества. Отсюда вытекает версия о проведении первых собраний городских представителей в монастырских стенах. Возможно, вначале под открытым небом, а затем — и в особо

Ил. 1. Генплан Эслингена с городским центром.
Графическая реконструкция средневековой планировки. Фрагмент

отведенном помещении. Во всяком случае, от середины XIV в. сохранились четыре документа, в которых Совет выступал в качестве суда при Доминиканском монастыре и имел здесь для заседаний специальное помещение (Ratstube). Возможно также, что этот суд действовал еще очень долго, даже после строительства двух позднейших ратуш. Кстати сказать, ни в одной из них не упомянуты помещения, предназначенные для судопроизводства. Напротив, в документе от 1404 г. указан некий Дом правосудия,

который находился в западном фронте застройки Хлебного рынка. В средневековой Германии подобная дифференциация встречается наряду с внушительными зданиями, объединяющими под своей крышей почти все виды административного управления⁴.

В первой половине XIV в. в Эслингене велось крупномасштабное строительство. Речь идет о возведении Фрауенкирхе и стены, опоясывающей форштадт. И лишь только во второй половине этого столетия, в промежутке между 1362–1372 гг., смогли приступить к строительству Торгового дома, являющегося одновременно второй ратушей. В этом десятилетии отмечался величайший расцвет в сфере развития хозяйства, что, несомненно, создало благоприятные условия для начала ее строительства.

К сожалению, вторая ратуша также не сохранилась. Она погибла в результате городского пожара 1701 г., который уничтожил добрую половину застройки в юго-восточной части Эслингена. Городской план перед этими трагическими событиями не был зафиксирован. Поэтому его графическая реконструкция потребовала титанических усилий многих современных ученых⁵. Несмотря на это, их совместный труд все же не может претендовать на полную достоверность. Один из участников восстановления плана писал: «...дать панораму архитектуры зданий практически невозможно. То тут, то там в актах находишь только пылинки, являющиеся отдельными чертами, из которых целого не составишь и достоверную картину не получишь». Однако три небольших случайно сохранившихся рисунка Эслингена при совмещении с данными письменных источников позволяют определить с небольшой долей вероятности внешний вид и внутреннее устройство его ансамблей или отдельных зданий. Этот вспомогательный материал чуть приоткрыл завесу над архитектурным обликом Торгового дома (ратуши) и застройкой вокруг нее.

Виды Эслингена М. Пфистера (1650 г.), неизвестного автора (1685 г.) и З. Штаубера (конец XVII в.) показывают берег Неккара между мостом и воротами с водозабором. Их рисунки сходны по характеру изображения городских кварталов с высоты птичьего полета, вследствие чего у попавших в поле зрения художников домов зафиксированы, к сожалению, только кровли и торцовые фасады. Два из них (Пфистера и неизвестного автора) показывают важнейшие здания города в очень упрощенном виде. На третьем рисунке, выполненном Штаубером с претензией на аксонометрический чертеж, городская застройка проработана более детально и четко. Из трех изображений несомненную

⁴ Nagel G. Op. cit. S. 171, 172.

⁵ Haffner E. Das Esslinger Kaufhaus. 1388–1749. Esslingen, 1927. S. 4; Nagel G. Op. cit. S. 177.

Ил. 2. М. Пфистер. Панорама г. Эслингена. Фрагмент. 1650

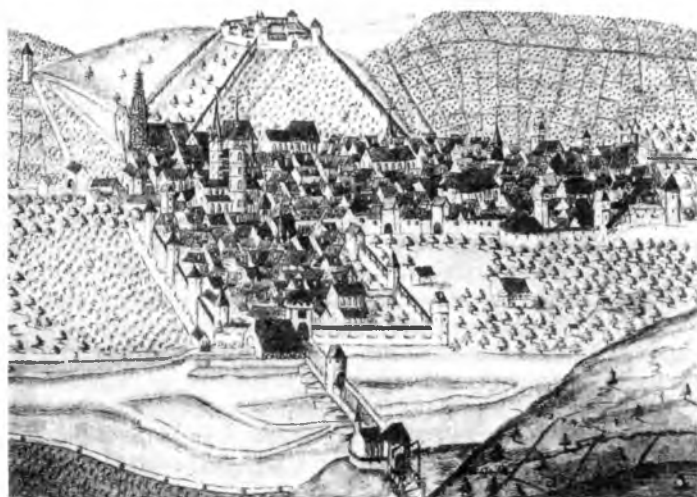
ценность представляет работа Пфистера, передающая, несмотря на свою примитивность, преобладающее использование фахверка в местном домостроении. Видимо, неизвестный автор по чисто техническим соображениям (из-за небольших размеров панорамы) не попытался прорисовать фахверковые фрагменты, которые могли бы просматриваться в отдельных домах. Штаубер со своей стороны в начертанной им аксонометрии также решил не дробить торцы элементами каркаса и не разрушать впечатлительные целостности, что затруднило бы восприятие силуэтов домов.

За городскими стенами, увенчанными, по Пфистеру, зубцами, просматриваются три свободностоящих в продольном направлении здания. Севернее их, прямо от башни, следуют также три дома, видимо, пристроенные к городской стене. Между ними и мостом художник показал значительное трехэтажное фахверковое здание с прямоугольным вытянутым планом. На этом месте и должна была стоять вторая ратуша (Торговый дом). Ее объем покрыт двухскатной кровлей. По центру главного фасада расположен эркер. К сожалению, городские стены скрывают его нижнюю часть вместе с прилегающими строениями. Второй и третий рисунок помогают мало. На них можно разглядеть только кровлю за городской стеной. Поэтому трудно сказать, где был устроен главный вход, какова была этажность эркера, а также как было организовано пространство перед ратушей.

В архивах Эслингена сохранилась рукопись 1732 г. некоего господина Эхера (городского чиновника), который попытался

Ил. 3. З. Штаубер. Панорама Эслингена.
Конец XVII в.

Ил. 4. Неизвестный художник. Вид Эслингена. 1685

запечатлеть пожар, охвативший ратушу и окружающие ее строения. В ней написано: «Огонь одновременно охватил весовую, соляной склад, суконную лавку, а также помещения, где ко времени ярмарки были складированы мейсенский фарфор и изделия галантерейщиков, вслед за ними загорелись жильё весовщика, дубовая ратуша, известная своими внушительными размерами, и бойня». Из этого манускрипта напрашивается вывод, что вышеперечисленные помещения находились или под одной кровлей, или в соседствующих строениях. Следующий обнаруженный документ XVIII в. подтверждает своим перечислением близость их расположения и уточняет, что бойня располагалась в отдельном строении, где она занимала первый этаж, тогда как второй принадлежал кожевенному делу⁶.

Типовая планировка немецких ратуш помогла воссоздать устройство второй ратуши Эслингена. На первом этаже находился открытый для посещения торговый зал, административный блок и весовая. Здесь же устраивались кладовые для жизненно важных продуктов второй очереди (зерновые после 1430 г. стали храниться в Новой ратуше) — соли, жира, льда, которыми распоряжались чиновники. В соответствии со своим назначением первый этаж, скорее всего, имел очень массивные стены и напоминал подвал. Разделение на отдельные камеры внушительных размеров осуществлялось за счет надежных деревянных перегородок. Каждая камера была оборудована весами с гирями, бочками, ящиками, сундуками, ларями и т. д. Товары оптовых торговцев за особую плату хранились в предназначенных для того кладовых. Рядом с помещениями администрации находилась весовая, где в решетчатой клетке хранились старейшие городские весы, контрольные, на случай споров между продавцами и покупателями.

В верхние этажи можно было попасть по лестнице, марши которой освещались окнами эркера. Одно из этих окон служило для оглашения решений городского Совета, который занимал комнату на втором этаже. Пока не обнаружено документов, подтверждающих наличие бюргерского зала и ряда канцелярских помещений. Среди них должны были находиться канцелярия, комната по сбору налогов, состоящих в ведении Совета. Можно только предполагать, что бюргерский зал занимал площадь на втором этаже, рядом с «Ratstube», как того требуют правила устройства средневековых административных зданий. В то же время сохранился документ, в котором однозначно указано, что продавцы готовой одежды «...на большой площади и в Доме свои места имели. В Доме в их распоряжении находился второй этаж...». В более раннем документе (1489) подтверждается соседство с «Ratstube» торговых мест: «В Старом доме, поми-

⁶ Nagel G. Op. cit. S. 178.

мо продавцов готовой одежды, половину свободной площади должны занять сукончики и галантерейщики». Однако окончательно согласиться с отсутствием бюргерского зала было бы преждевременным. Последовательное чередование праздничных, торжественных мероприятий и торговли в нем с целью получения дополнительного дохода не было чем-то исключительным. О расположении и назначении помещений третьего этажа ничего не известно. Вероятно, его помещения отводились сборщикам налогов и различным канцелярским службам.

Ратуше с Торговым домом принадлежал двор, где горожане собирались слушать оглашение приговоров, постановлений, предписаний, указов и т. д. Исследователям не удалось точно вычислить его местоположение и габариты. Однако несомненно, что это было замкнутое пространство между продольным фасадом ратуши с Торговым домом, городской стеной и соляным складом. За городской стеной в XVI в. построили двухэтажный дом, который занимали бойня и кожевенное производство. Здание имело в длину 73 фута, а в ширину 23 фута, как указывают документы 1778–1779 гг. В нем предусматривался сквозной проход во двор. Изучение налоговых книг и документов по арендной плате показало наличие сапожной мастерской либо в самом Торговом доме, либо в Торговых рядах, находящихся близ него.

Соляной склад также находился под надзором городской администрации. Поэтому его размещение возле ратуши в Средневековье — явление довольно частое. Здесь осуществлялась торговля солью, которая являлась важной составляющей доходов бюджета Эслингена. В специальных кладовых немецкие или иноземные купцы держали предназначенную для продажи соль. О внешнем облике этого склада ничего неизвестно. Но по документу 1587 г. можно с уверенностью сказать, что его облик оставял желать лучшего: весовщик жаловался на печальное состояние склада, который не создавал достойного фона для ратуши с Торговым домом⁷.

После 1372 г. экономика Эслингена переживает упадок. Вслед за затяжным кризисом, пиком которого стал 1411 г., следовали годы относительной стабильности и начало очередного подъема. В 30–40 гг. XV в. развитие города достигло прежних высот. Эслинген даже стал главой триумvirата городов, в который входили Вайль-дер-Штадт и Ройтлинген. Триумvirат был направлен на борьбу против графов фон Вюртембергов. Но война (1449–1453), в немецкой истории известная как Война городов, имела катастрофические последствия для Эслингена. Сразу же после начала боевых действий были разрушены его винные погреба — важный источник пополнения городского бюджета. Город вновь ожидал экономический коллапс. В межкризисные десятилетия (20–40 гг.

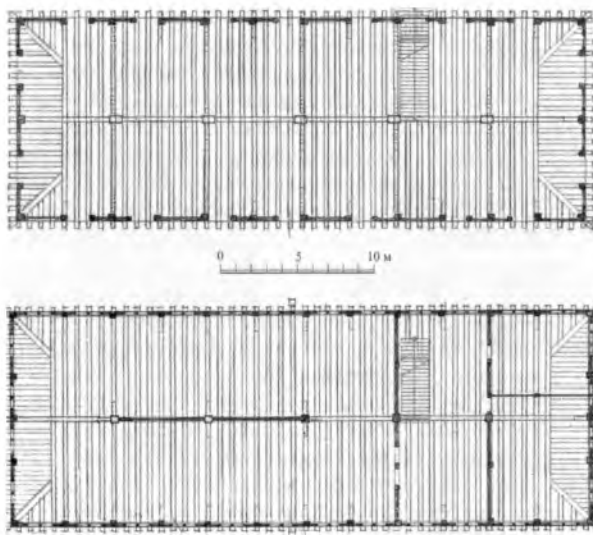
⁷ Nagel G. Op. cit. S. 179, 180.

XV в.) относительного благополучия создались предпосылки для обновления важнейших городских построек Эслингена.

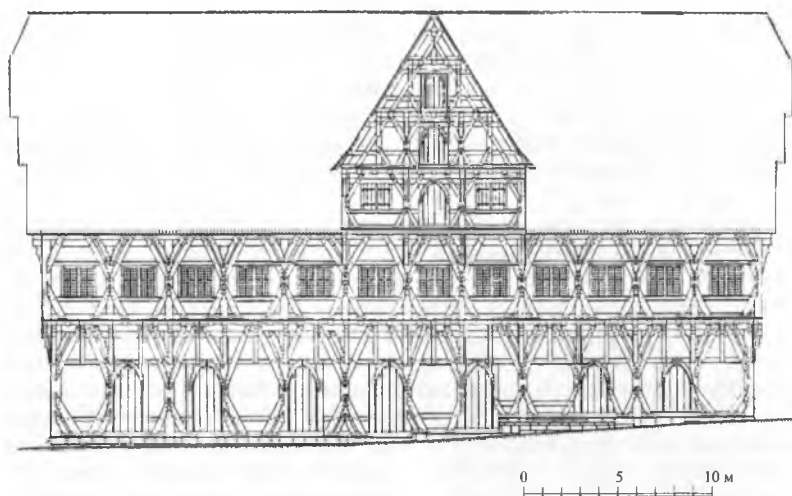
Есть основания предполагать, что вторая ратуша обязана своим появлением не столько расцвету экономической жизни города, сколько несостоятельности первой, не отвечавшей в тот период времени требованиям, предъявляемым городским обществом. Однако со строительством третьей ратуши дело обстоит несколько иначе. Дело в том, что вторая ратуша, здание которой, кстати сказать, было еще далеко не старым (менее 100 лет) и добротным благодаря использованию при ее возведении дубовой древесины, могла служить городу еще не одно десятилетие. Поэтому в решении создать новый административный центр на самой значительной городской площади присутствовал, несомненно, фактор честолюбия. Удивительно, что сведения, которыми располагали специалисты по второй ратуше, ничего не сообщают о бюргерском зале — предмете гордости любого другого города. Не имеется сведений ни о его использовании, ни оценки его архитектурных особенностей. Отсюда напрашивается вывод либо о его отсутствии, либо о его незначительности и невзрачности. С этим вряд ли долго могли мириться горожане. И как только после преодоления спада в экономике представилась возможность, патриотично настроенное в отношении своего города общество приступило к претворению в жизнь своих честолюбивых замыслов, среди которых не на последнем месте стояло возведение Новой ратуши.

Третья ратуша г. Эслингена была построена в первой половине XV в. Точное время начала, как и завершения ее строительства, установить не удалось. Поэтому примерная дата основания определяется по документу, в котором она упоминалась впервые — 1430 г. Предположительно, строительство завершилось близко к этому году.

По способу своего возведения новое административное здание относится к фахверковым постройкам. Сооружение немецких фахверковых ратуш и их дальнейшая эксплуатация включает ряд этапов. Каждая из них на своем веку (а у многих он был долог), переживала многочисленные ремонты, реставрации и реконструкции. Одни сохраняют свое назначение до настоящего времени, другие уступили его вновь выстроенным более комфортабельным преемникам. Ратуша в Эслингене дважды меняла свое название. Вначале она именовалась Новым домом, затем — Домом налогового управления, и, наконец, на современном этапе называется Старой ратушей. Этапы ее строительной истории оставили свой отпечаток в ее внешнем облике и внутреннем устройстве. Фахверковая решетка фасадов то скрывалась под слоем штукатурки, то вновь обнаруживалась. Ремонтные и реконструктивные работы проводились также в интересах.

Ил. 5. План 1-го и 2-го этажей третьей ратуши г. Эслингена.
Первоначальная планировка. Реконструкция автора

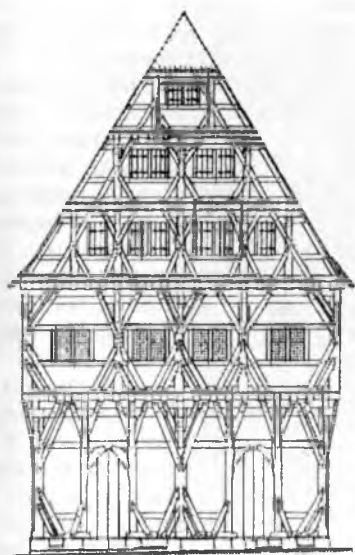
Ил. 6. Восточный фасад ратуши.
Первоначальный облик. Прорись автора

Ратуша располагалась с севера на юг и одним из торцовых фасадов раскрывалась к Рыночной площади неопределенной удлинненной формы. Такое положение отвечало градостроительным приемам эпохи готики. Однако в своем решении местные мастера не столько следовали старым традициям, сколько были вынуждены считаться с расположением окружающей застройки, мешающей сделать продольный фасад главным. Таким образом, кроме главного торцевого фасада ратуши, остальные, в особенности западный, оказались зажаты окружающими домами.

Простая объемная композиция здания представляла двухэтажный, вытянутый параллелепипед, накрытый двухскатной кровлей. План первого этажа — прямоугольник с размерами 35,93×13,52 м, план второго этажа, нависающего периметрально над первым, имел, соответственно, — 36,69×14,29 м. На первом этаже, как и во всех средневековых ратушах, находился торговый зал, в котором в качестве наиболее привилегированного условия в торговом мире обосновались мясники и булочники. Его планировка, несмотря на свою простоту, все же имела некоторую странность в виде непомерно большого количества дверей, размещенных по всем четырем сторонам (по две на торцовых фасадах, по семь на продольных). Объяснение дают исторические сведения 1408 г., когда жители Эслингена получили высочайшее разрешение проводить в ноябре ежегодные ярмарки⁸. Спустя двадцать лет перед строительством новой ратуши это обстоятельство учли, поскольку торговый зал должен был являться, по сути, центром ярмарки. Кроме того, местные власти давно лелеяли мысль открыть собственное производство бумагеи, причем непременно намечалась выставка-продажа продукции в определенное время все в том же торговом зале. Отсюда вытекало требование заказчиков обеспечить максимальную доступность торгового зала для посетителей. Не исключено, что в обычные дни двери на боковых фасадах могли использовать также для завоза товара.

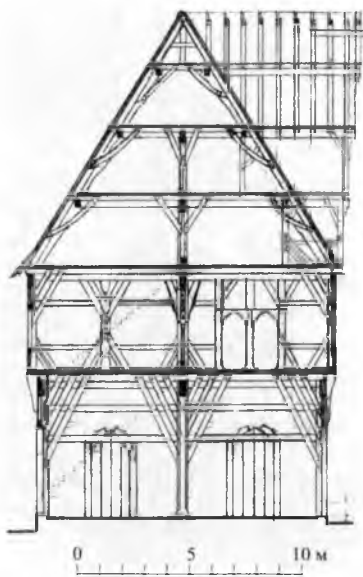
Предполагаемая выставка послужила причиной и второго отклонения от общепринятого устройства торгового зала. В отличие от других ратуш, здесь оформление интерьера носит не менее торжественный характер, чем в бюргерском зале второго этажа. Обширное пространство поделено на два нефа пятью сдвоенными опорами, размещенными по центральной продольной оси. Они напоминают мощные пилоны со слегка скошенными гранями, имеют в сечении 0,5×1,0 м. Такие необычные размеры обусловлены, во-первых, повышенной нагрузкой от двух перекрытий и покрытия с чердачными помещениями. Во-вторых, они непосредственно взаимодействуют со сложной

⁸ Nagel G. Op. cit. S. 181.

△ Слева направо:
Ил. 7. Южный торцовый фасад.
Первоначальный облик.
Прорись автора

Ил. 8. Южный торцовый
фасад. XX в.

▷ Ил. 9. Поперечный разрез.
Первоначальный облик.
Прорись автора

системой поперечных и продольных связей, задача которых состоит в обеспечении жесткости и устойчивости пространственной фахверковой решетки из-за ее большой протяженности.

Пространственная схема связей включала мощный двойной продольный брус, проходящий под балками перекрытия, воспринимающий их нагрузку и покоящийся в специальном ложе, выдолбленном в верхней части пилонов. В свою очередь, пятнадцать поперечников врезаются по три в каждый пилон, проходя через подкосы. Все поперечники и продольный брус зафиксированы подкосами: со стороны поперечников — тройными, со стороны продольного бруса — одинарными. Пристенные стойки также снабжены тройными подкосами, крепящимися к поперечнику. Все соединения упомянутых конструктивных деталей выполнены замком в поддерева.

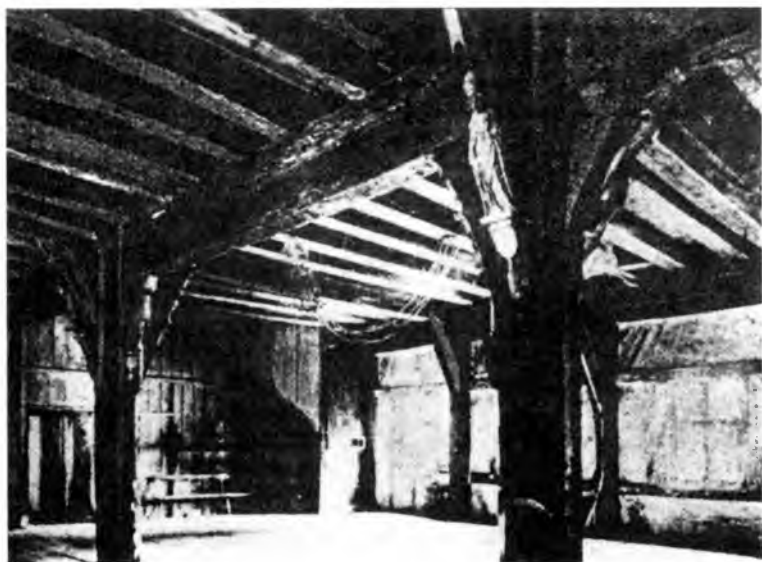
Несмотря на то, что зальное помещение лишено декора, если не считать стрельчатых дверных проемов, оно производит впечатление монументальности, надежности, единства замысла исполнения за счет присутствия подлинной тектоники. На суд зрителя отданы все конструктивные решения с их элементами и узлами соединений. Даже потолок представлен в виде обнаженных балок перекрытия. Строители, видимо, подсознательно преследовали цель убедить граждан Эслингена, что их сооружение простоит века. Нужно отдать должное мастерам Средневековья — в этом они преуспели, так как ратуша существует уже свыше пятисот лет.

Сначала первый этаж служил не только для нужд торговли. Здесь также отводилось место акцизным чиновникам, которые подсчитывали доходы от налогов и пошлин, а также различно-го вида недоимки. Однако сведений о расположении их помещения, «Rechenstube», и о его размерах не сохранилось. Это обстоятельство объясняется тем, что спустя некоторое время сборщики налогов переехали со своей кассой и бухгалтерией на второй этаж, а затем, после его надстройки, на третий. Их деятельность дала повод к одному из названий ратуши, а именно к «Steuerhaus», т. е. «Дому налогового управления».

После реконструкции, которая привела к образованию единого пространства торгового зала, покупатели чинно входили в одну из торцовых дверей главного входа и проходили по одному из нефов. На их пути вставали прилавки с товарами, которые были организованы справа и слева. Те, кто сделал покупки, могли выйти с противоположного торца, иные переходили во второй неф и, обойдя его, возвращались на Рыночную площадь через ту же дверь. К сожалению, сквозные проходы из одного нефа в другой организовать было трудно из-за нестандартных размеров прилавков. Любопытно отметить, что продавцы, в особенности мясники, отличавшиеся большой самонадеянностью, если верить

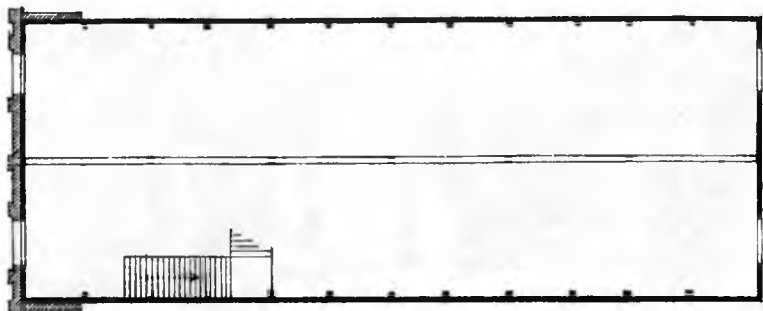
Ил. 10. Интерьер торгового зала.
Первый этаж

Ил. 11. Интерьер бюргерского зала перед ремонтными работами

Ил. 12. Северный фасад после реконструкции

Ил. 13. План первого этажа после реконструкции

хронике, использовали внушительный интерьер торгового зала в своих корыстных целях. Они вынуждали посетителей раскошеливаться дополнительно, значительно набавляя цену на товар за достойную обстановку.

На второй этаж вела лестница, которая раньше начиналась снаружи у западной стены и поднималась мимо второго пилона от центрального входа. Она была совершенно открытой для наблюдателей и вела в распределительный холл второго этажа. Параллельно над ней располагался второй марш, который достигал чердачных помещений (до строительства третьего этажа).

В холле слева по ходу подъема располагались два помещения, выходивших окнами на Рыночную площадь. Помещение, обладавшее большей площадью, служило залом для заседания городского Совета, в другое помещение переехала налоговая служба. Зал не имел ни балкона, ни эркера, с которых можно было бы зачитывать постановления, указы, приговоры. Их функцию выполняло крайнее окно. Приговоренного к смерти конвоировали на Рыночную площадь и ставили перед упомянутым окном. Оттуда зачитывали подтверждение приговора, ломали жезл у его ног и отводили к месту казни. Жезл позднее сжигали в самой ратуше, как того требовал обычай. Можно привести другой пример, когда в 1660 г. на площади собрались граждане, поддерживающие проводимую императором политику. Из окна зачитывались слова присяги, которые собравшиеся повторяли вместе с членами Совета, находившимися в зале заседаний⁹.

Бюргерскому залу отводилась остальная обширная площадь, назначением которой было проведение праздничных или торжественных мероприятий — свадеб, балов, представлений, подписание договоров, имеющих большое значение для Эслингена. Из холла сюда вели сдвоенные стрельчатые двери. План зала решен в том же ключе, что и нижнего торгового. Он поделен также на два нефа пятью мощными колоннами (0,5×0,5 м), расположенными точно над нижними опорами. Сравнение верхнего и нижнего интерьеров не выявляет существенных различий. Бюргерский зал не только не выделялся каким-либо особенным декором, а напротив, подхватывал тектонический лейтмотив нижнего. Единственным украшением здесь служит оформление дверных проемов в духе приемов готики, декор колонн в виде окантовки их ствола и резьбы, размещенной в их верхней части — фигур Христа и высших сановников государства — императора с семью курфюрстами.

Таким образом, вопреки логике, предназначенное для праздников пространство поражает своим аскетизмом. Разрешить эту загадку помогают архивные документы, связанные с организацией

⁹ Nagel G. Op. cit. S. 183.

торговли вокруг ратуши и в ней самой. Дело в том, что из Старой ратуши в Новую вместе с Советом переехали суконщики и продавцы готового платья. Решено было их разместить в пустующем по большей части бюргерском зале, функции которого теперь разделились — по будням он превращался во второй торговый зал. Поэтому и не было необходимости перегружать зальное пространство декоративными элементами.

По своему конструктивному решению ратуша относится к каркасно-сборным постройкам. Это означает, что каждый этаж представляет собой самостоятельный блок. Вертикальные конструкции в нем не являются цельными, как это имело место в более ранних строениях, ныне не сохранившихся. Поэтому на пять пилонов торгового зала опирается соответственно пять колонн верхнего этажа. Опоры и система продольно-поперечных связей выполнены здесь в облегченном варианте: из-за уменьшения нагрузки их сечение уменьшено, а система связей состоит из двойного продольного бруса, на котором покоятся балки перекрытия, и пяти поперечников. Образующиеся крестовины придают достаточную жесткость каркасу второго этажа. Крепление колонн подкосами к продольно-поперечным связям и сопряжение продольного бруса с двумя перегорodkaми, фланкирующими холл, усиливают конструктивную надежность всего блока. Сопряжение столбов с подкосами представляет врубку в шип, остальные — в поддерева.

Пять центральных столбов на первом и втором этажах служат опорой для пяти стропильных пар двухскатной кровли ратуши. Концы стропил заделаны в балке перекрытия, образуя с ней жесткую форму треугольника. Чердачное пространство поделено на три яруса, перекрытия которых устроены так же, как и ниже лежащие. По верху стоек шел продольный брус, служивший основанием для поперечных балок, на которые набивали доски пола. Подкосы усиливали жесткость в местах сопряжения стоек и стропильных ног с поперечниками.

Огромное чердачное пространство в немецких ратушах никогда не пустовало. Как правило, оно использовалось в качестве хранилища общественных сельскохозяйственных продуктов. В Эслингене его приспособили под хранение зерновых. Для загрузки специально надстроили над восточным скатом кровли поперечный щипец и оборудовали в нем подъемник. Этот архитектурный элемент получил распространение в зданиях XV–XVI вв., которые выходили на главную улицу продольным фасадом, а не торцовым, как требовали градостроительные традиции готики. При таком расположении обширный скат кровли главного фасада необходимо было оживить каким-нибудь композиционным акцентом, например, поперечным щипцом или слуховым окном. В зависимости от протяженности кровли мастера применяли

различные архитектурные решения, разрабатывая одновременно пластичные формы новых элементов фасада. В случае Эслингена преобладала необходимость сокращения пути доставки груза в чердачные ярусы. Однако средневековые мастера постарались добиться композицией размещения оконных и дверных проемов, их пропорциями максимального единства на восточном боковом фасаде. С 1586 г. чердачное пространство в первоначальном виде перестало существовать, вместе с его реконструкцией исчез поперечный щипец¹⁰.

Исследование некоторых аспектов архитектурного строя ратуши продемонстрировало тектонику и мощь всей конструктивной схемы, сочетающей основные признаки самобытности местной строительной школы. Мастера добивались архитектурной выразительности почти при полном отсутствии декора за счет удивительной масштабности, простоты и скромности, которые подчеркивали гармонию пропорций между главными и второстепенными элементами. Лишенные декоративных приемов фасадные плоскости ратуши в Эслингене создавали увлекательную картину метрических и ритмических рядов из поясов, стоек и подкосов различного достоинства.

Одинаковые торцовые фасады в пять ярусов очень привлекательны. Основной тон их рисунку задают стойки, закрепленные верхними и нижними подкосами. Причем на первом и втором этажах низ стойки фиксируют четыре подкоса, по два с каждой стороны. Этот прием усложняет и отяжеляет низ здания, придавая ему зрительно большую основательность. Полученная фигура из стойки с фланкирующими ее шестью подкосами очень популярна в алеманнском ареале. Ей присвоено имя «Швабский мужчина». Известно, что в выборе названий самых распространенных фигур принимали участие не только профессионалы, но и сами горожане.

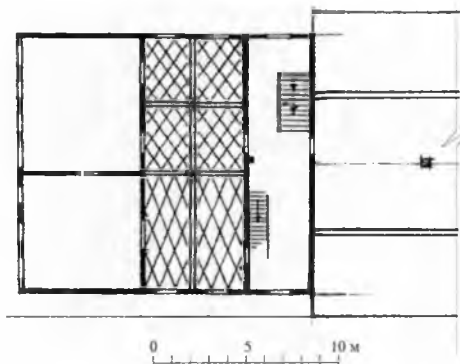
Фахверковая решетка ратуши предоставила возможность оконным и дверным проемам подхватить и развить заданный ею симметричный лейтмотив. В первую очередь речь идет о двухстворчатых дверях, которые находятся зеркально относительно вертикальной оси. Метровые створки набраны из двух широких досок. Их завершению вместе с обрамлением старые мастера постарались придать стрельчатую форму, используя все доступные способы и этим отдавая дань уходящему готическому стилю. Размещение оконных проемов также работало на симметричную композицию. Заполнение их витражей осуществлялось мелкими стеклянными вставками в виде квадратиков. Ставни, местами открытые, местами закрытые, придавали фасадам поистине сказочную живописность.

¹⁰ Nagel G. Op. cit. S. 185.

Боковые фасады вопреки своей протяженности не кажутся скучными, даже западный, где утрачен поперечный трехъярусный щипец, лишен монотонности. В этом большую роль сыграл асимметричный мотив первого этажа, который задает организация дверных проемов, а также рельеф, потребовавший разновысокого цоколя. В унисон с ними выполнены фигуры стоек с подкосами, в основе которых лежит тип, одинаковый с торцовыми аналогами. Однако при более пристальном рассмотрении в их исполнении выявляется многовариантность, которая приводит к интересным ритмам на фасадах. Впрочем, к западной стороне ратуши настолько близко подступает городская застройка, что оценить достоинства и недостатки этого фасада, стоя на переулке Ратгассе, можно только чисто теоретически.

Обзор всех фасадов ратуши фиксирует поэтажные нависания: одно по продольным сторонам и четыре с торцовых. Это нависание, достигающее 40 см, обеспечивается за счет выпусков балок, работающих за пределами стен уже в качестве коротких консолей. На продольных фасадах выпуски даются поперечниками. Что касается торцов, то здесь применяли стандартную схему укладки коротких балок, распространенную в фахверковых общественных зданиях. Она происходит следующим образом. Оставляли свободную площадь от нескольких крайних поперечников, их места занимали уложенные в продольном направлении короткие балки с выпусками под нависание второго этажа. Эти балки перекидывались с торцовых прогонов к последнему поперечнику, где закреплялись. Аналогично поперечникам они оставляли в углу свободную площадь по форме, близкую к квадрату. В этом квадрате из угловой стойки по диагонали перекидывалась подбалка на поперечник, где также закреплялась. И уже от этой диагональной балки шли по убывающей длине несколько коротких поперечных и продольных балок. Угловые консоли поддерживали подкосы, образуя угловые кронштейны.

В таком виде ратуша простояла чуть более ста пятидесяти лет. Но город развивался и рос, а вместе с ним расширялся круг обязанностей аппарата административного управления. Он стал испытывать дефицит полезной площади. Вставал вопрос, как выходить из создавшегося положения. Вариант использования внутренних резервов отпадал. Бюргерский и торговый залы уменьшать было нельзя — из-за определенного количества торговых мест. Оставалось либо пристраиваться к основному объему, либо надстраивать его. Окружающая застройка сложилась таким образом, что о пристройке нечего было и думать. Сократить Рыночную площадь с ее плотными торговыми рядами также не представлялось возможным. Напршивался единственно разумный выход — надстраивать. За это решение и проголосовали члены городского Совета.

Ил. 14. План надстройки ратуши.
Третий этаж

Пригласили известного швабского мастера Х. Шиккардта¹¹. По его проекту надстроены два помещения с прихожей располагались над холлом, залом заседания городского Совета и бывшей комнатой налоговой службы, так как именно она переезжала в новые апартаменты. Реконструкция ратуши осуществлялась в 1586 г., когда готические строительные традиции ушли в прошлое. На смену им пришли новые художественные вкусы, согласно которым Шиккардт капитально обновил главный фасад ратуши и произвел реконструкцию интерьеров. Серьезно пострадали боковые фасады, их фахверк также скрылся под слоем штукатурки. Эта отделочная работа была, по-видимому, произведена с целью достичь единства с главным фасадом. С различных точек Рыночной площади он мог просматриваться вместе с одним из боковых, а сочетание ренессансного торца с фахверковыми решетками вносило бы в общий вид здания известную дисгармонию. В период расцвета Ренессанса сохранение традиционных фахверковых сооружений вряд ли беспокоило мастеров другой архитектурно-строительной школы, причем ведущей. Нетронутым остался лишь второй торец, выходящий на миниатюрную второстепенную площадь, образованную перекрестком улиц.

Новый фасад полностью отвечал духу Ренессанса и совершенно не соответствовал характеру прежнего. Его строгость и четкость сменил нарядный и жизнерадостный лейтмотив. Главная роль здесь отводилась пропорциям членений трехъярусного щипца и трехъярусной башенки с их декоративным оформлением.

¹¹ *Stiel O.* Das deutsche Rathaus im Mittelalter in seiner Entwicklung. Leipzig, 1905. S. 59–61.

Благодаря продуманной горизонтальной разбивке его плоскости карнизами и распределению на нем декоративных деталей получилась яркая динамичная композиция. Она складывалась из выразительных профилей карнизов, увенчанных на концах золотыми шарами, пластичного обрамления ярусом, состоящего из волют и овалов, и встроенных по центру первого и второго ярусов внушительных циферблатов курантов и астрономических часов. Уникальный часовой механизм астрономических часов показывает солнцестояние и положение лунных фаз. Над часовым дуэтом расположился верхний ярус с нишами, заполненными аллегорическими скульптурами, олицетворяющими добродетель, мудрость, справедливость или выдающихся деятелей того времени, возможно, самого Эслингена. Выше следовало восьмигранное основание башенки, центральную грань которого украшал городской герб в виде орла, выполненного из крученой меди, под балдахинном. На основании покоились два открытых яруса с небольшим куполом. Легкость, воздушность верха достигались за счет изящных крученых медных колонок верхних ярусов. В одном из них находился подвешенный колокол, который звонил при чрезвычайно важных событиях.

Нельзя не отметить, что третью ратушу, в отличие от второй, можно отыскать на всех трех средневековых рисунках. При этом возникает вопрос, на который трудно найти ответ: почему никто из трех авторов не постарался передать ее внешний облик с надстройкой Шиккардта, совпадающий с обликом ныне существующего здания? Все трое по известным лишь им причинам отказались от изображения устремленного ввысь ренессансного шипца, появившегося гораздо раньше создания их работ. Пфистер не счел нужным зафиксировать даже перепад кровли между надстройкой и остальным объемом здания. Его также можно упрекнуть в самовольном размещении бокового шипца на западном фасаде вместо восточного. Возможно, эта неточность помогала ему выделить важнейшее административное здание города на фоне общей застройки. Два остальных автора коньковый перепад обозначили. Однако Штаубер увенчал его придуманным шпилем с флажком, что само по себе было далеко не конструктивным решением. Буквенные обозначения наиболее значительных городских зданий на его чертеже исключают ошибку в определении местонахождения ратуши.

Возвращаясь к истории ее строительства, рассмотрим выявленные этапы отделки интерьеров, которая также отражает смешение стилей. Убранство новых помещений разительно отличается от строгой, почти аскетической обстановки старых. На смену открытым фахверковым конструкциям, детали которых достаточно грубо обрабатывались, пришли штукатурка, гипсовая пластика потолка, богатая обшивка стен деревянными пане-

Ил. 15. Общий вид прихожей третьего этажа

лями, дверные наличники со сложной профилировкой и другие элементы декора в духе того времени. Ярким примером может служить прихожая, являющаяся распределительным узлом между вновь созданными служебными помещениями. Здесь массивное сводчатое перекрытие рискнули опереть на две тяжеловесные, сделанные из песчаника колонны, вычурные формы которых претендовали на коринфский ордер. Канелированные по спирали колонны с массивным цоколем, грани которого украшены лепниной в виде головы льва, несут сетчатый свод с плоскими пустотелыми нервюрами. Их поля украшены цветным растительным орнаментом, а сетка представляет собой частую разбивку, сменившую элементы готического свода. Нервюры соединяются с легкими поясами, подражающими античным архивольтам. Изящные лепные розетки перенасыщают и без того усложненный дробный плафон.

Если рассматривать художественные достоинства поздних интерьеров, то они далеко не бесспорны. Однако конструктивные решения, принятые мастерами при реконструкции, можно назвать смелыми. Речь идет об установке каменных несущих конструкций на деревянные перекрытия, а также об очень широком шаге стропильных пар (5 м), опирающихся на деревянные балки. Однако старые мастера хорошо знали конструктивные

Ил. 16. Южный торцовый фасад ратуши.
Современная фотография

возможности фахверка и его несущих элементов, выполненных из дуба, самого прочного вида древесины. Строительство ратуши велось в то время, когда чрезвычайно важные для города здания и сооружения возводились целиком из дуба. Вскоре с постепенным сокращением массивов дубовых лесов в Германии в фахверковом строительстве перешли на ограниченное использование материалов из дуба — только в наиболее ответственных элементах и критических узлах. Впоследствии же был введен окончательный запрет на вырубку дубрав, чтобы сохранить их для потомства.

Кроме значительной реконструкции, кардинально изменившей внешний облик ратуши, были произведены некоторые пе-

ределки интерьеров. Речь идет в первую очередь о лестничных маршах, которые изменили свои направления, а также были устроены в новых местах. Лестницу, которая начиналась с улицы и вела на второй этаж, поместили вдоль стены внутри торгового зала и затем, развернув под прямым углом, пустили в холл второго этажа. Лестничный марш на третий этаж начинался с забежных ступеней в бюргерском зале и шел вдоль перегородки между ним и холлом. Лестница на чердак начиналась теперь в надстройке.

Конец XIX — начало XX в. ознаменовались повышенным интересом к старинным фахверковым постройкам. На смену одиночным ученым XVIII в. пришла плеяда специалистов, которые планомерно исследовали памятники по выполненным ими же обмерам и фотографиям. На пике интереса к древнейшему традиционному способу домостроения встал вопрос о дальнейшей судьбе ратуши г. Эслингена. Среди предложений было удаление северного реконструированного фасада, выходящего на рынок, и восстановление прежнего фахверкового. Однако в результате дискуссий ренессансное творение Шиккардта решили оставить нетронутым вместе со смежными оштукатуренными фрагментами боковых фасадов, составляющих единое целое с надстройкой. Остальные их части очистили от штукатурки, воссоединив их тем самым с южным торцовым фасадом, сохранившим на протяжении всей истории существования ратуши фахверковую решетку открытой. И все же, рисунок ее сетки претерпел в нижнем ярусе заметные изменения. Вместо дверей, сбитых из дубовых плах, со стрельчатым завершением, появились современные дверные полотна со стеклянными вставками. Подкосы ячейки над ними лишь имитировали стрельчатость. В изначальном виде первый ярус был разбит двумя поясами обвязки. Но из-за появившегося ленточного остекления, состоявшего из тройных створок, ввели дополнительно еще два пояса. Трехстворчатые окна по типу фрамуги сделали и над дверями. Боковые фасады лишились незначительного количества дверей. Изменения произошли в связи с размещением в ратуши помещений спортивного назначения.

Этот памятник фахверкового зодчества просуществовал не один век, добросовестно обслуживая не одно поколение горожан. Менялись архитектурные стили, нашедшие свое отражение в его внешнем облике, менялись его функции, вносящие коррективы в его плановую структуру, но он продолжал оставаться административным центром, несмотря на частичную утрату былой значимости. С отреставрированным и реконструированным внешним обликом Старая ратуша продолжает, как и в конце XVI в., олицетворять двуликого Януса, демонстрируя разнообразные торцовые фасады и являя очевидный смешанный тип в фахверковом историческом комплексе.

ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАХВЕРКОВОГО КОМПЛЕКСА ГОРОДА ФРАНКЕНБЕРГА (Германия, земля Гессен)

Средневековая фахверковая архитектура г. Франкенберга в настоящее время представлена ратушей и небольшим числом жилых домов. Для выявления их особенностей вначале предлагается рассмотреть вехи истории этого гессенского города с момента его возникновения до Нового времени. Такая ретроспективная панорама позволит определить, какое место в городской структуре занимали сохранившиеся фахверковые сооружения и как складывался их архитектурный строй.

Название Франкенберга, как полагают историки и филологи, восходит к временам Каролингов, когда франки только осваивали эти места. Он расположен в живописной рельефной местности на севере Гессена и является одним из молодых средневековых городов в этой исторической области Германии. Впервые город был упомянут в 1236 г., а спустя двенадцать лет он уже значился в документах как «*oppidum*»¹. На официальной печати, известной с 1249 г., можно увидеть зубчатую стену с пятью башнями. Это изображение говорит об уже сложившейся городской структуре с интенсивным заселением. Важнейший атрибут гражданской независимости — ратуша, обозначенная в документах как «*theatrum*»², впервые появилась в актах судебноговодства, связанных с делами о наследстве, ремесленничестве и торговлей³.

На плане средневекового Франкенберга отчетливо выделяются три малые селитебные зоны Старого города: на земельном участке с некогда возвышающимся замком ландграфа, расположенным на западном горном склоне; вокруг приходской церкви Богородицы (*Unserer Liebfrauenkirche*) и несколько южнее ее. К этому ареалу на востоке вплотную примыкала довольно регулярная основная городская застройка. От нее вдоль реки с притоками получил естественное развитие Новый город, основан

¹ Место, укрепленное валом и рвом; город (*лат.*).

² Обозначение «*theatrum*» связано с устройством в ратуше или на рыночной площади мистерий, маскарадов и отчасти с торжественной публичной демонстрацией иногородними купцами своих товаров перед городской таможенной службой.

³ *Hess W. Hessische Stadtgründungen der Landgrafen von Thüringen Marburg, 1966. S. 133, 134.*

ный в 1335 г.⁴ Западнее Нового города, на дороге в Рёддерау, разместился обнесенный стеной ансамбль монастыря св. Георгия, находившегося под защитой замка и города. Франкенберг имел общую крепостную стену, в кольце которой по фортификационным соображениям удобства Новый город отделялся стеной от Старого.

Ландграфский замок, впервые упомянутый в 1263 г., был построен, по всей видимости, не позднее самого города. Занимал он выгодное положение с точки зрения обороны — на самом возвышенном месте. От него, к сожалению, ничего не сохранилось. Тринадцатый век был наполнен народными волнениями, в результате которых в 1376 г. восставшие горожане сожгли замок дотла. Обгоревшие руины позднее (на рубеже XV–XVI вв.) были окончательно разобраны вместе с фундаментом, что делает невозможным определение точного местоположения самого замка и окружавших его служебных и хозяйственных строений. Это событие отмечает в своей хронике его современник В. Герстенберг. Он являлся представителем древнейшего аристократического рода, занимался точным описанием своего города, завершённым в 1506 г. На его труды ссылались не одно поколение историков архитектуры⁵.

Другое градостроительное ядро Старого города образуется вокруг приходской церкви *Liebfrauenkirche*, строительство которой было начато в 1286 г. Ее исчезнувшая предшественница, упомянутая в 1260 г., занимала ту же самую площадку. Предположительно, ее основание, происходившее при поддержке элитарной части населения, связывают с возведением первых значительных городских построек, т. е. не позднее 1240 г. Открытым и интересным остается вопрос исчезновения этого монументального здания, которое не могло менее чем за пятьдесят лет просто обветшать. Одна из версий напрашивается в первую очередь. Скорее всего, при его возведении могли быть применены фахверковые конструкции, существенный недостаток которых состоял в их недолговечности.

Единственная башня над западным объемом и очень высокий, вытянутый хор являются особенностями нового здания церкви. Башня со шпилем завершают перспективу одной из центральных площадей — Нижнего рынка, где кипела экономическая жизнь города. Этот акцент четко просматривается с места слияния Линнергассе (единственной улицы, расположенной по диагонали) и площади Верхнего рынка — второго торгового центра города.

Объем церкви, готический по архитектуре, и мощные фортификационные сооружения замка, вероятно, представляли собой

⁴ Hess W. Op. cit. S. 128.

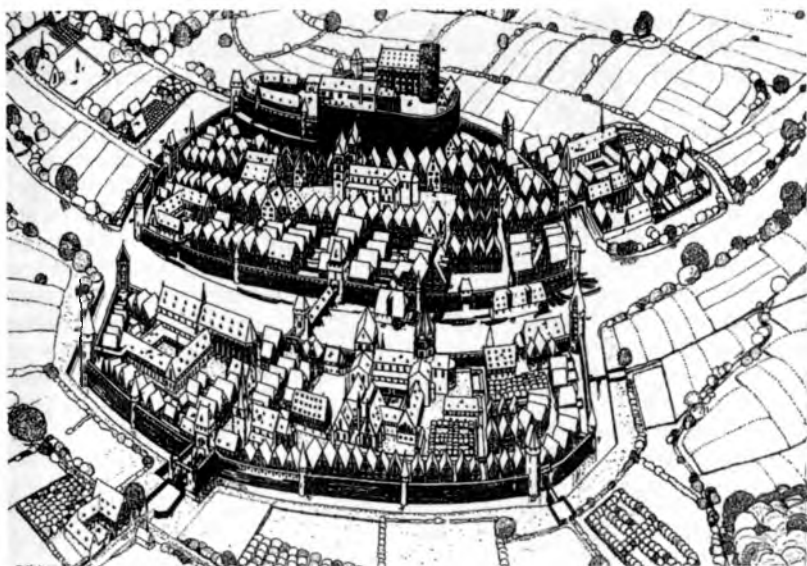
⁵ Hess W. Op. cit. S. 127.

Ил. 1. Реконструкция средневекового Франкенберга в аксонометрии

живописный пространственный дуэт, который читался в городской панораме с различных точек обзора. Эту гипотезу подтверждает исследование, проводимое авторитетным немецким специалистом в области истории средневековых городов Германии К. Грубером⁶. Выполненная на основании добротного материала, графическая часть его диссертации отражает становление и развитие по векам некоего вымышленного средневекового немецкого города, являющегося собирательным образом. Иллюстрации, реконструирующие городскую панораму и перспективу с птичьего полета (1350 г.), достаточно убедительно демонстрируют доминирующее положение замка в городской среде. Он словно парил над общественными и гражданскими объектами, бросая им вызов своим несокрушимым обликом. Даже церковные шпили уступали ему по высоте. Такие соотношения могли быть заложены и при основании Франкенберга — его феодальная цитадель в окружении капеллы, хозяйственных и служебных строений, исчезнувших позже с лица земли, могла казаться столь же неприступной.

⁶ Gruber K. Die Gestalt der deutschen Stadt. München, 1977. S. 3.

Ил. 2. Развертка и перспектива с птичьего полета
вымышленного средневекового города 1350 г. (по К. Груберу)

Подобно многим ландграфским городам, Франкенберг лежал на пересечении торговых путей. Поэтому организация рыночной площади в городской структуре Старого города, который в Средневековье не потерял своей значимости при возникновении и развитии Нового города, играла большую роль. Центральное место торговли необходимо было разместить так, чтобы обеспечить удобный доступ иногородним купцам и их товарам. В решении этой задачи помогала регулярная планировка городских улиц с их параллельностью. Она позволила без особых трудностей избежать окольных путей. Однако сама площадь имела усложненную конфигурацию в виде буквы «П» с тремя рынками, двумя основными — Верхним и Нижним, а также второстепенным —

Конным, занимающим место перемычки между ними на востоке. Пространство, являющееся разделительной полосой между рынками, использовалось под застройку со зданиями различного назначения и разделялось на кварталы. В их число вошла ратуша со своей миниатюрной площадью. Рынки совместно с разделительной полосой застройки в плане образовывали форму, близкую к прямоугольнику. Близкую — из-за разной ширины сторон этого прямоугольника. Западная сторона его получилась несколько уже восточной, так как приспособлялась к сложному местному рельефу. Тем не менее, ширина основных рыночных площадей выдерживалась одинаковой с соблюдением параллельности обращенных друг к другу фасадов. Корректировка неравенства размеров происходила за счет ширины разделяющей застройки.

С перепадами высот связаны и названия рынков. Верхний рынок лежит на ровной площадке, за которой начинается склон, а Нижний — расположен прямо на этом склоне. От него отходят четыре параллельные улицы, ведущие вниз по направлению к долине. С другой стороны по их осям прорезаны улицы и площади (Ратушная и Конного рынка), разделяющие центральные кварталы. Одна из улиц за ратушей направляется к воротам в крепостной стене у пристани. Тенденцию к продольному расположению городской уличной сети поддерживают три параллельные улицы у восточной крепостной стены. Они также вынуждены по возможности повторять горизонтали рельефа ради сохранения ровной поверхности, необходимой для уличного движения.

Поперечное направление, заложенное Верхним и Нижним рынками, поддерживает лишь одна значительная улица — Унтергассе с несколькими второстепенными переулками, один из которых — Хундергассе — шел от ратуши на восток параллельно рынку, разрезая центральные кварталы. Остальные прокладывались по необходимости, чтобы соединить трассой ворота крепостной стены. Таким образом, становится очевидным преимущество продольного направления перед поперечным. Вероятно, подобное предпочтение вызвано размещением рыночных площадей с оптимальным приспособлением к сложному рельефу.

Небольшая площадь между рынками, которая выразительно разделяет их центральные кварталы, является не только кульминационным пунктом этого района, но и всего Старого города. Здесь в 1509 г. была построена последняя городская ратуша, существующая и функционирующая до сих пор. Ее местоположение выбрано с тем расчетом, чтобы мимо нее проходили важнейшие пути. Она имела, по меньшей мере, две предшественницы. Причем первая ратуша (1255) известна только по документам, а в какой части города она находилась, установить не удалось. Хронист родного города Герстенберг допускал разрушение первой ратуши с ее хлебными лавками под строительство нового здания

Ил. 3. Восстановление города после пожара 1476 года. Рисунок. 1506

в 1421 г. , видимо, более репрезентативного⁷. Однако катастрофический пожар в 1476 г. уничтожил весь Старый город, а с ним и вторую ратушу с размещенным в ней архивом. Сохранились записи очевидца, описавшего мгновенную гибель в огненной пучине в первую очередь фахверковых зданий любого типа и достоинства⁸. К сожалению, хроника Франкенберга вновь отмечает смертоносный пожар в 1506 г., испепеливший в первую очередь уже Новый город.

Эти стихийные бедствия настолько потрясли все слои населения, что даже художники не преминули запечатлеть его последствия. Один из рисунков сохранился до сего времени. На нем зафиксирован фрагмент Франкенберга с уцелевшей после пожара 1476 г. крепостной стеной и каменной кирхой, близ которой велись масштабные восстановительные работы⁹. По изображению

⁷ Hess W. Op. cit. S. 139.

⁸ Klöckner K. Alte Fachwerkbauten. München, 1978. S. 29.

⁹ Автор рисунка, скорее всего, находился за пределами крепостной стены близ водных (водозаборных) ворот, расположенных на северной стороне Старого города.

вполне можно представить, как основательно пострадала городская застройка, которая в основном была фахверковой. Довольно четкая графика позволила определить применение каркасного способа возведения, при котором высота зданий регламентировалась высотой ствола дерева. Отчетливо прослеживается характерная подконьковая стойка в виде целого бревна, что является основным признаком этого способа. Следует отметить, что среди сохранившихся зданий в историческом фахверковом комплексе Германии представлен только каркасно-сборный способ возведения, позволяющий возводить постройки любой этажности и являющийся естественным преемником каркасного строительства.

В промежутке времени между пожарами наступил естественный спад в экономике, одновременно шло обнищание граждан. Это обстоятельство, как в зеркале, отразили архитектурно-градостроительные мероприятия в городе, которые в первую очередь были направлены на восстановление жизненно важных объектов. О строительстве значительных репрезентативных зданий не было и речи. Даже сгоревшую ратушу смогли заменить новой только спустя тридцать три года, т. е. после второго пожара (1506 г.). Заседания городского Совета происходили временно в каменном доме, специально предусмотренном для подобной ситуации. Что касается жилых фахверковых домов, то они возводились, как потом выяснилось, исключительно на старых каменных фундаментах.

К этому выводу пришли следующим образом. В поле зрения современных исследователей случайно попал один из средневековых подвалов. Подняв архивные статистические данные, ученые соотнесли число домов и число жителей, параллельно развернув уже масштабное исследование городских подвалов. Сопоставив результаты, высказали единое мнение об использовании обгоревших остатков жилья при возведении новых домов¹⁰. Это печальное обстоятельство говорит о чрезвычайно скудных средствах горожан и городской казны. Катастрофические последствия двух пожаров отразились и на возведении ныне существующей ратуши. Во-первых, ее установили на прежнем месте без поиска нового, а во-вторых, по сведениям Герстенберга, она очень напоминала, если не повторяла, свою предшественницу, описание которой сохранилось¹¹. В записях отмечалось, например, большое число эркеров. Из письменных источников вытекало, что нового проекта, вероятно, не было. Из-за отсутствия средств использовали планировку и объемную композицию сго-

¹⁰ *Hoyer A. Rathaus und Bürgerhaus zu Frankenberg, Bautypen einer mittelalterlichen Stadt // Zeitschrift des Vereins für hessische Geschichte und Landeskunde. № 69. Kassel, 1958. S. 122.*

¹¹ *Hoyer A. Op. cit. S. 127, 128.*

ревшего здания с небольшими изменениями. С другой стороны, его облик и внутреннее содержание за 55 лет не успели морально устареть, что, вероятно, оправдывало в глазах и заказчиков, и подрядчиков прямое копирование.

Фахверковая ратуша в Франкенберге является третьей по высоте городской доминантой. За исключением замка и церкви, она господствовала до определенного момента над всеми гражданскими строениями Нового и Старого города. Ее шпили с флюгером виднелись из всех точек города. Высота до флюгера превышает 22 м, а до конька равна 19 м. Выполняя одно из своих предназначений, а именно, быть центром торговых операций, здание занимает стратегически важное положение между двумя рынками и садится на центральную продольную ось Старого города. Оно свободно расположилось в городской застройке, не соприкасаясь с близлежащими домами. Если южный фасад выходит прямо на Верхний рынок, то перед северным фасадом организована небольшая компактная площадь, где, по всей видимости, оглашались постановления Совета, выносились судебные решения, так как планировка здания не предусматривала судебной галереи, специально устраивавшейся в отдельных ратушах для подобных целей.

По своим стилевым особенностям ратуша Франкенберга относится к немногочисленной группе фахверковых памятников, которые сосредоточили в себе черты готики, в их числе — градостроительные. А именно, обращение к площадям и улицам торцовой (поперечной) стороной. Таким образом, старые мастера остались верны традиционным методам размещения здания в городской среде, где фронт застройки улиц создавали торцы домов. Расположение фахверковых ратуш продольной стороной к проезжей части получило распространение в Гессене чуть позднее. Одну из первых готических фахверковых ратуш, где Ренессанс проявился в расположении здания на рыночной площади, возвели в Альсфельде (1512 г.), находящемся в 50 км от Франкенберга, позднее в Ханау на Майне (1537–1538 гг.) и др.¹²

От приходской церкви ратушу отделяет городская застройка, в результате чего разница в высотах между ними менее заметна. При их размещении в непосредственной близости контраст стал бы достаточно выразительным. Иллюстрация с изображением вымышленного средневекового города по Груберу демонстрирует превосходство церкви над зданием общественного назначения, сводя на нет его доминирование над жилыми домами.

¹² *Meyer-Barkhausen W.* Das Rathaus zu Alsfeld und die Wende im hessischen Fachwerkbau des 16. Jahrhunderts // Zeitschrift des Vereins für hessische Geschichte und Landeskunde. № 69. Kassel, 1958. S. 87–98; *Nagel W. A.* Städte in Hessen. Hanau, 1972. S. 225.

Во Франкенберге, напротив, главная роль в этом соперничестве отведена ратуше.

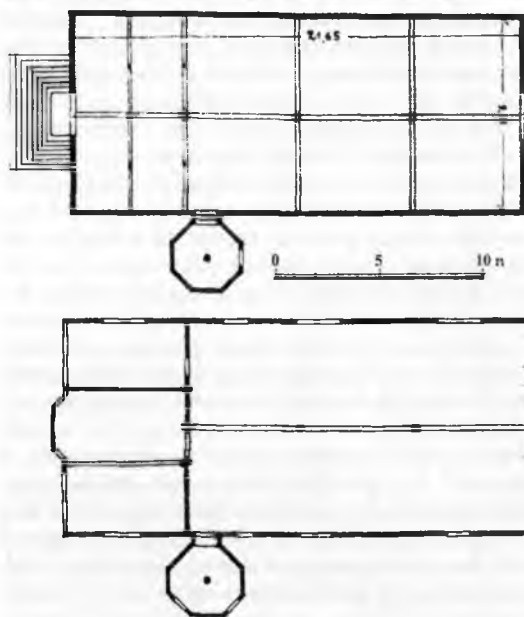
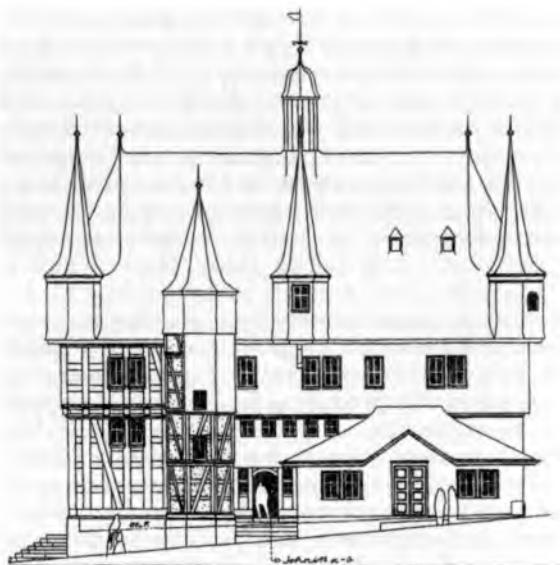
Сильно вытянутый план ратуши, длина которой по первому этажу превышает ширину более чем в два раза (21,6×9,1 м), располагается довольно свободно на своем участке, оставляя достаточно широкими по ширине боковые проходы (восточный и западный). Второй этаж, как принято в фахверковой архитектуре XVI в., имеет периметральное нависание над нижним. Соответственно, третий этаж (мансардный) таким же образом нависает над вторым. Вплотную к западному фасаду примыкает лестничная башня в форме октагона, которую возвели в 1535 г. Она имеет выходы на все три этажа.

На первом этаже размещается обширный торговый зал, его высота достигает 5,5 м. Сопоставление высоты с размерами площади помогают понять, какой внушительный внутренний объем организовали старые мастера для нужд торговли, а также достойного проведения актов правосудия в отведенном для того месте. Три мощных столба находятся на центральной продольной оси, разделяя зал на два нефа и формируя порядок торговых рядов. Оконные проемы группируются в верхней зоне стен первого этажа, под выпуском второго. Подобное расположение можно объяснить желанием дать освещение максимальному числу торговых мест.

По торцам находились широкие входные двери. Причем дверной проем северного торца приходился на продольную ось, в то время как на южной стене он имел небольшое смещение. Причина такой асимметрии лежала, вероятно, в прежней планировке. Во-первых, в этой зоне могли быть устроены лестничные марши на верхние этажи, прослужившие около 30 лет до возведения лестничного октагона. Во-вторых, смещение двери могло произойти из-за первоначального выделения здесь места для судопроизводства. Первая версия кажется предпочтительней второй, при которой смещение следовало бы делать в противоположном торце, выходящем на Ратушную площадь. Тогда служители Фемиды находились бы в непосредственной близости от места оглашения судебных решений.

Ратушная площадь представляла собой склон. Перепад высот между Верхним и Нижним рынками составляет 1,3 м. Ввиду того здание посадили на мощный каменный цоколь, который помог выровнять пол первого этажа. Одна из торцовых дверей выходила непосредственно на мостовую площади, в то время как ко второй из-за перепада высот вела наружная лестница «по типу вальмы». В торговом зале у входа, со стороны Верхнего рынка, также пришлось на 80 см повысить пол.

Во втором этаже традиционно размещался бюргерский зал, занимавший две трети от всей его площади. В нем также проходили

Ил. 4. Ратуша Франкенберга.
Западный фасад, план первого и второго этажей

заседания членов Совета, поскольку специальная комната для их проведения не была предусмотрена. Слева от лестничной башни находились два смежных помещения, где в большем размещался бургомистр, а в меньшем — канцелярия с писцами. Обе комнаты имеют выход в бюргерский зал, украшенный трехгранным эркером. Освещение, помимо эркерных фонарей, происходило за счет равномерно рассредоточенных оконных проемов на торцах, а также за счет чередующихся одинарных и сдвоенных проемов на продольной стороне. Три столба, расположенных строго над столбами торгового зала, также делят бюргерский зал на два нефа.

Чердачный этаж, кроме служебных целей, использовался в качестве кладовой. Возможно, сюда со временем в три вновь организованных помещения переехало судопроизводство, которое прежде находилось в торговом зале. На уровень третьего этажа со второго поднимаются два трехгранных эркера. Шесть башенок, из которых четыре расположены на углах, а две — по срединам продольных стен, врезаны в кровлю таким образом, что их объем ограничивался фактически тремя гранями из шести.

Фахверковые конструкции, которые применили при возведении ратуши, весьма своеобразны. Старые мастера использовали конструктивную систему, традиционную для соседних нижнегерманских земель. В основе системы лежала очень плотная фахверковая решетка, состоящая из поясов и стоек. Ячейки решетки заполнялись кирпичом вместо обычной глиняной смеси с растительными добавками, весьма распространенной в центральных и южных землях Германии. Именно кирпичные вставки требовали уменьшения расстояния в первую очередь между стойками, чтобы предотвратить выпадение отдельных элементов. Кладка могла быть примитивной, в виде цепочек со смещенным швом, что было оправдано последующей обмазкой тонким слоем глины и побелкой. Но могла быть и узорной, порой приближаясь к ковровым орнаментам, в тех случаях, когда оставалась открытой для обзора. Декоративная кладка читалась на фасадах ратуши. Причем, стараясь достичь разнообразия в орнаменте ячеек, мастера, тем не менее, придерживались определенного порядка, не нарушая симметрии при оформлении торцовых фасадных плоскостей.

Симметричную композицию торцов подчеркивают два подкоса, идущих наискось по двум вертикальным рядам ячеек в этаже. Диагональные поэтажные подкосы можно увидеть на открытых частях боковых фасадов. Этот тип обозначен в немецкой профессиональной терминологии словом швертунг (Schwertung). Швертунги насчитывают несколько видов: беспорядочные (дом пастуха в Марбурге, 1320)¹³, прямолинейные (ратуша в Фран-

¹³ Klöckner K. Op. cit. S. 21.

кенберге, 1509) и криволинейные (ратуша в Альсфельде, 1512)¹⁴. Принято считать последний вид вершиной их развития, а Альсфельд — его центром. Поэтому криволинейные диагональные подкосы называют альсфельдскими. Следовательно, швертунги в ратуше Франкенберга занимают промежуточное положение в истории развития этого приема.

В лестничной башне стойки каркаса расположены редко, что соответствует местным строительным традициям. Одновременно их швертунги распределяются по граням октагона в своем ритме.

Фахверковые конструкции ратуши относились к каркасно-сборному типу возведения, при котором каждый этаж представлял собой самостоятельный блок. Такая система позволяла в Средневековье возводить необходимое количество этажей, не зависящее от длины ствола дерева. Она же предусматривала периметральное нависание одного этажа над другим для увеличения полезной площади. Однако из-за злоупотреблений выносами, в результате чего средневековые городские улицы превращались в ущелья, стали вводиться ограничения на их размеры. В связи с этими мерами некоторые изменения претерпели и сами конструктивные решения. Большой вынос балок поддерживался кронштейном. Позднее, когда выносы уменьшились, сама по себе отпала необходимость этого конструктивного элемента.

Построенное в начале XVI в. здание ратуши имело незначительное нависание этажей — примерно в 25 см. Поэтому вынос покоился исключительно на выпусках балок в виде коротких консолей, укрепление которых происходит за счет обвязок. Их концы свободно выступают в зоне верхнего и нижнего поясов. Поперечные балки и пояса соединены в гребень. Раньше, при наличии кронштейнов, применяли соединение в шип. Можно отметить, что ритмичный ряд концов балок с поясами акцентировал в этой зоне горизонтальное движение, свойственное архитектуре эпохи Ренессанса, в отличие от кронштейнов, подчеркивающих вертикальную направленность, присущую готике. Таким образом, мастера при создании архитектурного образа, созвучного общепринятому, видоизменили традиционную конструктивную схему.

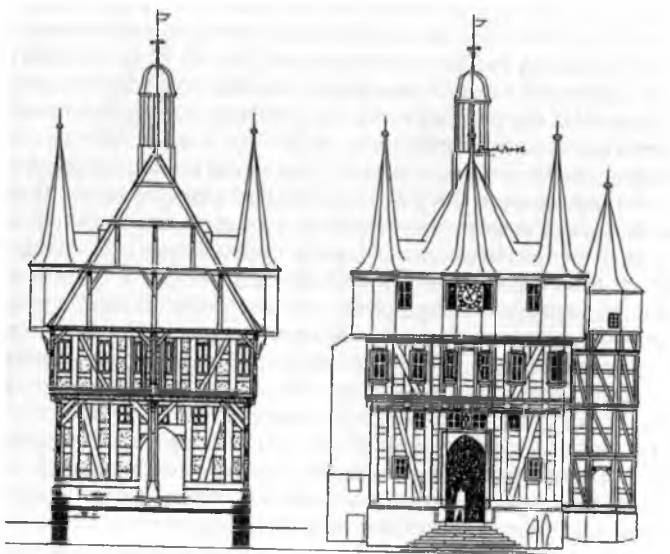
Фахверк наружных стен состоял из мощных стоек и поясов, сечение которых приближалось к 35×20 см. Поэтажные стойки располагались одна под другой, за исключением угловых. Помимо верхних и нижних поясов на фасадах читались промежуточные. На первом этаже проходили три промежуточных пояса, на верхнем — два. В их соединении со стойками применяли узел в шип. Благодаря ему устроено крепление балок и подбалок

¹⁴ *Meyer-Barkhausen W. Op. cit. S. 88.*

перекрытия, лежащих в зоне торцовых стен. Нагрузку от перекрытий несли наружные фахверковые стойки совместно с тремя столбами, расположенными по продольной оси торгового и бюргерского залов. Плотникам и резчикам пришлось изрядно потрудиться над их формой, особенно в нижней зоне. Столб имел окантовку и покоился на двухъярусной резной базе. В его верхней зоне был предусмотрен желоб для укладки продольного бруса, через который шел поперечник перекрытия, образуя жесткую крестовину. Одинарные подкосы центральных столбов и двойные подкосы напротив лежащих стоек фахверка усиливали надежность этой пространственной конструкции. В бюргерском зале, значительно уступающем по высоте нижнему, столбы, несущие гораздо меньшую нагрузку, соответственно уменьшались в своих размерах. Подкосы, увеличивающие жесткость конструкций, также были применены, но только одинарные.

В соответствии с традиционными формами фахверкового средневекового домостроения в основе крутой двухскатной кровли ратуши лежала обычная стропильная система, несмотря на ее усложненную объемную композицию, включающую вальму с многочисленными завершениями башен и эркеров в виде шпильей. Однако стропильные конструкции были сильно укреплены. Ноги стропильных пар соединялись тремя затяжками, которые делили подкровельный объем на четыре яруса. В первом и втором из них затяжки поддерживались стойками, по три в каждом ярусе (одна центральная и две боковые), причем в нижнем предусматривались подкосы. К поперечным связям жесткости присоединялись продольные в виде прогонов, проходящих между затяжками и стойками. Такое усиление конструкций диктовала плотникам не только высота кровли. Нельзя забывать, что Франкенберг находился в горной местности, где здания могли подвергаться ветровым нагрузкам. Бесспорно, местная архитектурно-строительная школа владела необходимыми навыками в использовании дополнительных конструктивных элементов, учитывающих местные климатические особенности, в их числе преобладающие ветры.

Внешний облик ратуши является яркой иллюстрацией того, как средневековые мастера, отдаваясь целиком творческому вдохновению, из простого прямоугольного плана сооружения могли развить динамичную композицию объемов и создать внушительные фасады в стиле готики без использования сложных форм и богатых отделочных материалов. Кровля и наружные стены покрыты сланцем, причем обшивка фасадов носит фрагментарный характер. В северном торце сланцем выложен лишь третий ярус, а в противоположном – к третьему ярусу присоединялся и второй. На боковых фасадах фахверковая решетка также частично скрыта обшивкой. Подобная защита помещений от сквозняков очень распространена в предгорьях Альп — в самой

Ил. 5. Северный фасад. Поперечный разрез

Ил. 6. Общий вид ратуши с южным фасадом

Германии, Австрии и Швейцарии. Некоторое время под влиянием смены стилей в архитектуре крупных городов фахверк ратуши скрывался под слоем штукатурки. Однако реставрация 1935 г. вернула первоначальный внешний облик этой части здания, и теперь зрители могут любоваться ковровыми орнаментами ячеек, выложенных из кирпичей¹⁵.

Несомненные успехи были достигнуты по части формирования, распределения и акцентирования объемных масс. Внешний вид здания показывает, что архитектурное решение верхних ярусов служит исключительно художественным целям. Начало положило ступенчатое расширение ярусов основного объема. Два плоских эркера, начинающихся со второго этажа и расположенных по центру торцовых фасадов, подхватили этот мотив и в свою очередь передали его третьему ярусу и кровле, являющейся кульминацией замысла зодчих. Третий ярус значительно утяжелен шестью дополнительными эркерами (четырьмя угловыми и двумя по продольной стороне). Их объемы являются только подготовкой для организации хорошо скомпонованного верха из девяти шпилей и одного миниатюрного шлемовидного купола над башенкой со звоном, созывающим бюргерство на важные мероприятия или события. Башенка производит впечатление легкости благодаря колонкам, на которые опирается шлемовидный верх, увенчанный флажком флюгера. Чрезвычайно эффектный прием использован в решении торцовых фасадов, имеющих полноценный третий ярус за счет объединения угловых и центральных эркером. Такое оригинальное решение стало возможным благодаря высокой кровле чердака. Плавный переход завершений эркером к вальме подчеркнул целостность всего покрытия.

Исследование истории возведения немецких средневековых общественных зданий показывает, что в течение своего существования они часто претерпевали многочисленные ремонты, реконструкции, реставрации. Не избежала этого и ратуша Франкенберга, в истории которой насчитывается несколько строительных этапов. Спустя 26 лет после завершения строительства основного здания (1509) была пристроена лестничная башня. Ее объем с удачно найденным пропорциональным строем органично вписался в общую объемную композицию. Возникшая общая асимметрия и иная конструктивная система башни не создает диссонанса в прочтении нового облика. Что касается причин запоздалого решения о пристройке башни, то, видимо, у города попросту не хватило средств на реализацию всех замыслов после опустошительных пожаров. Лестницу, возможно, временно поместили в самом здании, уповая на лучшие времена, когда городская казна в состоянии будет оплатить возведение октагона.

¹⁵ Klöckner K. Alte Fachwerkbauten. München, 1978. S. 84.

Очередной этап связан с внутренней реконструкцией ратуши. У северного входа на малых стойках была устроена антресоль, перекрытие которой разделило первый этаж по высоте на две равные части. Эта надстройка относится к более позднему периоду, чем строительство октагона. К сожалению, не удалось установить точного времени ее устройства. Вероятно, реконструкция была произведена в связи с расширением деятельности Совета и острой необходимостью увеличения количества помещений, которые могли быть созданы только за счет внутренних резервов здания.

И, наконец, последний этап включает пристройку небольшого объема, который появился на рубеже XIX–XX вв. со стороны октагона. Это обстоятельство отражено в представленных чертежах, где на плане пристройка и дверь между ней и башней отсутствуют, а западный фасад, напротив, их фиксирует. Выявленное несоответствие объясняется тем, что обмерные чертежи относятся к разным периодам. С точки зрения архитектуры последние изменения не лучшим образом отразились во внешнем облике здания. Упомянутая пристройка создавала впечатление нароста, который хотелось бы удалить. К сожалению, реставраторы, возвратившие ратуше первоначальный облик, не сочли возможным его убрать.

Из всех видов фахверковой архитектуры время наиболее безжалостно к жилью. Одни фахверковые строения ветшали, другие гибли во время стихийных бедствий. На их месте возводились новые, зачастую каменные здания, меняя лицо площадей, улиц, а вместе с ними историческую панораму города. Сохранившаяся застройка Франкенберга отчасти служит тому примером. После двух пожаров с разницей в тридцать лет город потерял почти все жилые кварталы. О страшной катастрофе говорит тот факт, что сейчас почти невозможно отыскать дом, который был бы датирован до 1500 г.¹⁶ Однако обнищавший город не имел средств на новое каменное домостроение, в известной степени упреждающее возникновение очагов очередного возгорания. На уцелевших фундаментах с подвалами возводились те же фахверковые дома. Из этой ситуации вытекает сохранение в современном Франкенберге средневекового характера планировки и отчасти застройки.

Монументальный дом, расположенный на восточной узкой стороне площади Верхнего рынка, является единственным каменным зданием города, датированным до 1500 г. «Каменный дом», как называют его горожане с давних времен, обладает репрезентативным внешним обликом с внушительными размерами 20×10×20 м, покоится на вместительном сводчатом подвале и насчитывает три равных по высоте этажа с двумя мансардами. Он

¹⁶ Hoyer A. Op. cit. S. 131.

доминирует над окружающей застройкой благодаря высоте своего зубчатого щипца, «держит» ось площади, что отмечено многими старыми рисунками с городской панорамой. Позднее его каменный щипец был заменен фахверковыми конструкциями. Впервые «Каменный дом» отмечен в документах 1372 г. Но письменные источники позволяют предполагать и более раннюю его постройку.

Исследование состояния сохранившихся исторических фахверковых домов Франкенберга показало, что они сосредоточились в основном на территории Старого города. Это объясняется перемещением центра общественной и хозяйственной жизни в Новый город примерно с конца Средневековья. Возрастающая интенсивность движения потребовала расширения за счет фахверковой застройки Бремерштрассе, ставшей главной транспортной артерией Франкенберга. На ней позднее расположился городской вокзал.

В Старом городе семь сохранившихся фахверковых домов XVI–XVII вв. (под № 2–18) заняли участок между Ратушной площадью и Конным рынком, составляя своими торцовыми фасадами единый фронт на южной стороне Нижнего рынка. Исключение составляет дом № 6/8, у которого на площадь выходит кровельный скат. В каждом доме имеются три полноценных этажа с однотипной фахверковой решеткой, идентичными оконными и дверными проемами. Этажи немного нависают один над другим со стороны торца, обращенного к площади. Однако прослеживаются также и боковые выносы. Они почти незаметны при близком расположении соседних домов и значительны при их обращении к внутриквартальным переулкам. Речь идет об эркерах, устроенных в домах под № 2 и 10/12. Эти живописные фонари, украшающие второй и третий этажи, поддерживают конструктивные детали различного типа. В доме № 2 эркер несут консоли, а в доме № 10/12 — кронштейны. Многогранную форму эркеров, оживляющую фасадные плоскости, можно встретить в современном домостроении Франкенберга. Каменные цоколи отличаются различной высотой. Чем выше цоколь, тем заметнее приямки наружных лестниц, ведущих в подвал. Между домами предусмотрены противопожарные проходы.

Для воссоздания первоначального внешнего облика и определения типов была произведена кропотливая реконструкция¹⁷. В результате на уровне цоколя зафиксированы размеры планов домов, которые колеблются: длина от 8 до 17 м, ширина от 6,55 до 12,2 м. Ширина проходов между ними составляет от 0,55 до 1,15 м.

К каждому дому прилагается, по возможности, первоначальный план его подвала. Сопоставление его положения с планом

¹⁷ Hoyer A. Op. cit. S. 133.

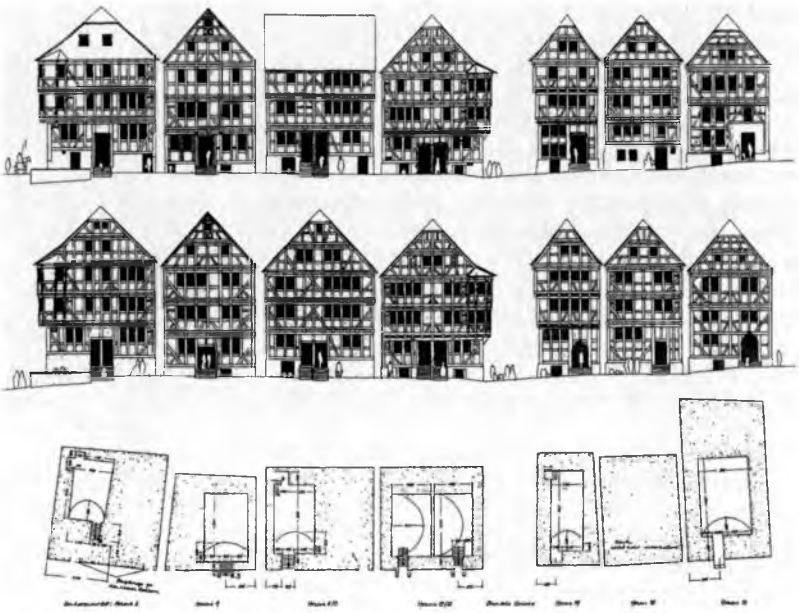
дома на уровне цоколя констатирует несоответствие. В большей степени оно проявилось в «Herboldische Haus» (№ 1 по Штайнгассе). Из этого следует, что между подвалом и покоящимся на нем домом отсутствует конструктивная внутренняя связь, что подтверждает использование уцелевших фундаментов для установки на них новых фахверковых конструкций. Дальнейшее исследование подвалов показало, что выполнены они из песчаника и покрыты сводами полуциркульного или сегментного типа. Только незначительное число из них имеет свод купольной формы, высота которого в просвете составляет 2 м. Такое подвальное помещение производит достаточно внушительное впечатление и, по Герстенбергу, служит одновременно в качестве винного погреба и кладовой. Частично его могли сдавать внаем иногородним купцам. Герстенберг также упоминает, что многие дома имели по два подвальных помещения с двумя входами, как это отражает современная планировка¹⁸. Доступ в подвалы достигается только благодаря приемку, выходящему на улицу.

Проведенная реконструкция домов помогла определить два типа. Один из них представляет собой индивидуальный дом с большим широким подвалом. Примерами являются дома № 20 на Верхнем рынке и № 4, 14–18 на Нижнем рынке. Среди них два дома, № 14 и 16, располагают очень высоким первым этажом. В них устраивалось двухъярусное помещение. Предположительно, оно было занято ремесленными мастерскими или торговыми лавками. Планировка второго, очень часто встречающегося типа, предусматривает две секции с двумя наружными дверями. Двухсекционный тип имел всегда два подвала, один из которых иногда был засыпан.

При сравнении современного внешнего облика фахверковых домов с первоначальным, полученным из реконструкции исторической развертки, специалисты пришли к выводу о наличии лишь незначительной разницы. Сопоставление констатирует сохранение в целом фахверковой решетки. Изменение в первую очередь коснулось заполнения ячеек. В них где-то вместо оконного проема устроили глухую стену с последующей побелкой или наоборот — пробили окно в глухой ячейке. Некоторые подоконные пояса с выступающими концами консолей пришлось утопить глубже. Претерпели изменения дверные проемы. Их стрельчатые завершения получили обычное прямоугольное обрамление. В отдельных местах архитекторы сочли необходимым ввести стойки, подкосы, в иных случаях — их убрать. В доме под № 2 вместо фахверкового щипца появилась вальма и т. д.

Несомненно, перечисленные внешние несоответствия вытекали из внутренней перепланировки. В результате этого ремесленные

¹⁸ Hoyer A. Op. cit. S. 134.

Ил. 7. Современное состояние домов, расположенных на Нижнем рынке, и реконструкция их вида в период Средневековья

мастерские превратились в жилые квартиры, а иные жилые помещения стали офисами. Помимо реконструктивных работ, фахверки нуждались в ремонтах, а именно в замене обветшавших элементов конструкций, особенно в зоне первого этажа. Одним словом, немцы, отличающиеся крайней бережливостью, относились к своему историческому наследию в интересах его рационального использования, вне зависимости, находилось ли оно в распоряжении частных лиц или муниципалитетов.

Сопоставление также показало, что фасадам XVI–XVII вв. свойственна более упорядоченная разбивка проемов, которую никак нельзя было сохранить при внутренних перепланировках. Она стала менее регулярной, но более живописной. Новоприобретенное качество не могло слишком сильно исказить внешний облик зданий.

Реконструкция семи домов Нижнего рынка подтвердила принадлежность их фахверковых конструкций по своему характеру к архитектурно-строительной школе Верхнего Гессена конца Средневековья. Например, за некоторым исключением здесь отсутствует система кронштейнов, некогда поддерживающих

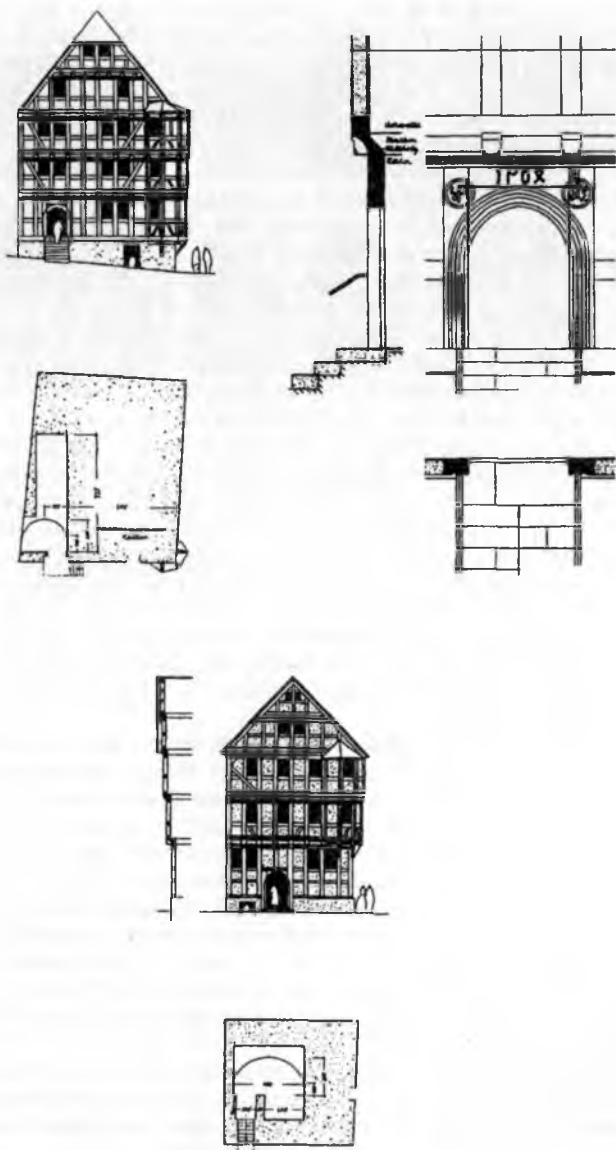
выносы. На их место встали короткие консоли, соединенные с поясами врубкой в гребень. Между концами балок заложены вставки в виде профилированных дощечек, которые прикрывали горизонтальный шов под выносом. На короткие консоли укладывалась нижняя обвязка, несущая стойки верхних этажей. Благодаря такой продуманной системе расстановка поэтажных стоек происходила независимо от расположения балок перекрытия. Фахверковая решетка, помимо основных межэтажных поясов, имеет промежуточные подоконные. От них поднимаются окна до верхней обвязки. Стойки, подкосы и балки соединяются между собой преимущественно в шип, изредка — в полдерева.

Следует подчеркнуть постановку поэтажных стоек на одну ось и их близкое расположение друг от друга в одном ярусе. Эти особенности указывают на влияние мощной нижегерманской архитектурно-строительной школы. Однако если в ратуше Франкенберга глухие ячейки заполнялись кирпичами, как у северных соседей, то в домах использовали глиняный наполнитель с последующей побелкой — в соответствии с местными традициями.

Площадь Нижнего рынка — не единственное место, где сохранились фахверковые дома. Существуют еще несколько объектов, разбросанных по территории города, но также достойных внимания. Их необходимо упомянуть в качестве образцов наиболее яркого декоративного оформления на фоне почти аскетического внешнего облика семи домов на Нижнем рынке, декор которых заключался в текстах, символах над дверной перемышкой, в скромной резьбе на угловых стойках и на некоторых деталях двухъярусного эркера.

К сожалению, нет возможности поставить в иллюстративный ряд очень интересный фахверковый дом № 2, включенный в более поздний ряд каменных строений по Линнергассе. Он выделяется из фахверкового комплекса наиболее выразительным декором в виде богатой резьбы. Однако следует все же отметить его исключительную особенность — нависание верхнего этажа над нижним по косой. Наибольший вынос составляет 40 см и поддерживается резным кронштейном — самым высоким среди прочих. Дом также интересен тем, что ячейки фахверка заполнены кирпичом. Эта особенность ставит его в один ряд с городской ратушей, также попавшей под влияние соседней архитектурно-строительной школы.

Другой дом, «Herboldische Haus», расположен в невзрачном месте на Штайнгассе. Его реконструкция зафиксировала, прежде всего, богато оформленный вход, дверной проем которого несколько напоминает стрельчатую арку. Дверные стойки и нижняя перемышка имеют сложную профилировку. На верхней перемычке вырезана датировка — 1564 г., по бокам от нее на стойках размещены резное солнце (слева) в качестве знака дома

Ил. 8. «Herboldische Haus». Реконструкция фасада и подвала;
фрагмент фасада с входом. Дом № 20 на Верхнем рынке.
Реконструкция фасада и подвала

и рельефно вырезанный герб Франкенберга в виде льва, прыгающего с трехглавой горы. Однако мастерам показалось недостаточным акцентировать декором вход, и они перенесли резьбу на один из поясов, где поместили текст и фигуры, полностью сохранившиеся.

Характер фахверковой решетки в «Herboldische Haus» идентичен регулярной разбивке оконных и дверных проемов в группе домов на Нижнем рынке. Его фасад также украшает эркер, правда, трехъярусный, поддерживаемый усиленным кронштейном. Высота достаточно внушительного объема достигала примерно 17 м, что соответствует отметкам конька домов на Нижнем рынке.

Уже неоднократно у того или иного дома нами отмечалась высота, которую нельзя не сопоставить с высотными характеристиками самой ратуши. Сравнение говорит не в пользу административного здания, теряющего свое господствующее положение в окружающей застройке XVI–XVII вв. Те несколько метров, которые оно выигрывало благодаря флюгеру и устремленным ввысь шпилям, не позволяли ратуше однозначно доминировать над окружающей застройкой, как это было ранее. Социальные процессы не стоят на месте: ушло время, когда Совет вершил судьбу своего города и бюргерства. На смену устремился абсолютизм, судебная, экономическая и военная власть сосредоточилась в руках аристократов. Изменились прежние предписания и рекомендации относительно высоты жилых домов. Вероятно, не только вновь построенные дома, но и уже существовавшие получили возможность повысить этажность благодаря каркасно-сборному способу их возведения.

Подводя итог фахверковому домостроению Франкенберга позднего Средневековья, нельзя не отметить, что оно шло в русле развития немецкого фахверкового зодчества в целом, у которого в это время наступает период застоя. Перестают возникать новые формы, дающие стимул к разработке интересных конструктивных узлов и деталей. Происходит в лучшем случае усовершенствование старых испытанных методов возведения. Эти негативные явления закономерно склоняли чашу весов в пользу каменного строительства. Оставалось ждать, когда фахверковые конструкции, будучи прототипом современного каркасно-сборного домостроения, в очередной раз станут востребованы в архитектурно-строительной практике.

АРСКАЯ КРЕПОСТЬ – ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ И ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

*Утраченный памятник
русского деревянного оборонительного зодчества
XVII века*

В данной статье пойдет речь о сохранявшейся еще в начале XX в. деревянной башне Арской крепости XVI–XVII вв., которая наряду с башней Сумского острога, проездной башней Николо-Карельского монастыря и проездной же башней из села Торговище (Торговажское) являлась одним из немногих уцелевших памятников подобного рода на территории Европейской России. Башни Сумского острога и Николо-Карельского монастыря были спасены П. Д. Барановским в 20-е гг. XX в., и в настоящее время они экспонируются на территории музея-заповедника «Коломенское» в Москве. Башня из села Торговище в 1899 г. сгорела, была срублена заново местными крестьянами в 1905 г. и сейчас находится в историко-этнографическом музее в дер. Хохловка близ Перми. Башня же из Арска, к сожалению, утрачена. Тем более интересны сохранившиеся письменные источники и изобразительные материалы, которые относятся к этому исчезнувшему и забытому памятнику русского деревянного оборонительного зодчества.

Прежде чем перейти к интересующей нас теме, ознакомимся с военной историей Арска. Арск, или, как его называют татары, Арча возник, по археологическим данным, не позднее первой половины — середины XIII в. По мнению А. А. Бурханова, производившего археологические раскопки в городе в 1996 г., «Арча (Арск) как пограничный форпост — крепость Волжской Болгарии, скорее всего, основан в начале — середине XIII века в связи с массовым переселением булгарского населения из центральных районов страны, связанным с естественным расширением границ и освоением новых земель в Заказанском регионе, и отчасти с монгольским нашествием в Среднее Поволжье. Однако вполне допустимо, что неукрепленное булгарское поселение могло возникнуть здесь раньше, в середине — конце XII в.»¹.

В 1236 г. Волжскую Болгарию, или Булгарию, покорили монголо-татары, и она вошла в качестве улуса сперва в состав Золотой Орды, а затем — в Казанское ханство. В русских летописях

¹ Бурханов А. А. Средневековое городище Арск — Арча // Интеграция археологических и этнографических исследований. Нальчик—Омск, 2001. С. 78.

первое упоминание Арска содержится под 1296 г., где говорится, что ордынский хан выдал за смоленского и ярославского князя Фёдора Чермного свою дочь и в приданое дал 36 городов, среди которых был и «Ареск»².

В 1379 г. в окрестности Арска вторглись вятские ушкуйники, но оказались разбиты: «Того же лета Вятчане ходиша ратию в Арьскую землю, и избиша разбойников ушкуйников, и воеводу их Рязана изъймавшие убиша»³.

В 1489 г. великий князь Московский Иван III Васильевич послал рать под командованием воевод князя Даниила Васильевича Щеня и Григория Васильевича Морозова на Вятку «за их неисправление». Вятка была присоединена к Московскому государству, а вятчане целовали крест на верность. Их примеру последовали арские князья и принесли роту (присягу). Каким образом арские князья оказались в Вятке, неясно. Вероятно, вятчане пригласили их в качестве союзников, и после сдачи осажденного города князья попали в плен со своими людьми. Воеводы, взяв с собой вятчан «лучших людей» с семьями, а также арских князей, вернулись в Москву. Иван III «Арьских князей пожаловал... отпустил в свою землю»⁴. Впрочем, вассальная зависимость арских князей от Москвы была чисто формальной и вскоре прекратилась.

В XV — первой половине XVI в. Арск служил военно-административным центром арской даруги (области). Одновременно он являлся стольным городом небольшого удельного княжества и имел своих князей, проводивших политику, зачастую враждебную официальной Казани. В целом можно сказать, что хотя Арску было далеко до Казани и по размерам, и по количеству населения, и по торговому товарообороту, тем не менее, он являлся вторым городом после столицы в Казанском ханстве.

Особое значение Арску придавало наличие мощной деревоземляной крепости, высившееся на клинообразном мысу, выдававшемся в долину реки Казанки. По свидетельству Казанского летописца, до 1552 г. она никем не была взята: «Тои бо острог стары, Ареск зовом, зделан аки град тверд, и з башнями, и з боиницы и живет людеи много в нем, и брегут (берегут. — В. Н.) велми, и не бе взиман ни от коих же ратеи никако же, стоит от Казани 60 верст, в местех (з)ело крепких и в непроходных, в дребех и в блатах, едином путем к нему притти и отоити»⁵.

² ПСРА. Т. 21. Книга степенная царского родословия. СПб., 1908. С. 309; Там же. Т. 31. Летописец последней четверти XVII века. М., 1968. С. 79.

³ Цит. по: Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 2. Т. V. Гл. I. Прим. 106. Стб. 36.

⁴ ПСРА. Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршею, или Никоновскою летописью. СПб., 1901. С. 221.

⁵ ПСРА. Т. 19. История о Казанском царстве (Казанский летописец). М., 2000. Стб. 127.

Особенно высоко боевые качества Арской крепости проявились во время междоусобицы в конце XV в. В середине 90-х гг. того же столетия жители Арска восстали против казанского хана Мамука, измучившего население ханства грабежами, насилием и бесконечными поборами. Хан осадил Арск, но взять его не сумел. Находившиеся с ним казанские князья покинули его и ушли в Казань, но когда хан после безуспешной осады попытался вернуться в столицу, то «...царя Мамука во град не пустиша, а измену на него возложиша, что их князей имал (арестовал, сажал в тюрьмы.— В. Н.), а гостей (купцов.— В. Н.) и земских людей грабил», после чего Мамук «поиде от Казани в свояси и на пути умре»⁶.

Во время осады Казани в 1552 г. войсками Ивана IV Арская дуга была одна из центров национального татарского сопротивления. Засевшие в Арске князья Япанча и Явуш постоянно нападали на тылы русских войск и лагеря осаждающих: «убиваючи от воев (воинов.— В. Н.), и хватаючи живых, и стада конския отгоняючи»⁷. 30 августа Япанча и Явуш попали в засаду и были на голову разгромлены воеводами боярином Александром Борисовичем Горбатым, боярином князем Петром Семёновичем Серебряным и князем Юрием Ивановичем Шемякиным, которые «15 верст гнаша и биша их»⁸. Но, несмотря на поражение, арские татары продолжали вылазки, и в сентябре Иван IV направил на «Арьское место и на острог воевод своих на три полка». В Большом полку — бояр и воевод Александра Борисовича Горбатого и Захария Петровича Яковлева, в Передовом полку — бояр и воевод Семёна Ивановича Микулинского и дворецкого Данилу Романовича Юрьева, и в Сторожевом полку — воевод князя Петра Андреевича Булгакова и князя Давыда Фёдоровича Палецкого⁹. Русская рать двинулась долиной реки Казанки и в двух милях от Казани натолкнулась на татарские укрепления, за которыми укрывалось большое «басурманское» войско. По словам летописи, «И пошли воеводы, наперед полки пошли у воевод пеши стрельцы и казаки, и как пришли на высокую гору к острогу, а острог бе их рублен городнями и землею насыпан, а в ином месте многими засеками засечено, а зделан промеж непроходимых болот»¹⁰. Русские ратники устремились на штурм: «И начаша приступати к острогу, стрелцы же из множества пищалей стреляху, такоже из луков христианом и татаром, и бе яко дождевая туча сильная частыми каплями землю омочаху, такоже и от обоих стрелами летаху и грому звучно бяху от пищалей»¹¹.

⁶ ПСРЛ. Т. 12. Летописный сборник... С. 243.

⁷ ПСРЛ. Т. 19. История о Казанском царстве... Стб. 125.

⁸ ПСРЛ. Т. 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршею, или Никоновскою летописью. СПб., 1904. С. 208–209.

⁹ Там же. С. 210; Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 137.

¹⁰ Там же. С. 210.

¹¹ Там же. С. 210.

Воеводы А. Б. Горбатый и З. П. Яковлев с частью сил попытались обойти татарские засеки, но в лесной чаще натолкнулись на другой острог. После ожесточенного двухдневного боя татарские укрепления были взяты «и татар многое множество побили и живых двесте человек изымали»¹². Проведя ночь в татарских шатрах, где оказалось немало добычи, воеводы пошли далее к Арску, но он оказался пуст, население покинуло его и разбежалось. То, почему татары бросили Арск без боя, понятно. Воины были деморализованы поражением у засеки, кроме того, у них не имело пушек. Вся или почти вся татарская артиллерия была сосредоточена в Казани, а то, что еще оставалось у арских татар, было потеряно в бою. Без пушек оборонять Арск не имело смысла, город был обречен и пал бы через пару дней.

Задержавшись в Арске на два дня, русское войско двинулось на дальнейшее покорение страны. В Никоновской летописи ничего не говорится о сожжении Арска, в то же время о разрушении других татарских крепостей сказано со всей определенностью. О сожжении в феврале 1554 г. крепости на р. Меше: «И город на Меше сожгли... и город до основания разорили»¹³; о Чальском городке, уничтоженном в апреле 1556 г. воеводой Петром Васильевичем Морозовым, — «и городок сжег»¹⁴. В то же время о том, что Арск сгорел, свидетельствует толстый слой пожарища, традиционно относимый к 1552 г., на который натыкались при раскопках еще в начале XX в. Вероятно, город сожгли сами татары при отступлении, чтобы он со всеми своими богатствами не достался врагу.

Косвенное свидетельство об этом содержится в Никоновской летописи: «И пошли [русские воеводы], воюючи и села жгучи, к Арскому городищу; и пришедши на Арское городище, и бояре и воеводы послали головы (голова — начальник небольшого подразделения или сводного отряда. — *В. Н.*) царева полку, а сами на городище стояли два дни и пошли другою дорогою х Казани»¹⁵.

¹² Там же. С. 211.

¹³ Там же. С. 246.

¹⁴ Там же. С. 269.

¹⁵ Там же. С. 211. Этому известию Никоновской летописи противоречит сообщение «Казанского летописца» о том, что Арский острог сдался после трехдневной осады. В данном случае, в Казанском летописце налицо путаница: русские войска, действительно, после двухдневных боев овладели татарскими острогами и засеками, но на дальних подступах к Арску, сам же город оказался покинут. Правдивость Никоновской летописи подтверждают и слова непосредственного участника похода — князя А. М. Курбского: «...и приидоша, аки за два дни, до одного предреченного града Арского и обретоша его пуст, покинен, от страха бо избежаша из него все, страха ради в долечайшие леса». См.: Сказания князя Курбского. СПб., 1868. С. 23.

Кроме того, в тексте «Казанского летописца» есть и другие противоречия: например, там сказано, что Арский острог защищали «бойцов

Как известно, в те времена городищем называли разрушенную и покинутую крепость. В любом случае, вопрос о том, кто сжег Арскую крепость — русские или татары, пока остается открытым.

За десять дней русское войско совершенно опустошило страну: «И повоевали Арскую сторону всю, многих людей побили, а жены их и дети в полон поимали и много множества христианского полону свободили. Война их была на полтораста верст поперег, а в долину и по Каму; села пожгли и скот их побили и бесчисленное множество скота с собою х Казани в полки пригнали. И съшлись к воеводам головы все из загонов дал Бог здорово»¹⁶. По свидетельству Казанского летописца, русское войско в Арском Заказанье заняло «великих же и малых острогов 30»¹⁷. Если верить тому же летописцу, поход обошелся без особых потерь для рати (кроме нескольких первых дней, разумеется), татарские острожки сдавались один за другим: «не бысть падения воем ни у единого града, ни у острога, но сами крепкия остроги отверзаху и предавахуся, ни лука напрязаючи, ни стрелы пущаючи, ни каменем метаючи»¹⁸.

После падения Казани население Арской даруги прислало Ивану IV своих послов казаков Шемая и Кубиша «з грамотою, чтобы государь их черных людей пожаловал, гнев свой отдал и велел ясаки имати, как и прежние цари»¹⁹ и прислал бы к ним сына боярского, который бы объявил им «царево жалованное слово» и собрал их для принятия присяги, «понеже они с страху разбежались». Иван IV послал к ним сына боярского Никиту Казаринова и Камая-мурзу. 10 октября в сопровождении Н. Казаринова и Камая-мурзы в Казань приехали «многие Арские люди, и царю государю били челом, чтоб им государь милость показал, а они всю землю государю бьют челом и ясак дают»²⁰. Иван IV

единых» 15000 человек. Не говоря уже о том, что подобное число воинов физически не могло разместиться на территории сравнительно небольшой крепости (всего 2,5 гектара), ведь были же еще женщины, дети и невооруженное население. В то же время несколькими строчками ниже сообщается, что в Арске после трехдневной осады русским сдались: «князей Арских 12, воевод черемисских 7, лучших земских людей сотников и старейшин 300 и всех до 5000 человек (см.: ПСРЛ. Т. 19. История о Казанском царстве. М., 2000. Стб. 127)». Возникает вопрос, а куда же подевались все остальные? Тем не менее, цифрам, приведенным в «Казанском летописце», вероятно, в основном следует верить. Только 15 000 воинов — это число татар, оборонявших остроги на дальних подступах к Арску, а более 5300 человек полона — это все пленные, захваченные во время Арского похода в разных местах.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 13. СПб., 1904. С. 211.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 19. М., 2000. Стб. 126.

¹⁸ Там же. Стб. 127.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 13. СПб., 1904. С. 221.

²⁰ Там же. С. 221.

пожаловал арцев и велел брать с них подати в том же размере, как и прежде, а принять у них присягу поручил воеводе Александру Борисовичу Горбатову.

В декабре 1552 г. некие «Тугаевы дети с товарищи» «хотели лихо чинити». Посланные казанским воеводой А. Б. Горбатым сын боярский Никита Казаринов и Камай-мурза вместе с арскими людьми разбили мятежников и, поймав 38 человек, привезли в Казань, где их «за измену» перевешали²¹.

Но уже весной 1553 г. в Арской земле вспыхнуло восстание, вскоре ставшее всеобщим. 10 марта казанский воевода князь А. Б. Горбатый сообщил, что повстанцы убили сборщиков ясака Мисюря Лихарева и Ивана Скуратова и пришли «на Арьское», где стали на высокой горе, у подножия которой устроили засеку. Казанский воевода послал против них казачий отряд Василия Елизарова и стрелецкий — Ивана Ершова, но те двинулись разными дорогами и арские и луговые татары разбили их наголову, перебив 350 стрельцов и 450 казаков. Арскую крепость повстанцы восстанавливать не стали и возвели новый город на реке Меше в 70 верстах от Казани и восточнее покинутого Арска «и землю стены насыпали, хотяше тут отсидеться»²². В том же месяце объединенные силы повстанцев совершили поход на Горную сторону. Свияжский воевода Петр Иванович Шуйский направил против них крупный отряд во главе с воеводой Борисом Ивановичем Салтыковым, в который вошли как русские, так и татарские ратники, для чего собрали «горных людей всех». Но в это время были «снегы... великы», и татары, обрушившись на лыжах со всех сторон, разгромили отряд Б. И. Салтыкова. Сам воевода попал в плен, было убито 36 детей боярских и 50 их боевых холопов, 170 человек «горных людей», а 200 — взято в плен²³. Воеводу Б. И. Салтыкова татары категорически отказывались отпустить за выкуп или на обмен, и замучили после двух лет плена.

Русскому правительству стало ясно, что подавить восстание силами местных воевод, да еще после понесенных потерь, невозможно. В сентябре 1553 г. Иван IV отправил «на Арьских изменников» войско в составе трех полков: в Большом полку — боярин и воевода Семён Иванович Микулинский и боярин Пётр Васильевич Морозов; в Передовом — боярин Иван Васильевич Шереметев Большой и окольный и оружничий Лев Андреевич Салтыков; в Сторожевом — князь Андрей Михайлович Курбский и Михаил Воронов. Войско двинулось из Нижнего Новгорода «с Николина дни» по первому зимнему снегу. В Казани к ним присоединились воеводы со своими людьми — Юрий Иванович

²¹ Там же. С. 229.

²² Там же. С. 230.

²³ Там же. С. 230.

Кашин из Свияжска и Фёдор Иванович Умной-Колычев из Казани, а также князь Фёдор Иванович Татев с городецкими (касимовскими.— *В. Н.*) татарами и «со всеми мещерскими людьми», и Фёдор Васильевич Вокщерин со служилыми татарами. Выступив из Казани Арской дорогой, воеводы разослали во все стороны — по Ногайской дороге, на Каму и на Мешу — голов с сотнями, а сами двинулись на Арск «воевать» и далее на Уржум, «идучи въезвали и жгли во всех местех». Поход продолжался четыре недели — весь февраль 1554 г. В боях было убито и пленено 6000 татар, в полон угнано 15 тысяч женщин и детей. Построенная татарами на реке Меше крепость была взята и уничтожена: «И город на Меше сожгли и людей в нем, немногих застав, побили, а иные из него выбежали: и окрестные тут села все повыжгли и людей повыбили, и город до основания разорили»²⁴. Опустошению подверглась огромная область протяженностью от Казани до Камы на 250 верст, а от Волги к Вятке на 200 верст. Видя невозможность дальнейшего сопротивления «Усеин-Сеит да Таокмыш-Шихъзада да Сарый Богатырь» приехали к воеводам с повинной «за всю Арьскую сторону и Побережную», обязались платить ясак и вновь принесли присягу.

В августе того же года казанский воевода Михаил Васильевич Горенский послал на еще бунтовавших «луговых людей» казанских князей Кебеняка и Кулая-мурзу, а с ними всех арских, побережных и нагорных татар. Русский контингент возглавил Дмитрий Кушелев. Но казанские татары «солгали государю изменили» и, соединившись с повстанцами, убили многих арских «черных людей», которые остались верны присяге, затем перебили рыболовов на реке Волге и стали совершать набеги на сенокосные угодья под Казанью²⁵.

Новую деревянную крепость на месте сожженной русские власти при помощи местного татарского населения поставили, вероятно, осенью — зимой 1554–1555 гг. Предположительно, дата закладки Арской крепости связана с посвящением городского собора во имя Богоявления Господня, которое отмечается 6 января (по старому стилю). По русской градостроительной традиции XVI–XVII вв. закладку крепости старались приурочить к ближайшему церковному празднику, в честь которого освящали собор. Надо полагать, весь декабрь ушел на заготовку леса по санному пути, а крепость и собор заложили уже в начале января. Не случайно и посвящение второго арского храма, стоявшего на посаде напротив крепости, во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Как известно, Казань пала 2 октября на праздник Покрова (празднуется 1 октября по старому стилю) и строительство

²⁴ ПСРА. Т. 13. СПб., 1904. С. 239; Разрядная книга... М., 1966. С. 143–144.

²⁵ Там же. С. 247.

храма с подобным посвящением во втором по значению городе бывшего Казанского ханства имело символическое значение, а также придавало Арску некоторое сходство с Москвой, где Покровский собор (Василий Блаженный), также поставлен на посаде, напротив главных ворот Кремля.

Уже в конце зимы новая крепость подверглась нападению «луговых людей», скорее всего — восставшей мордвы и марийцев, согласно сообщению казанского воеводы Михаила Глинского от 1 марта 1555 г: «луговые люди приходили на Арскую сторону войною; и Арьские люди, остроги поделав, от них отбилися, а с ними в островах (острогах. — *В. Н.*) были стрелцы царя и великого князя, ис пищалей побивали многих луговых, а луговые воевали села татарские и пошли на Луговую»²⁶.

Осенью 1555 г. подавление восстания, в котором на стороне русских войск сражались и арские татары, продолжилось: «и Арские люди и побережные переимали сами многих татар, которые не прямили государю, да иных сами побивали, а иных к воеводам приводили да сами резали их и побивали перед воеводами: и побили их тою осенью тысящу пятьсот шездесят именных людей, князя да мырзу да сотного князя да лутчего казака»²⁷. По указу Ивана IV русским воеводам, а также татарам, которые «прямо служат», было выслано государево жалованье и золотые наградные монеты: «И Арские и побережные люди все укрепилися (принесли клятву. — *В. Н.*) у государя и ясаки все сполна поплатили»²⁸.

В конце зимы 1556 г. в Арской земле вспыхнуло новое восстание. По сообщению казанского воеводы князя Петра Ивановича Шуйского, «Арские и побережные люди государю изменили». Посланый подавлять выступление сотный князь Мамич-Бердей с «посылкою» (вооруженным отрядом. — *В. Н.*) перешел на сторону восставших и перебил бывших при нем стрельцов. Что произошло во время этого мятежа с Арской крепостью, русские источники не сообщают. Были ли здешние стрельцы обмануты Мамич-Бердеем и «изменою» перебиты или сумели отсидеться в осаде — неизвестно. Сам же Мамич-Бердей с присоединившимся к нему ногайским царевичем, которого он хотел посадить на казанский трон, с сотней ногайских воинов и арскими людьми (ок. 2000 чел.) двинулся на противоположный берег реки Волги — «горную сторону», поднимать знамя восстания там. Но его выступление закончилось очень быстро. Сначала среди повстанцев вспыхнули раздоры — Мамич-Бердей, раздосадованный тем, что царевич «им не учинил никоторые помочи, и он царя убил и всех нагай побил»²⁹. После этого он стал «воевать» «горную

²⁶ Там же. С. 246.

²⁷ Там же. С. 247.

²⁸ Там же. С. 247.

²⁹ Там же. С. 266.

сторону», осадил засевшую в двух острогах мордву и черемису (марийцев) и стал их уговаривать присоединиться к нему. Те пригласили его со своими людьми для переговоров, напоили, после чего предводитель «горных людей» Аталыш-сотник «с товарищи» перебил пьяную свиту Мамич-Бердея (около 200 чел.), а его самого связали и выдали русским властям, за что «царь и государь горних людей пожаловал великим своим жалованьем и всяких им пошин полегчил»³⁰.

Тем не менее, несмотря на подавление выступления Мамич-Бердея, в Арской земле продолжало оставаться беспокойно. В мае 1556 г. боярин и воевода Пётр Иванович Морозов вместе с Фёдором Ивановичем Бугурлиным совершили поход к Арску и за Арском на реке Меше встретили отряды татар Девляк-мурзы «с арскими людьми». Воеводы послали против них князя Петра Глебовича Засекина, Романа Пивова, служилых и новокрещеных татар и стрельцов. Девляк-мурза был разбит и схвачен вместе со многими своими сторонниками. После этого князь Пётр «воевал» окрестности 10 дней «и все Арские места повоевал и побил многих людей и полоном вывел безчисленно много»³¹.

В июне из Казани в очередной поход на Арскую землю снова выступил боярин П. И. Морозов и Фёдор Игнатьевич Салтыков с войском, в которое входили «дети боярские ис Казани и из Свяязского города обои, и переменные и старые и годовалышки»³², и татарове и новокрещены и казаки и стрелцы». Ратники опустошили территорию «за Арьское, за Ошит и за Уржум», не дойдя до Вятки 50 верст, «и воевали безчисленно много и полон имали, женъкы да робята, а мужиков всех побивали»³³. Страна была совершенно разорена и залита кровью: «Арскую сторону и Побережную до конца в нуже (нужде. — В. Н.) учинили»³⁴. Уцелевшее население било челом «за свои вины» и принесло очередную присягу.

В 1557 г. на Арскую сторону приходили походом «луговые люди», но были разбиты³⁵. В 1572 г. Иван IV духовной грамо-

³⁰ ПСРА. Т. 13. СПб., 1904. С. 266.

³¹ Там же. С. 269.

³² Там же. С. 270. «...да дети боярские ис Казани и из Свяязского города обои» — дети боярские делились на две половины — первая несла государеву службу, а вторая находилась в поместьях, занимаясь своими домашними делами, потом они менялись ролями. Здесь имеется в виду, что были призваны обе половины, т. е. мобилизация была всеобщей, что проводилось довольно редко. Годовалышки — служилые люди — дети боярские, стрельцы, казаки и др., направлявшиеся на усиление пограничных гарнизонов (на один год) из других родов.

³³ Там же. С. 270.

³⁴ Там же. С. 270.

³⁵ Там же. С. 282.

той пожаловал «город Казань с Арскою стороною» своему сыну Ивану³⁶. Под 1576 г. упоминается присланный из Казани в Арск служилый или приказной человек Василий Пелепелицын³⁷. Вероятно, именно с этого времени Арск становится податным и административным центром на правах пригорода Казани. Надо полагать, что тогда же укрепления Арской крепости были возведены заново, или перестроены. Во время «Черемисских войн» (татарских восстаний) 1572–1574, 1582–1584, 1592 гг. Арская крепость являлась опорой русской власти в Заказанье. По росписи 1636 г. гарнизон города состоял из 40 стрельцов, 2 воротников, литовца, 20 казаков и новокрещенов, 95 посадских людей и большей³⁸. Последнее военное испытание, выпавшее на долю Арска, связано с восстанием Е. И. Пугачева, который занял город 9 июля 1774 г., но тогда Арская крепость не сыграла никакой роли, поскольку в ней уже давно не было ни гарнизона, ни вооружения, а стены и башни наполовину развалились.

Теперь займемся рассмотрением непосредственно оборонительных сооружений Арска. К сожалению, значительная часть архива Приказа Казанского Дворца утрачена, и выявить описание Арской крепости XVI–XVII вв. пока не удалось, поэтому для реконструкции ее внешнего облика придется воспользоваться весьма немногочисленными источниками. По свидетельству секретаря Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете Владимира Леонидовича Борисова, обследовавшего городище в конце XIX в., «Арская крепость занимала превосходное стратегическое положение; она расположена в треугольнике, образуемом горным (правым) берегом р. Казанки и оврагом, прорезывающим этот берег на пространстве нескольких десятков сажен; с третьей стороны, примыкающей к общей возвышенности правого берега р. Казанки, отделяясь валом и рвом, довольно хорошо сохранившимися еще в настоящее время»³⁹. К сожалению, сейчас крепостные валы находятся в гораздо худшем состоянии, чем в XIX в. В настоящее время территорию городища занимают Богоявленский

³⁶ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 439.

³⁷ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 271. Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 134.

³⁸ Книги Разрядные, по официальным оных спискам изданные с Высочайшего соизволения II-м Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. II. СПб., 1855. Стб. 925.

³⁹ Борисов В. А. Древняя башня в городе Арске Казанской губернии. Доклад в Обществе археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете 20 января 1900 г., представленный по поручению Общества секретарем Общества В. А. Борисовым. Казань, 1900. С. 5.

собор (1869–1873) и хозяйственные службы райцентра. Несомненно, что рвы и валы, оставшиеся от татарского укрепления, использовались русскими мастерами при возведении новой крепости. Следует отметить, что русские крепости, строившиеся в XVI–XVII вв., можно разбить на два основных типа: регулярные укрепления, возведенные на новом, не застроенном ранее месте, и имевшие более или менее правильный геометрический план — прямоугольник, трапеция, треугольник, ломаный многоугольник (Тула, Кашира, Зарайск, Шуя, Ситна, Суша, Туровля, Козьян и др.) и крепости, построенные на древних городищах и унаследовавшие их оборонительную структуру в виде округлой фигуры — круга, овала, полукруга, треугольника со скругленными углами (Новосиль, Одоев, Кромь, Усерд, Карпов, Хотмыжск и др.). Арская крепость относилась к последнему типу. К этому следует добавить то, что согласно плану города конца XVIII в. вал имел небольшой изгиб, углом выступая в наполную сторону. Дугообразное начертание приступной стороны вала и рва подтверждают и сообщения П. Малова и С. М. Шпилевского⁴⁰, видевших его в то время, когда он находился еще в хорошем состоянии. Главные ворота как предшествовавшей татарской, так и русской крепости, были сдвинуты для удобства обороны к северо-восточному углу — в этом случае неприятель был вынужден подступать к ним, поворачиваясь правым, не защищенным щитом боком. Подобные фортификационные приемы — дугообразная наполная стена и угловое расположение въезда не являются чем-то необычным для Восточной Европы и широко использовались в крепостном строительстве как на Руси в X–XIV вв., так и на сопредельных землях. В России классическими примерами подобных сооружений являются Псковский Кром, крепости в Старой Ладге, Изборске, Острове, Гдове, Серпухове, городища в Звенигороде, Радонеже, Новосиле, Ольгов городок под Старой Рязанью и другие.

К сожалению, о деревянных сооружениях Арской крепости известно довольно мало. В фондах РГАДА автором было выявлено неизвестное ранее описание Арской крепости, составленное в 1703 г.: «В Казанском уезде пригороды.

Арск — городок деревянной, рубленой по мере кругом 233 сажени⁴¹, в высоту 2 сажени 2 аршина, на нем 5 башен, в высоту проезжая башня 9 сажен, а 4 башни по 5 сажен.

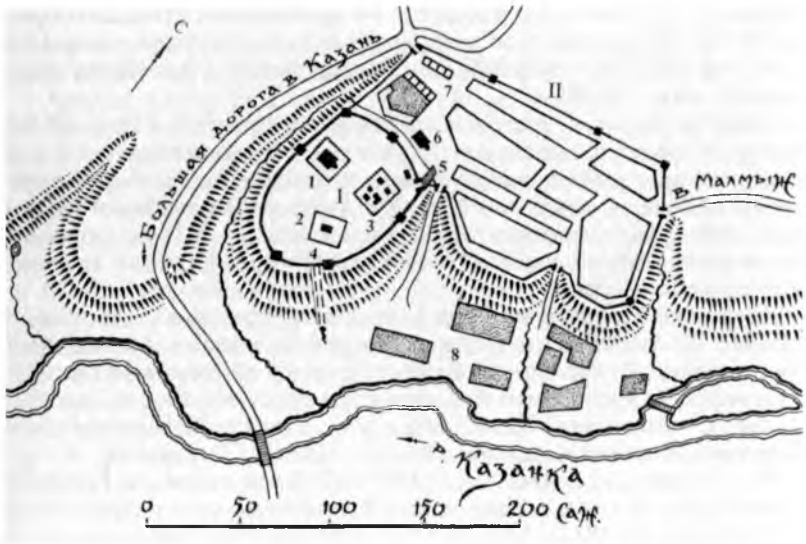
Военного снаряду:

2 пушки железные по 2 аршина по 6 вершков, весом по 25 пуд.

⁴⁰ РГВИА. Ф. ВУА. № 21529. Ч. 1. Л. 52. План г. Арска. Конец XVIII в.; *Малов П.* Городище Старая Казань и город Арск // Записки Императорского археологического общества. Т. 5. Вып. 2. СПб., 1853. Прил. С. 121.

⁴¹ Сажень — 2,13 м, аршин — 71,12 см, вершок — 4,45 см.

АРСКАЯ КРЕПОСТЬ

Ил. 1. План города Арска. Вторая половина XVI – XVII вв.

Гипотетическая реконструкция автора

I. Рубленный город	5. Царские ворота и стрелецкая караулка
1. Богоявленский собор	II. Посад и слободы, окруженные острогом или надолбами
2. Двор приказного человека	6. Покровская церковь
3. Казенные постройки (амбары, житницы, пороховой погреб)	7. Торговые лавки
4. Тайницкая башня и тайник	8. Сады и огороды

Пушка скорострел[ь]ная железная ж длиной 3 четверти, весом в пуд.

Пищал[ь] затинная длиной 2 аршин, весом в полтора пуда.

Ядер пушечных 447, дробных мелких 39, 18 забойников железных.

Трещетка железная.

Полпуда дрови свинешной и железной.

2 пуда 26 гривенок пороху мушкетного.

3 пуда 4 гривенки пороху пушечного.

6 пуд с полупудом свинцу.

10 сажень фитилю»⁴².

Это первое и пока единственное известное описание Арской крепости. К сожалению, опись дает о ней лишь самое общее представление. Из нее видно, что Арский кремль был окружен

⁴² РГАДА. Ф. 396 (Оружейная палата). Оп. 3. Ед. хр. 53. Опись городов приказа Казанского дворца. Л. 23–23 об.

стеной из срубов — «городней» — протяженностью 233 сажени (496,3 м) с пятью башнями. Средняя высота башен составляла 5 сажен (10,55 м, вероятно, вместе с кровлей), а проездной башни — 9 сажен (19,17 м).

Внутри Арского кремля высился деревянный Богоявленский собор, а также, надо полагать, находились административные и казенные постройки, составлявшие традиционный набор для русского города — крепости XVI–XVII вв.: двор приказного чело века, приказная (съезжая) изба (канцелярия. — *В. Н.*) с тюрьмой пороховой погреб, хлебные амбары и житницы, а также стрелецкая караулка у ворот.

С севера и северо-востока к крепости примыкал небольшой посад с Покровской церковью и торговыми лавками, обнесенный надо полагать, острогом или надолбами. Подобную двухчастную систему обороны имело большинство русских городов, построенных в покоренной Казанской земле: Свяжск, Козьмодемьянск Цивильск, Лаишев, Царевококшайск, Малмыж⁴³ и другие.

Во второй половине XVI–XVII вв. Арск считался пригородом Казани, т. е. подчинялся ей в военном и административном отношении, не имел своих воевод и управлялся либо присылаемыми из Казани, либо местными приказными людьми. По числу дворов его можно отнести к малым городам. Например, согласно переписной книге 1646 г., в Арске насчитывалось следующее количество дворов и населения: «Дворы посадских людей: 22 двора в них — 22 чел., детей их 40, внучат — 4, братья — 7, племянники 4, сосед 1, у соседа — сын; да бездворных посадских людей — 2 человека, детей у них — 4, всего 85 человек.

Дворы бобыльские: 11 дворов, в них — 11 чел., бобылей, детей их — 12, братья — 1, племянник — 1, соседей — 2, у одного соседа — сын; всех людей 28 человек; да два двора иноземцев в них — 2 чел. У одного иноземца — сын.

Дворы служилых казаков: 21 двор, в них — 21 чел., детей их — 49, пасынок 1, внучат — 12, братья — 7, племянников — 4 сосед — 1, у соседа — сын; да двор толмачов, в нем — толмач, детей у него — 4; всего 22 двора, людей в них 101 человек. Дворы

⁴³ Извлечение из писцовой и межевой книги г. Свяжска и Свяжского уезда окольного Н. В. Борисова и Д. А. Кикина с товарищами 1565/66–1567/68 г. // Города России XVI века: Материалы писцовых описаний; *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. Рис. 13 (Козьмодемьянск); Градостроительство Московского государства XVI–XVII вв. М., 1994. С. 28 (Цивильск); *Борисов В. А.* Писцовая книга Лаишева 7076 (1568) года Казань, 1900; *Борисов В. А.* Город Лаишев в XVI–XVII вв. Казань, 1898 С. 1–4; Исторический очерк г. Малмыжа. К истории г. Малмыжа. Хронологические сведения о церквях г. Малмыжа. Книга Малмыжского рода // Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1915. Вып. II–III.

стрелецкие: 39 дворов, в них — 39 чел., детей — 50, пасынков — 2, внучат — 2, братья — 16, племянников — 3, соседей — 4, соседских детей — 4; всего 39 дворов, людей в них — 120 человек»⁴⁴.

Арская крепость сохраняла военное значение до середины XVIII в. Оставшись без ремонта, она стала постепенно разваливаться. Проезжавший здесь в 1771 г. капитан Николай Петрович Рычков в своих записках отметил: «чтож касается до нынешняго состояния сего местечка, то в нем ничего более не видно, как только обветшалый замок, внутри коего построены 2 деревянные церкви и 100 обывательских домов»⁴⁵. Ветхие крепостные стены и башни являлись единственной архитектурной достопримечательностью города и его своеобразными символом, в каком-то качестве попали на городской герб, утвержденный 18 октября 1781 г.: «В верхней части щита герб Казанский. В нижней срубленная из дубового лесу с тремя башнями в серебряном поле крепостца, каковая в сем городе в самом деле и поныне имеется»⁴⁶. Они также зафиксированы в Топографическом описании Казанского наместничества 1785 г.: «И имелась на окопе земляном крепосца, из дерева срубленная, коей и поныне есть еще вид, но в сущих уже развалинах»⁴⁷. Ее укрепления еще видел проезжавший через Арск в ноябре 1790 г. А. Н. Радищев, оставивший следующую запись о городе: «Стоит на Казанке, на высокой горе. Есть еще старинные деревянные башни, одна церковь деревянная»⁴⁸. Наличие крепости зафиксировано и в «Географическом

⁴⁴ Борисов В. Некоторые данные для истории городов Казанского края в XVII веке. Казань, 1900. С. 6; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 6445. Переписная книга Казани и пригородов Алаты, Арска, Лаишева, Малмыжа, Осы, Тетюшей писцов Приказа Казанского Дворца Тимофея Федоровича Бутурлина и подьячего Алексея Грибоедова. 1646 г. (Арск. С. 311–322); Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 6441. Переписная книга Казани, Алаты, Арска, Белого Яра, Билярска, Лаишева, Малмыжа, Тетюшей писца Приказа Казанского Дворца Семена Вольнского. 7 ноября 1651 г. Арск. С. 100–106; Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 2. Переписная книга Арска и Малмыжа писца Приказа Казанского Дворца стольника Матвея Семеновича Супонеева (подана в приказ стольником и воеводой Михаилом Плещеевым 4 февраля 1680 г.). Арск. С. 237–249 об.

⁴⁵ Штмлевский С. М. Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877. С. 479. Как известно, в крепости имелась только одна церковь — Божьявлянская, вторая — Покровская стояла на посаде. Общее число домов — около сотни — относится не только к кремлю, но и к городу.

⁴⁶ Винклер П. П., фон. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи, внесенные в Полное Собрание Законов с 1649 по 1900 год. СПб., 1900. С. 5.

⁴⁷ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18743. Топографическое описание по Казанскому наместничеству вообще и каждого города и уезда. 1785 г.

⁴⁸ Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. Т. 3. М.; Л., 1952. С. 253.

Ил. 2. Герб г. Арска. 1781

словаре» А. Щекатова (1801 г.): «В нем (Арске. — В. Н.) две деревянные церкви и около ста обывательских домов. Жители его пахотные солдаты и купцы, питающиеся земледелием. Герб одного под губерским: срубленная из дубового лесу с тремя башнями в серебряном поле крепостца, какая в оном в самом деле и поныне имеется»⁴⁹. Впрочем, последняя запись уже не соответствовала действительности: судя по плану Арска конца XVIII в., от крепостных сооружений к этому времени осталась лишь одна ветхая деревянная башня. Она была на угольной и венчала самую южную оконечность мыса, где некогда стоял кремль. Ее западная и южная стены

были обращены в сторону долины р. Казанки и оврага, а восточная и северная выходили внутрь укрепления. Кроме башни, на плане внутри крепости показаны деревянный Богоявленский собор, казенное строение — вероятно, двор городничего и разного рода склады.

Вне крепости располагался небольшой посад с торговыми лавками и стоявшей прямо перед напольной стеной крепости Покровской церковью⁵⁰.

Последнюю, еще оставшуюся деревянную башню арской крепости вскоре постигла бы судьба остальных, но в 20-е гг. XIX в. на нее обратил внимание казанский гражданский губернатор П. А. Нилов, принявший меры к сохранению этого памятника старины. Он распорядился сделать около нее подпорки и накрыть пирамидальной крышей, увенчанной жестяным шаром⁵¹.

Материалы, посвященные этому единственному памятнику города Арска, начинают появляться на страницах разного рода изданий и прессы. Первой такой публикацией стала статья Второва «Памятники древности Казанской губернии», опубликованная в «Журнале министерства внутренних дел» (1840. Т. 40), где приводились и ее размеры⁵². Следующей по времени публикацией являлась статья Артемьева «Арск» в Казанских губер-

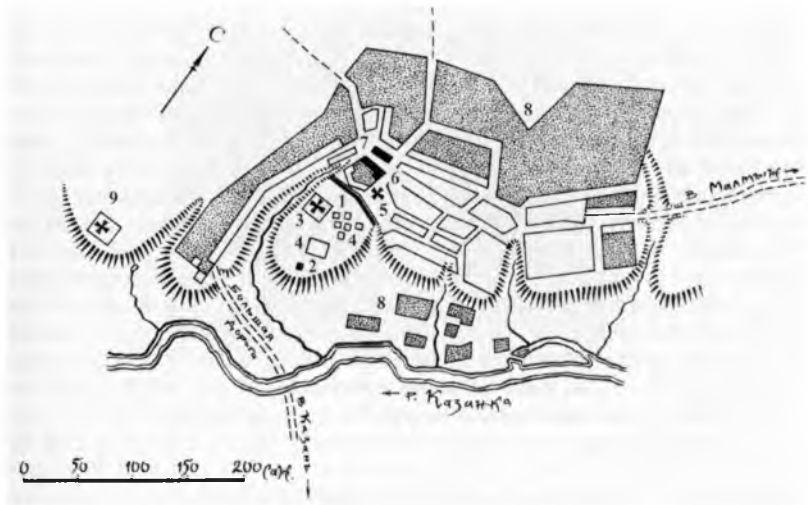
⁴⁹ Щекатов А. Географический словарь Российского государства, сочиненный в настоящем оною виде. Ч. 1. Л. М., 1801. Стб. 208.

⁵⁰ РГВИА. Ф. ВУА. № 21529. Ч. 1. Л. 52.

⁵¹ Борисов В. Л. Древняя башня в городе Арске... С. 8.

⁵² Шпилевский С. М. Древние города и другие булгарско-татарские памятники... С. 480.

АРСКАЯ КРЕПОСТЬ

Ил. 3. План г. Арска. Конец XVIII в. РГВИА.

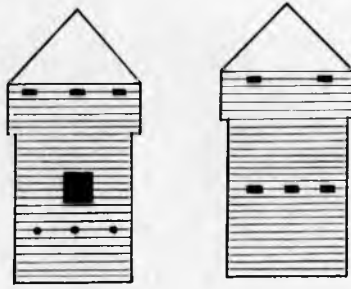
Прорись автора

1. Земляной вал с вырытым рвом, коего остался один вид	5. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы, приходская
2. Старая ветхая башня, оставшаяся от прежде бывшей крепости	6. Питейный дом
3. Соборная церковь во имя Богоявления Господня	7. Лавки
4. Казенные строения	8. Сады и огороды
	9. Кладбище

ских ведомостях (1847. № 10). Он в основном повторяет материал Второва, хотя его указание параметров башни отличается от обмеров последнего⁵³.

В середине XIX в. остатки Арской крепости обследовал священник Пётр Малов из села Чурилина Казанского уезда, увлекавшийся древностями. Его сообщение «Городище Старая Казань и город Арск» было опубликовано в 1853 г. в «Записках Императорского археологического общества». Несмотря на отсутствие специального образования, священник составил весьма профессиональное описание памятника. Особую ценность ему придает то, что на месте еще были видны следы фундаментов сгнивших стен и башен, и батюшка не поленился их обмерить, что позволяет реконструировать общий план крепости. К его сообщению были приложены два схематических рисунка фасадов уцелевшей

⁵³ Там же. С. 483.

Ил. 4. Башня Арской крепости.

Рис. из статьи П. Малова. 1853. Прорись автора

башни, но, к сожалению, они не совпадают по количеству венцов с описанием. Ввиду того, что данное издание уже давно представляет собой библиографическую редкость, а опубликованные в нем свидетельства пытливого исследователя и очевидца сохраняют свою ценность и по сей день, приведем статью П. Малова полностью.

«Прежде штатный, а ныне заштатный город Арск находится от Казани в 62 верстах. Он построен на самом берегу, на крутизне горной стороны реки Казанки; отчего в ясный день по Сибирскому тракту из Казани его можно видеть верст за пятнадцать. На юго-восток от него, за Казанкою, пролегает Мамадышевская большая дорога, с юга он омывается рекою Казанкою, на северо-запад от него лежат Арские поля; чрез самый же Арск пролегает большая Сибирская дорога. Жители его все русские. Строение в нем деревянное, и новое. Татарский Арск имел своих князей, подвластных ханам казанским, которым в случае опасности служил иногда убежищем. Под русское владычество Арск окончательно взят у татар по повелению царя Иоанна Васильевича Грозного 1552 года сентября 7 дня.

Если подъезжать к Арску по Сибирскому тракту от Казани, то после Божьего храма (Богоявленского собора.— В. Н.), прежде всего, каждому бросится в глаза ветхая четырехугольная башня на горе. Это остаток древней Арской крепости. Гора, на которой стояла крепость с юга, отвесная, сажен в 12 вышиною, и составляет горный берег реки Казанки. С в[остока] и с з[апада] Арская крепость ограждена природными оврагами, лежащими от с[евера] к ю[гу] или к Казанке; один из них — восточный, короток и будет при окончании сажен в 8 глубину; второй, за-

падный, немного длиннее и гораздо глубже восточного. От вершины первого оврага до вершины другого дугою сделан искусственный ров. Казаночная сторона Арской крепости длиною 71 сажень, а вдоль по западному оврагу 100 сажень, самый же ров имеет длиннику 62 сажени. С восточной стороны (при овраге) ров сравнялся ныне с природною, тут находящеюся ложбиною, к с[еверо]-з[ападу] же он начинает углубляться, так что при вершине западного оврага и поныне будет еще с печатную сажень глубиною: одна сторона его — к крепости обрывистая, а другая отлогая, в поперечнике ров будет с печатную сажень. С восточной стороны горы Арской крепости между оврагом и самою горою находится уступ, который к подошве постепенно понижается; по уступу проложена ныне к Казанке довольно опасная дорога. Поверхность горы Арской крепости ровная (к югу несколько покатая), только против алтаря Божьего храма (который стоит на середине самой горы) находится небольшая ложбинка, оставшаяся, как говорят, от какого-то подвала (вероятно, это остатки порохового погреба. — *В. Н.*), существовавшего в то время, когда Арск был городом штатным. На поверхности горы заметны бороздки крепостных стен, бороздки (колодцы) поперечные, оставшиеся от клеток, скреплявших стороны стен. Колодцы сии один от другого отстояли сажени на четыре. Стена в поперечнике, как заметно на уцелевшей башне, была с небольшим в сажень, высота же лицевой стороны ее полторы сажени, а высота внутренней стены немного больше полусажени. Было ли что промежду сторон крепостной стены, старожилы не помнят, но знают, что стена была из соснового прочного леса, сверху в одинаковую высоту с внутреннею стеною, в прямушку (горизонтально) покрытая досками. Арская крепость в стенах своих имела семь башен: следы их на земле видны и по сие время ⁵⁴. Начнем с башни так называемых Царских ворот. Она стояла на 19–20 сажнях рва от восточного оврага и была подъездною башнею; ворота ее были створчатые, полукруглые, по обеим сторонам которых были четырехугольные, срубленные в лапу без пола башни, верхи их были сведены под одно полукружие с воротами. Вторая башня стояла на 23 сажени рва (от в[осточного] оврага), а третья там, где ров соединяется с западным оврагом; четвертая на 36–37 сажнях (от рва) западного оврага; пятая, уцелевшая от времени башня стоит на 95 сажени западного же оврага, или на углу между оврагом и южною стороною горы. Сия башня в высоту имеет 37 венцов (на одном рисунке — 27 венцов, на другом — 28. — *В. Н.*); бревны же, ее составляющие (соснового лесу) в отрубе будут 4-х и 5-ти вершков, крыша ее шатровая и не так давно

⁵⁴ В описи 1703 г. в Арской крепости указаны пять башен, но, вероятно, все-таки прав П. Малов — некоторые башни к тому времени могли сгнить и развалиться, либо были разобраны по ветхости.

сделана наподобие прежней по приказанию бывшего казанского военного губернатора (неточность — казанского гражданского губернатора П. А. Нилова. — *В. Н.*). Пола и потолка в этой башне нет; но заметно, что пол был на одиннадцатом венце снизу, а на 16 венце (на рисунке на 11,5 венце. — *В. Н.*) южной и западной сторон ее находятся по три небольших четверугольных отверстия, как уверяют, для стрельбы из пушек; с восточной же и северной сторон, на 15-м (на рисунке — на 10,5 венце. — *В. Н.*) сделаны аршина на полтора (в длину и в поперечнике) четырехугольные отверстия для хода со стен в башню. Каждая же сторона башни в поперечнике — две с небольшим сажени. Шестая башня стояла на стороне к Казанке на 37-й сажени (от уцелевшей башни), вблизи ее был потайный подземный ход к имевшемуся внизу горы ключу, отчего эта башня именовалась тайничною. Седьмая башня стояла на 71 сажени южной стороны горы.

Иоанном ли Васильевичем IV построена была Арская крепость, или осталась она от татарского владычества, об этом у окрестных жителей нет предания; есть только предание, что в этой крепости русские защищались от татар, несколько раз нападавших на них.

В Арской городской ратуше имеется еще чугунная, аршина в два, пушка, из которой, по преданию, производили стрельбу арские жители для отражения татар, и которая, как говорят, осталась от нашего войска, взявшего город Арск; других же достопамятностей в Арске ныне не имеется»⁵⁵.

В 1873 г. И. А. Износков по предложению Отдела антропологии Казанского университета прочитал доклад об Арской башне. Доклад начинался выпиской из сочинения Лаптева «Материалы для географии и статистики Казанской губернии». В значительной степени этот доклад являлся компиляцией статьи Второва. В заключение И. А. Износков писал, что башня в настоящее время очень ветха, и держится только благодаря подпоркам: «Башня стоит недалеко от обрыва горы, с которого, по всей вероятности, в скором времени она скатится»⁵⁶.

Современники, еще заставшие башню в «первобытном» состоянии, описывали ее следующим образом: «Арская башня почти квадратная: один диаметр ее в 7½ арш., другой в 7¼ (продольный и поперечный размеры. — *В. Н.*); высота всей башни, считая до кровли, около 3 сажень; башня разделяется как бы на два этажа, потому что верхняя часть ее (около 2 аршин) гораздо шире нижней и выступает над нею в виде карниза в поларшина шириною (имеется в виду выносной боевой балкон в верхней части баш-

⁵⁵ Малов П. Городище Старая Казнь и город Арск // Записки Императорского археологического общества. Т. 5. Вып. 2. СПб., 1853. Прил. С. 116–123.

⁵⁶ Шпилевский С. М. Древние города и другие булгарско-татарские памятники... С. 482.

ни — облам. — В. Н.), на двух внутренних сторонах башни — северной и восточной — находится почти на сажень от земли по одному квадратному отверстию $1\frac{1}{2}$ арш. в диаметре, а на остальных стенах, обращенных к р. Казанке, прорублено по три маленьких продолговатых окошечка; по два таких же окошечка устроено с каждой стороны в верхней части башни»⁵⁷. К этому описанию В. А. Борисов добавил то, что не заметили прежние описатели башни, что ниже продолговатых помещался еще ряд круглых бойниц, таким образом, башня имела три ряда амбразур⁵⁸. Кроме того, он предположил, что сохранившаяся башня относится к первоначальному арскому острогу, построенному во второй половине XVI в. русскими воеводами по указу Ивана Грозного⁵⁹, но эта его версия достаточно сомнительна: несомненно, что за время своего существования крепость в Арске неоднократно перестраивалась, а башни могли перекаладывать заново.

В башне долгое время хранилось старинное оружие — пицаль, позднее, в 1847 г., перенесенная в арскую ратушу, и клинок меча, найденный около 1831 г. рядом с башней. В 1833 г. пицаль осмотрел Артемьев, оставивший следующее описание этого старинного орудия: «В башне сей, может быть, для воспоминания о достоинстве старинной артиллерии, находится пицаль. Сие огнестрельное чугунное оружие длиною около двух аршин, в диаметре же вершка в полтора, заряжалось небольшою пулею, для вкладывания коей при каждом разе надлежало пицаль вынимать из своего места»⁶⁰. Судя по описанию, это была так называемая затинная пицаль — тяжелое крепостное ружье. Вероятно, все эти памятники старины погибли во время пожара в Арской ратуше, случившемся в 60-е гг. XIX в.

Ремонтные работы гражданского губернатора П. А. Нилова почти на полвека продлили существование башни, но в мае 1873 г. крыша вместе с верхними башенными венцами рухнула под гору. Сама башня не обвалилась только благодаря подпоркам⁶¹. В начале 70-х г. XIX в. арское земство собиралось сломать башню, но по счастью этот проект не был осуществлен⁶². В январе 1900 г. уже превратившуюся в руину башню обследовал В. А. Борисов. 20 января того же года на заседании Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете он прочитал доклад, посвященный истории Арской башни, а также

⁵⁷ Борисов В. А. Древняя башня в городе Арске... С. 6–7.

⁵⁸ Там же. С. 7.

⁵⁹ Там же. С. 6.

⁶⁰ Там же. С. 7. Вероятно, это та самая пицаль, которая упомянута в описи 1703 г.: «Пицал[ь] затинная длиною 2 аршин, весом в полтора пуда». (см.: РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Ед. хр. 53. Л. 23.)

⁶¹ Там же. С. 8.

⁶² Там же. С. 8.

сделал предложения по ее реставрации, заключающиеся в следующем: «Восстанавливать башню в том виде, какой она имела в 40-х и 50-х годах нашего столетия, — для чего, однако, имеется возможность — нет, по моему мнению, смысла, так как в результате такой реставрации получится в большей своей части сооружение XIX века, сделанное лишь в стиле и по образцу такого же сооружения XVI столетия, к каковому времени я стремился в настоящем докладе Обществу приурочить устройство Арской башни. Но мне кажется более целесообразным восстановить в надлежащем виде сохранившиеся нижнюю и средние части башни, что дает сруб около 2 сажен высоты с ясно видимыми двумя рядами бойниц по его сторонами и частью двери, при помощи которой защитники стрельни имели сообщение с остальной частью острога. Сверху башню надлежало бы покрыть навесом, что, без сомнения, сильно сохранило бы ее на будущее время от неблагоприятного действия атмосферы»⁶³.

Таким образом, В. Л. Борисов отказался от сомнительного новела верхней части башни, по которой практически не было никаких данных, и предложил ограничиться реставрацией сохранившейся части башни — т. е. тем комплексом работ, который сейчас назвали бы консервацией.

28 сентября 1900 г. Общество археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете приняло решение о реставрации башни по проекту, предложенному В. Л. Борисовым⁶⁴. При подготовке ремонта башни большую помощь оказал арский городской староста Н. П. Щёлкин, который проявил интерес к предстоящей реставрации и заранее озаботился о заготовке необходимых строительных материалов и найме рабочих⁶⁵.

Перед реставрацией башня представляла фактически груду бревен, над которой возвышалась часть западной стены. Прежде всего, остатки башни и образовавшийся в ней бревенчатый завал были разобраны, причем выяснилось несовпадение количества уцелевших бревен, приходившихся на каждую стену башни: «все-го более сохранилось бревен от западной стены, всего менее — от восточной. Чтобы устранить это несоответствие, с которым необходимо было считаться при сборке стен башни, пришлось недостачу бревен у восточной стены восполнить за счет избытка их на западной. Указанному средству, без которого обойтись не было никакой возможности, благоприятствовали одинаковые

⁶³ Борисов В. Л. Древняя башня в городе Арске... С. 9.

⁶⁴ Борисов В. Л. Отчет о реставрации древней деревянной башни в г. Арске Казанской губернии. Доложен в Общем собрании Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете 27 октября 1900 г. Казань, 1900. С. 1.

⁶⁵ Там же. С. 2–3.

Ил. 5. Вид деревянной башни в Арске до реставрации.
Фотография 1900 г.

Ил. 6. Вид деревянной башни в Арске после реставрации.
Фотография 1900 г.

размеры длины стен башни, почти квадратной»⁶⁶. После разборки башни был убран слой земли и мусора высотой почти в аршин, образовавшийся внутри башни, причем под башней обнаружили «массу костей животных — лошади, овцы, свиньи и рыб, золу и угли; некоторые кости носят на себе следы огня; тут же были найдены обломок железного ножа и часть серебряной татарской монеты»⁶⁷. Затем площадку выровняли, и на ней в качестве фундамента уложили один венец новых дубовых бревен 6 вершковой толщины. После этого началась сборка башни, причем бревна укладывались строго в том порядке, в каком они ранее лежали в ее стенах. Единственное допущение, которое было сделано, — часть верхних бревен с западной стены пошла на докладку восточной и других стен, чтобы выровнять общую высоту сруба⁶⁸.

Отреставрированная башня представляла из себя сруб «в 15½ рядов (не считая нового ряда), т. е. восточная и западная стены имеют теперь по 16 бревен, северная и южная по 15; длина стен — по 8¼ арш. каждая; высота стен 4¾ арш., опять без нового ряда. В восточной и северной стенах имеются входные отверстия, в первой размерами 1½ квадр. арш., во второй — 1½×1 арш. В западной стене — два ряда бойниц: первый (выше) из трех 4-угольных, из них средняя, большая, размерами 12×6 вершков; второй — из четырех круглых. В южной стене — три 4-угольные бойницы такой величины, как и в западной стене, причем в средней бойнице заметен желобок, устроенный, вероятно, в целях достижения большей меткости при стрельбе из пищали»⁶⁹.

И, наконец, сооружение было покрыто крышей, причем опиралась она не на верхние края сруба, а на столбы, вкопанные на некотором расстоянии снаружи от башни, таким образом, она представляла из себя навес, который должен был защитить памятник от непогоды. «Четырехскатная крыша, подобная той, какая была сделана по распоряжению казанского губернатора Нилова, покоится на четырех дубовых столбах, поставленных против углов башни в расстоянии 3 сажень друг от друга; высота столбов — 2 сажени, толщина 6 вершков; вершина крыши увенчана флаштоком с деревянным шаром наверху, как было при Нилове»⁷⁰.

На основании сделанного В. Л. Борисовым описания и фотофиксации видно, что Арская башня представляла из себя, в общем-то, типовое деревянное оборонительное сооружение, традиционное для русского крепостного зодчества. Отсутствие верхней завершающей части не позволяет говорить о ее возмож-

⁶⁶ Борисов В. Л. Отчет о реставрации древней деревянной башни в г. Арске... С. 1–2.

⁶⁷ Там же. С. 2.

⁶⁸ Там же. С. 2.

⁶⁹ Там же. С. 2.

⁷⁰ Там же. С. 2.

ных аналогах, но, судя по размерам сохранившегося объема, она более всего походила на уцелевшие до сих пор башни Бельского и Братского острогов в Сибири. Уникальной особенностью Арской башни является наличие четырехугольной бойницы с углублением в нижней части, что придавало ей некоторое сходство с замочной скважиной. Бойницы подобного типа не зафиксированы на сохранившихся деревянных башнях, но то, что они существовали и широко применялись как в деревянном, так и в каменном оборонительном зодчестве, не вызывает сомнения. Например, бойницы в виде замочной скважины (круглые с крестообразным желобком в верхней части) можно увидеть в башнях Успенского Александровского монастыря. Аналогичная бойница, но уже с желобком внизу, имеется на Боровицких воротах Московского Кремля.

К сожалению, о дальнейшей судьбе Арской башни больше ничего неизвестно, можно лишь предполагать, что она была разрушена в первые послереволюционные годы.

КРЕЩАТЫЕ ПРЯМОСКАТНЫЕ ПОКРЫТИЯ ДЕРЕВЯННЫХ ЦЕРКВЕЙ КАК ОДИН ИЗ ОТГОЛОСКОВ ТРАДИЦИЙ ДРЕВНЕГО НОВГОРОДА ¹

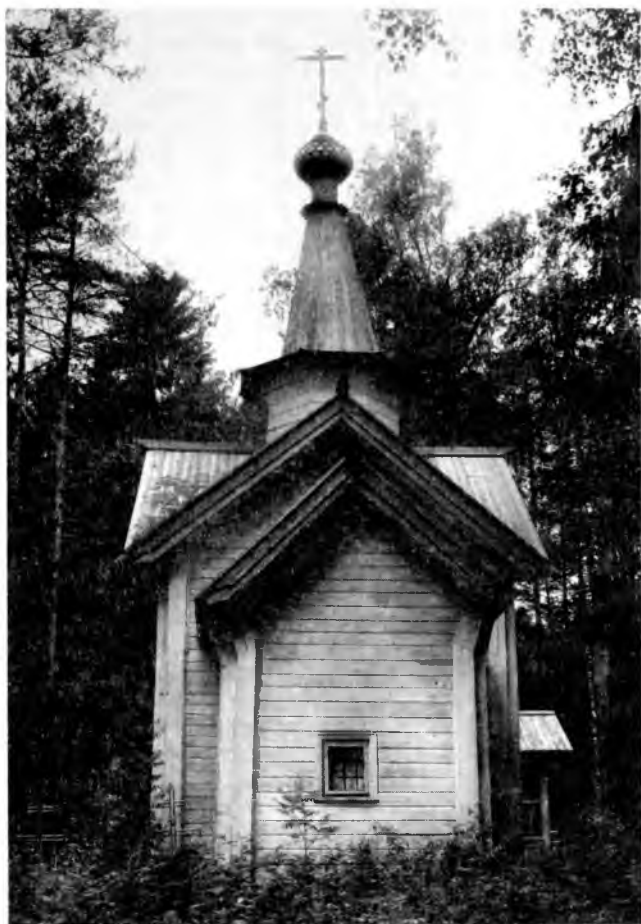
В архитектуре деревянных церквей нередко использовались крещатые покрытия, образованные двумя пересекающимися под прямым углом двухскатными крышами. В литературе их иногда называют восьмискатными, хотя этот термин не совсем точен. Поэтому мы позволим себе использовать термин «крещатые прямоскатные покрытия», который четко отражает их структуру и вместе с тем поясняет отличие от аналогичных, но отличающихся по очертаниям крещатых бочек.

Подобные формы ассоциируются с каменным зодчеством древнего Новгорода, где они составляли одну из его характерных особенностей. На этой связи заострял внимание еще М. В. Красовский, на основании чего полагал, что крещатые прямоскатные покрытия ведут свое происхождение из Новгородской области ². Столь очевидное сопоставление в дальнейшем оказалось обойденным специальным вниманием исследователей, так и не получив осмысления и развития.

Приступая к рассмотрению крещатых прямоскатных покрытий в деревянном зодчестве, отметим, что они использовались только на основных храмовых срубках. Поэтому круг рассматриваемых объектов относительно невелик. В простейшем и наиболее распространенном варианте подобным образом покрывался квадратный или близкий к квадратному в плане объем. Более сложную структуру представляют собой ярусные, состоящие из четвериков церкви, где каждый ярус имеет крещатое прямоскатное покрытие. Подобных построек известно совсем немного, в основном — по старинным изображениям. Двух- или трехкратное повторение одной и той же формы покрытия усиливает ее композиционную значимость в архитектурном решении храма. И, наконец, к самой малочисленной группе принадлежат постройки, где крещатые прямоскатные покрытия каким-то образом видоизменены, что свидетельствует о происходивших влияниях или угасании традиции.

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 08-04-00101а.

² Красовский М. В. Курс истории русской архитектуры. Ч. I. Деревянное зодчество. СПб., 1916. С. 197.

Ил. 1. Церковь свв. Флора и Лавра в селе Мегрега. 1613 г.
Фотография автора

Самой ранней известной четвериковой в основании постройкой с крещатым прямоскатным покрытием является церковь свв. Флора и Лавра в селе Мегрега 1613 г. Храм относительно невелик. Над четвериком возвышается небольшой восьмерик с крутым повалом, завершенный стройным шатриком с главкой. К основному срубу примыкают компактные в плане прямоугольный алтарь и трапезная. Рассматривая церковь в Мегреге, В.Г. Брюсова справедливо отмечает, что по архитектуре она подобна псковским

и новгородским каменным храмам³. Вместе с тем, завершение памятника заметно отличает его от каменных аналогов. Занимая место церковной главы, восьмерик с шатром представляет собой выраженную высотную композицию, которая, нельзя сказать, чтобы гармонично сочеталась с массивным четвериком.

Храмы, напоминающие церкви в Мегреге, можно разглядеть на «Сигизмундовом» плане Москвы 1610 г.⁴ Правда, они изображены очень схематично: четверик с пофронтонным покрытием, над которым поднимается небольшой цилиндрический объем со стройным шатриком. Изображений подобных построек немного, на другом аксонометрическом плане Москвы XVII в. (из альбома Мейерберга) построек с крещатым прямоскатным покрытием мы не увидим вовсе. Крещатые прямоскатные покрытия, насколько нам известно по каменным храмам, для Москвы не характерны, но, тем не менее, московским зодчим они были знакомы. Примером тому — приделы Троицкой церкви в Троице-Голенищеве середины XVII в.

Других построек, аналогичных церкви в Мегреге, не сохранилось, и о существовании их достоверно не известно. Сходные по общему пропорциональному строю деревянные церкви, так называемые «древяна клетски вверх шатром», изображены в альбоме Мейерберга, например, в Вышнем Волочке, Торжке, Шоше и другие⁵. Их также отличает сочетание массивного основания с облегченным утонченным верхом. По-видимому, данная компоновка объемов иллюстрирует изменения, происходившие в то время в развитии архитектуры. Тяжеловесное лаконичное основание свойственно небольшим компактным храмам, а стройное завершение свидетельствует о стремлении к развитию высотных объемов. Подобные решения, видимо, были переходным явлением, впоследствии не получившим широкого распространения. Результатом дальнейшего их развития стали высотные шатровые храмы, в которых величина восьмерика приближена или равна четвериковому основанию. Рассматриваемая церковь в Мегреге представляет один из вариантов формирования высотных композиций на основе четверика с крещатым прямоскатным покрытием.

Благовещенская церковь в селе Масельга Новоладожского уезда 1659 г. по формам основных срубов, их компоновке и покрытиям близка к церкви в Мегреге с той разницей, что завершается пятью главами⁶. Еще одна глава находится над коньком

³ Брюсова В. Г. По Олонецкой земле. М., 1972. С. 114–115.

⁴ Максимов П. Н., Воронин Н. Н. Деревянное зодчество XIII–XVI вв. // История русского искусства. Т. III. М., 1955. С. 251.

⁵ Мейерберг А. Виды и бытовые картины России XVII в. СПб., 1903. Рис. 36, 40, 45.

⁶ ИИАК. Вып. 52. Пг., 1914. С. 76.

Ил. 2. Благовещенская церковь в селе Масельга. 1659 г.
Фотография нач. XX в.

трапезной, где, видимо, располагался дополнительный престол. Основной четверик Благовещенской церкви заметно повышен, что роднит ее с рядом других деревянных храмов Посвирья. Высокими четвериками, сочетавшимися с различными формами покрытий, отличались церковь Кондушского погоста 1613 г.⁷, Покровская церковь Шеменского погоста 1677 г.⁸ и другие. Надо сказать, что церковь в Масельге, обладая повышенным четвериком и пятиглавым верхом, не более близка к каменным новгородским храмам, чем церковь в Мегреге. Общим с каменными постройками у них остается лишь схема построения основного объема: четверик с крещатым прямоскатным покрытием.

Такова же в основе и Троицкая церковь 1694 г. в селе Помялово, отличающаяся более развитой структурой соподчиненных объемов⁹. С севера к основному четверику церкви примыкает придел, с западной стороны — трапезная и в связи с ней — колокольня. Алтари обоих храмовых срубов пятистенные, что характерно уже для конца XVII в. Церковь в Помялово отличается симметричным со всех сторон повалом на основном четверике,

⁷ Там же. С. 14.

⁸ ИИАК. Вып. 57. Пг., 1915. С. 132.

⁹ Забелло С., Иванов П., Максимов П. Русское деревянное зодчество. М., 1942. С. 85. Ил. 185–187.

Ил. 3. Троицкая церковь в селе Помялово. 1696 г. Фотография нач. XX в.

скрытым под обшивкой, но ясно читающимся. Предыдущие рассмотренные церкви этой особенностью не обладали.

Повалы под крещатым прямоскатным покрытием создают некое подобие фронтонов по всем четырем стенам, что придает церкви своеобразные черты, отличающие ее от облика аналогичных каменных храмов. Надо сказать, что повалы, свойственные исключительно деревянным постройкам, в сочетании с крещатым покрытием выглядят необычно. Повалы, как правило, находятся под свесом кровли, здесь же над ними продолжается стена, хотя и ограниченная скатами.

Аналогичные решения мы находим — правда, очень редко — и на клетских постройках с двухскатным покрытием. Большинство клетских храмов имеют повалы на продольных стенах, и лишь два известных автору примера отличаются повалами на торцах. Это Троицкая часовня первой трети XVIII в., перевезенная из деревни Вальтево на Пинеге в музей деревянного зодчества «Малые Корелы», и Преображенская церковь 1732 г. из села Спас на Сози Тверской области, перевезенная в музей под открытым небом близ Торжка. Похожие элементы, называемые промежуточными повалами, в большом числе встречаются в архитектуре церквей западного и южного Прионежья, правда, в соединении

Ил. 4. Никольская церковь в селе Уйма. 1705 г. Фотография нач. XX в.

с несколько иными решениями основного храмового столпа (Никольская церковь на острове Лычном XVII–XVIII вв., Богородицкая церковь в селе Гирека 1695 г. и другие).

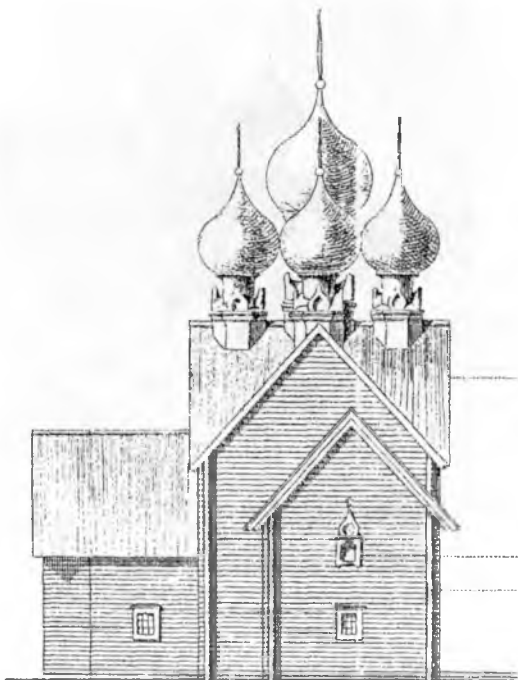
Крещатое прямоскатное с повалом покрытие также было на церкви Рождества Богородицы 1701 г. в деревне Рышево¹⁰. Основной отличительной особенностью памятника было поперечно-ярусное решение основного сруба, что также рассматривалось как один из отголосков древних новгородских традиций¹¹.

Никольская церковь в селе Уйма относится к 1705 г.¹² В ее основе — невысокий четверик без повала с крещатым прямоскатным покрытием, несущим одну главу. Так же как и у церкви в Рышево, алтарь здесь срублен пятигранным. Некогда храм с трех сторон был окружен галереей, висящей на консолях, что

¹⁰ *Красноречьев Л. Е., Тынтарева Л. Я.* Как мера и красота скажут. Памятники древнего деревянного зодчества Новгородской области. Л., 1971. С. 45–47.

¹¹ *Бодэ А. Б.* Деревянные церкви с каскадными покрытиями. Архитектурные решения, ареалы, аналогии // *Архитектурное наследие.* Вып. 52. М., 2010. С. 98–114.

¹² *Забелло С., Иванов П., Максимов П.* Указ. соч. С. 84. Ил. 182–184.

Ил. 5. Никольская церковь в Оскочихе. 1692 г.
По материалам Л. В. Даля

зафиксировано на чертежах В. В. Сулова¹³. На более поздних фотографиях, относящихся к началу XX в., видно, что галерея уже утрачена. По общему архитектурному решению уемская церковь из числа рассмотренных выше примеров более всего напоминает каменные новгородские храмы. Впечатление сходства усиливает и «круглый» алтарный прируб. Только по сравнению с каменными постройками формы Никольской церкви в силу особенностей строительного материала более легкие, пропорции более стройные.

Еще два интересующих нас объекта, известные по материалам Л. В. Даля, находились в Нижегородской области¹⁴. Один из них — Никольская церковь 1692 г. в Оскочихе (Семеновско-

¹³ Красовский М. В. Указ. соч. Ч. I. С. 200–201.

¹⁴ Даль Л. В. Древние деревянные церкви в России // Зодчий. 1875. Июнь. Л. 30.

Ил. 6. Воскресенская церковь в Неклюдове. XVII–XVIII вв.
По материалам Л. В. Даля

го уезда) была зафиксирована в полуразрушенном состоянии. К основному четверику примыкал трехчастный рубленый в лапу алтарь, северный и южный прирубы и трапезная, опоясанная галереей. Венчающее церковь пятиглавие нагружено деталями: в основании всех глав — небольшие восьмигранные постаменты, на каждом из них — по четыре миниатюрных кокошника, ориентированных по сторонам света.

Воскресенская церковь в Неклюдове (Балахнинского уезда) представляла собой четверик с равной ему по ширине трапезной, каркасными сенями и высокой шатровой колокольней. Крещатое прямоскатное покрытие основного сруба, судя по зашитым досками фронтонам, имело стропильную конструкцию. Среди всех рассмотренных нами построек это — единственный подобный пример. В основании пяти глав находятся небольшие декоративные кокошники. Время строительства Вознесенской церкви

остаётся неизвестным, однако решение оконных проемов на южной свободной от обшивки стене убедительно свидетельствует о том, что это постройка XVII или XVIII вв., но, во всяком случае, не XIX в. Окна маленькие, косячатые с заплечиками на верхней перемычке, расположенные в разных уровнях.

Среди простых четвериковых храмов с крещатыми прямоскатными покрытиями имеются два примера надвратных построек. Из них самая ранняя — часовня св. Михаила Архангела Богоявленского монастыря в городе Слободском на реке Вятке. Памятник датируется 1610–1614 гг.¹⁵ Он реставрирован по проекту Б. В. Гнедовского с воссозданием многих утраченных подлинных элементов, в том числе покрытия. Это массивный квадратный в плане сруб, первый ярус которого занимает проход, второй — собственно часовня, вход на которую осуществляется с галереи. Небольшие косячатые и прорубленные оконца придают сооружению монументальный крепостной характер.

Другая аналогичная постройка — церковь Входа Господня в Иерусалим, находившаяся в Николо-Карельском монастыре, известна по старинным изображениям. На схематичном чертеже XVIII в. она показана в ортогональной проекции, при которой ясно прочитывается покрытие с одной главой, прямоугольный алтарь и окружавшая основной сруб галерея¹⁶. Второе изображение этой церкви можно увидеть в «Атласе Архангельской губернии» 1797 г., причем здесь она показана дважды с разных ракурсов. Принципиальных различий архитектуры рассматриваемой постройки на всех изображениях нет. Первоначально эта церковь была срублена над восточными воротами в середине XVII в. В начале 1690-х гг. в связи с реконструкцией ограды она была перенесена на западную сторону¹⁷. Архитектурные формы завершений обоих рассмотренных надвратных храмов в общих чертах одинаковы.

Следующими объектами нашего внимания будут ярусные четвериковые церкви. По сравнению с простыми четвериковыми храмами это более развитый тип построек, имеющий значительную высоту и претендующий на значительную роль в организации окружающего пространства. По свидетельству иконописных изображений XVII в., подобный храм существовал в Нилово-

¹⁵ Гнедовский Б. В., Добровольская Э. Д. Дорогами земли Вятской. М., 1971. С. 71–74.

¹⁶ Крашенинникова Н. Чертеж Николо-Карельского монастыря Архангельской области // Архитектурное наследство. Вып. 2. М., 1955. С. 232–235.

¹⁷ Мильчик М. И. Ансамбль деревянного Николо-Карельского монастыря // Народное зодчество. Петрозаводск, 1999. С. 396–401.

Ил. 7. Надвратная часовня св. Михаила Архангела
Богоявленского монастыря в городе Слободском. 1610–1614 гг.
Фотография В. Шелемина

Столбенской пустыни на озере Селигер¹⁸. Церковь состояла из трех убывающих кверху четвериков, покрытых на восемь скатов. Завершался храм тремя главами. Решение алтаря остается неизвестным, устройство входной части также неясно и допускает разночтения.

Похожую постройку мы видим на старинных рисунках Борисоглебского монастыря в Сольвычегодске. Церковь св. Параскевы Пятницы изображена с основным храмовым столпом,

¹⁸ Максимов П. Н., Воронин Н. Н. Указ. соч. С. 280; Галашевич А. А. Художественные памятники Селигерского края. М., 1983. С. 88.

имеющим ярусную четвериковую структуру. Покрытия ярусов — крещатые прямоскатные. Основной сруб окружен с трех сторон обширной галереей или трапезной, отчего композиция здания не обладает ярко выраженным высотным характером. Пятницкая церковь датируется концом XVI — началом XVII в.¹⁹

По старинным изображениям известна еще одна подобная постройка — Вознесенская церковь в Торжке, запечатленная на рисунке Н. Витсена 1664 г.²⁰ В отличие от двух предыдущих объектов, изображенных в ортогональной проекции, Вознесенская церковь показана в ракурсе. Судя по рисунку, это был храм башнеобразного характера, очень похожий на церковь в Ниловой пустыни: такие же три четвериковых яруса с крещатыми прямоскатными покрытиями, три главы, правда, изображение допускает, что их могло быть и пять. Рисуя нижнюю часть здания, художник явно запутался в объемах, но, похоже, что церковь имела с западной стороны небольшой притвор с двухскатным покрытием и открытым крыльцом.

Единственным существующим образцом подобных построек остается церковь св. Иоанна Предтечи 1696 г. в деревне Ширково (Ширков погост) Тверской области. Три равномерно убывающих по величине четверика образуют ярусную структуру основного храмового столпа. Угол, образуемый скатами покрытий, близок к тому, что мы видим на изображениях церквей Ниловой пустыни, в Сольвычегодске, Торжке (около 60%). Соподчиненные объемы небольшие, по-видимому, такие же, как на предшествующих рассмотренных церквях, подчеркивающие высотный характер сооружения. Завершается храм одной массивной главой. В XIX в. архитектура церкви претерпела некоторые изменения: утрачена окружавшая ее с трех сторон галерея, стены получили обшивку, с запада была пристроена колокольня. В 1970-х гг. памятник был отреставрирован с возвращением первоначального облика: были удалены все позднейшие наслоения и пристройки, воссозданы галерея и крыльцо.

Интересная особенность церкви св. Иоанна Предтечи заключается в рубке ярусов, из которых нижний рублен с остатком в чашу, а два верхних — в лапу. А. В. Ополовников объяснял это стремлением зодчих усилить художественную выразительность здания за счет контраста между основанием и верхом²¹. Подобные различия в рубке встречаются на многих постройках

¹⁹ *Брайцева О.И.* Сольвычегодск конца XVII в. // Архитектурное наследство. Вып. 24. М., 1975. С. 76–82.

²⁰ *Шургин И.Н.* Исчезающее наследие. М., 2006. Рис. 8.3.

²¹ *Ополовников А.В.* Русское деревянное зодчество. Памятники шатрового типа. Памятники клетского типа и малые архитектурные формы. Памятники ярусного, кубоватого и многоглавого типа. М., 1986. С. 244–245.

Ил. 8. Церковь св. Иоанна Предтечи в деревне Ширково. 1694 г.
Фотография автора

с ярусным завершением и вряд ли объясняются только эстетическими причинами.

Более чистая и гладкая обработка стен в верхней части, включая не только рубку углов, но и отеску бревен, отвечает заложенному в структуре высотного храма движению от земли к небу и соответственно усилению по вертикали — сакральной значимости форм. Собственно, такие же изменения форм по мере возвышения присутствуют и в решении канонических каменных храмов, имеющих прямоугольное (угловатое) основание и завершающихся формами цилиндрическими (скругленными), несущими купола или один купол. Противопоставление квадрата и круга, символизирующих соответственно землю и небо, встречается в культовом зодчестве многих народов и согласуется с древнейшими представлениями об устройстве мира.

Такое же движение от «дольного» к «горнему», но направленное по горизонтали, мы видим на примерах обработки стен небольших клетских храмов. Так, Казанская церковь 1709 г. в селе Сурушино Тверской области, будучи характерным примером среднерусского храма, имеет трапезную, рубленую в чашу с отеской стен изнутри со скруглением в углах. Основной сруб церкви внутри отесан более гладко, с прямыми углами и, наконец, пятистенный (скругленный) алтарь выполнен с наибольшей тщательностью — стены рублены в лапу и отесаны как изнутри, так и снаружи.

Это явление наиболее ярко выражено в ярусных завершениях, где форма основного сруба изменяется от четверика к восьмерику. На церкви в Ширково разница в рубке ярусов представляет пример нюансного спрямления форм по мере возвышения. В церкви св. Иоанна Предтечи сейчас для нас самое важное то, что она подтверждает правдоподобность изображений церковей в Ниловой пустыни, Сольвычегодске, Торжке.

Наиболее поздняя подобная церковь, известная также по старинному рисунку, — Вознесенская 1717 г. в селе Сермакса Лодейнопольского уезда²². Судя по изображению, церковь была двухэтажной с двухсветным молитвенным помещением второго этажа, из чего следует, что основной четверик был достаточно высоким. Над его крещатым прямоскатным покрытием возвышается еще один ярус, покрытый таким же образом и несущий центральную главу, приподнятую на прямоугольный постамент. Второй ярус, по-видимому, был невелик, уместаясь между четырьмя боковыми главами, размещенными на коньках покрытия основного четверика. Конечно, пропорции здания при изображении могли быть искажены, но очевидно, что оно отличалось от ряда рассмотренных выше столпообразных храмов менее вы-

²² ИИАК. Вып. 57. Пг., 1915. С. 131.

Ил. 9. Вознесенская церковь в селе Сермакса. 1717 г.
Старинный рисунок

раженной высотностью. Наверное, Вознесенская церковь была похожа на церковь в Масельге, имевшую такой же высокий четверик, но неразвитую ярусную завершающую часть.

Можно предположительно выделить еще один тип храмов, где использовались крещатые прямоскатные покрытия. Структура их основного сруба, по сути, та же, что и церкви в Мегреге, но объемы более развиты в высоту, то есть восьмерик увеличен и завершен полноценным высоким шатром. Достоверно известных подобных построек в деревянном зодчестве нет, однако они иногда просматриваются на старинных изображениях, например, на панораме Торжка из альбома Мейерберга²³. Теоретически они должны были существовать, но, видимо, не имели широкого распространения и до наших дней не сохранились.

В каменном зодчестве постройки с основным объемом в виде восьмерика на четверике с крещатым восьмискатным покрытием также встречаются довольно редко. Среди них колокольня Антониево-Сийского монастыря 1638–1644 гг., уже упоминавшийся придел Троицкой церкви в Троице-Голенищеве (ныне на территории Москвы) середины XVII в. Имея башнеобразные основные объемы, они относятся к типам культовых сооружений, характерных для периода укрепления Русского централизованного государства. Иными словами, это памятники по общему пропорциональному строю «московские» (общерусские).

²³ Мейерберг А. Указ. соч. Рис. 40.

Ил. 10. Колокольня в Антониево-Сийском монастыре. 1638–1644 гг.
Фотография автора

Видимо поэтому использование в их решении форм, свойственных новгородскому зодчеству, было редкостью.

Остается еще три объекта, где формы покрытий лишь напоминают крещатые прямоскатные, но не являются таковыми в чистом виде. Первая из них — Богоявленская церковь 1733 г. в селе Палтога. Основной объем состоит из двух четвериков, покрытых крещатыми бочками, сочетающимися с пятью крупными главами. Бочки нижнего четверика узкие, удлиненные, по величине сильно уступающие полицам. Создается впечатление, что это прямоскатное покрытие, дополненное бочками на коньках. По общей структуре верха церковь в Палтоге близка к церкви в Сермаксе: верхний ярус, скрытый за боковыми главами, подчеркивает главенствующую роль массивного основания. Успенская церковь 1770 г. в Девятинах ²⁴ и Никольская 1791 г. в Оште ²⁵ в основании имеют также четверики с крещатыми покрытиями, изломанными

²⁴ Орфинский В. П., Гришина И. Е. Типология деревянного культового зодчества Русского Севера. Петрозаводск, 2004. С. 51.

²⁵ Забелло С., Иванов П., Максимов П. Указ. соч. С. 185. Ил. 406.

Ил. 11. Богоявленская церковь в селе Палтога. 1733 г.
Фотография автора. 2008

наподобие бочки, и одновременно напоминающими каскадные покрытия. Подобные решения с рассматриваемым типом покрытий роднит только четверик в основании, общая структура верха и прямизна скатов.

Итак, в первой группе объектов (простые четвериковые церкви) различия в архитектурном решении основного объема заключаются в устройстве повалов, в завершении одной или пятью главами и в наличии постаментов под главами. Храмы второй группы (ярусные четвериковые) различаются между собой по числу глав и наличию постамента. Эволюционно-генетическая связь данных типов церквей очевидна: последние являются развитием первых, причем достаточно несложным путем механического повторения одинаковых объемов по вертикали.

Большинство всех рассмотренных построек находится в северо-западных землях (территории нынешних Новгородской, Ленинградской областей и прилегающей части Тверской области). Расположение четвериковых церквей с крещатым прямоскатным покрытием близ Новгорода и в юго-восточном Приладожье следует торговому пути в Заволочье, где мы находим еще два объекта в устье Двины. Повалы на основном срубе имеют церкви, наиболее приближенные к Новгороду. Отмеченные две клетские церкви с повалами на торцевых стенах удалены от Новгорода (одна из них — на значительное расстояние), но находятся примерно в пределах бывших новгородских владений. Пятиглавым завершением обладают храмы, расположенные вокруг Новгорода. Последний признак применительно к рассматриваемым постройкам, вероятно, не является региональной особенностью (пятиглавие распространено повсеместно), но может объясняться просто большей нарядностью и сложностью архитектурных решений церквей центральной части Новгородской земли по сравнению с несколькими упрощенными подобными постройками на окраинах. Объекты, расположенные в Поволжье, отличаются сложной декоративной обработкой завершающей части по сравнению с достаточно лаконичными решениями северо-западных и северных аналогов.

Ярусные четвериковые церкви расположены главным образом к юго-востоку от Новгорода — по направлению, ведущему в среднерусские земли, не менее важному для Новгорода, чем путь в северные владения. Находящиеся здесь храмы отличаются наиболее ярко выраженным столпообразным характером. Вместе с единственным объектом в районе верхней Двины рассматриваемые ярусные церкви занимают на территории бывшей Новгородской земли положение, граничащее с владениями среднерусских княжеств.

В целом большинство известных построек с крещатыми прямоскатными покрытиями находится в границах бывших новгородских владений. Исключение составляет небольшое число объектов. В распространении различных архитектурных решений рассматриваемых церквей мы наблюдаем картину, когда про-

Ил. 12. Карта-схема распространения крещатых прямоскатных покрытий деревянных церквей

стые по архитектуре церкви преобладают в центре Новгородской земли, а более развитые (высотные) тяготеют к окраинам, но заметим, не к северным, а к обжитым и оживленным южным.

Постройки, в архитектуре которых мы увидели формы, напоминающие крещатые прямоскатные покрытия, находятся

в районе южного Прионежья. Здесь проходил один из древних путей, соединявший Онежское озеро и верховья Онеги, которым пользовались новгородцы до возвышения Москвы²⁶. В прошлом это была порубежная территория Новгородской земли и Белозерского княжества, с XIV в. фактически подчинявшегося Москве. Не исключено, что своеобразие местных архитектурных форм несет отголоски древних межрегиональных контактов. В.П. Орфинский связывает геометризацию бочек вплоть до «фронтонов с ломаными очертаниями» с этнической самоидентификацией проживавшего здесь средневепского населения²⁷.

Рассматривая крещатые прямоскатные покрытия, мы почти не наблюдаем трансформаций, происходивших по мере удаления от Новгорода, что хорошо прослеживалось на примере каскадных покрытий. Вообще, ареал распространения крещатых прямоскатных покрытий выглядит довольно «рыхлым». В нем нет плотных скоплений, образованных большим количеством объектов. Единичные постройки равноудалены от основной группы в разные стороны: на северо-восток, восток и юго-восток. Очевидное сосредоточение объектов вокруг Новгорода говорит о том, что эта традиция здесь была наиболее укорененной. Вместе с тем, рассредоточенность объектов наводит на мысль, что крещатые прямоскатные покрытия некогда были известны повсеместно.

Применение данных покрытий в строительстве деревянных храмов прослеживается на протяжении более столетия (конец XVI — начало XVIII в.). Хронологический ряд объектов достаточно равномерен: в отмеченный период возводятся как простые четвериковые храмы, так и ярусные. Две церкви, где зафиксированы повалы, относятся к концу XVII — началу XVIII в. Примеры устройства повалов на торцевых стенах клетских храмов относятся к первой трети XVIII в. На основании столь малого числа объектов сложно делать какие-либо выводы, но, во всяком случае, можно отметить, что повалы по всему периметру сруба в сочетании с крещатыми прямоскатными или двухскатными покрытиями — явление очень редкое. Можно было бы подумать, что это одна из незначительных по масштабу особенностей, бытовавших на территории нынешних Новгородской области и прилегающей к ней части Тверской. Но объект на Пинеге, входившей

²⁶ Забелло С., Иванов П., Максимов П. Указ. соч. С. 10.

²⁷ Орфинский В.П., Гришина И.Е. К вопросу об этнодифференцирующих признаках деревянного зодчества прионежских вепсов // Вепсы: История, культура и межэтнические контакты. Сб. науч. трудов. Петрозаводск, 1999. С. 91–92; Орфинский В.П. Храмостроительные школы в народном деревянном зодчестве Русского Севера // Локальные традиции в народной культуре русского Севера (Материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения — 2003»). Петрозаводск, 2003. С. 399.

в бывшие новгородские владения, позволяет предполагать, что этот архитектурный прием не просто редкий, а давно исчезнувший и дошедший до нас на единичных постройках.

Исчезновение крещатых прямоскатных покрытий из деревянного храмового строительства происходит в начале XVIII в. В архитектурных решениях объектов этого времени можно даже увидеть некоторые признаки угасания традиции. Например, решение церкви в Рышево представляет собой своеобразное соединение четверика с крещатым прямоскатным покрытием с приемом поперечно-ярусного членения основного сруба. Завершение церкви в Сермаксе, по сравнению с предшествовавшими ей ярусными четвериковыми храмами, заметно измельчено. По времени исчезновения крещатые прямоскатные покрытия примерно соответствуют каскадным, что подтверждает их принадлежность к единому комплексу традиций.

Учитывая аналогии с каменными новгородскими храмами, появление крещатых прямоскатных покрытий в деревянном зодчестве можно предполагать достаточно рано. Отчетливое изображение одноглавой церкви с крещатым прямоскатным покрытием имеется в рукописи «Сказание о Борисе и Глебе» Сильвестровского сборника XIV в. Это одна из деревянных вышгородских церквей, строившихся в связи с погребением и последующим культом свв. Бориса и Глеба²⁸. Есть предположение, что данные миниатюры, будучи воспроизведением более древних изображений, в какой-то мере отражают облик некогда существовавших вышгородских церквей. Однако, как справедливо отмечает Т. Сидорова, рукопись имеет новгородское происхождение, и ее миниатюры, несомненно, отражают особенности новгородского зодчества²⁹. По крайней мере, эти изображения вплотную подводят к мысли о существовании деревянных четвериковых храмов с крещатыми прямоскатными покрытиями одновременно с аналогичными решениями в каменном зодчестве.

Как выявлено, самый ранний каменный новгородский храм с крещатым прямоскатным покрытием — церковь св. Николы Белого 1312–1313 гг.³⁰ Г. М. Штендер предполагает, что в 1292–1355 гг. в Новгороде были построены еще две подобные церкви. В XV–XVI вв. прямоскатные покрытия в новгородском зодчестве имели достаточно широкое распространение. На ряде храмов, первоначально имевших трехлопастное завершение фасадов,

²⁸ Сидорова Т. Реалистические черты в архитектурных изображениях древнерусских миниатюр // Архитектурное наследство. Вып. 10. М., 1958. С. 75.

²⁹ Там же. С. 93–94.

³⁰ Штендер Г. М. Церковь Николы Белого в Новгороде // Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования. М., 1991. С. 96–97.

Ил. 13. Церковь Спаса на Ильине улице в Новгороде. 1374 г.
Фотография автора

данный тип покрытия появился в результате позднейших перестроек.

Известное предположение о том, что крещатые прямоскатные покрытия на новгородских каменных храмах появились под влиянием деревянного зодчества, высказывавшееся еще И. Е. Забелиным, представляется правдоподобным. Большой объем деревянного строительства должен был способствовать выработке и накоплению новых приемов, с одной стороны соответствующих привычному облику храма, с другой — отвечающих особенностям дерева как строительного материала. Рассмотренные нами деревянные четвериковые церкви с крещатыми прямоскатными покрытиями внешне наиболее близки к каменным одноглавым храмам с трехлопастным завершением фасадов (Рождества в Перыни конца XII — начала XIII в., Николы на Липне 1292 г., Успения на Волотовом поле 1352 г.). Основное отличие деревянных церквей — спрямление скатов.

Срубить покрытие по стенам с трехлопастными завершениями умелым плотникам не составит большого труда. Однако деревянные покрытия криволинейных поверхностей с большим количеством изломов, по сравнению с прямоскатными покрытиями, трудоемки в изготовлении, сложны в эксплуатации, так как более подвержены промоканию. Среди построек XVII в. есть пример воспроизведения в дереве форм позакомарного покрытия (Сретенская церковь в селе Заостровье Архангельской области). Показательно, что этот пример единственный известный и то, что за время его существования покрытие было переделано на простое четырехскатное. На некоторых деревянных церквях использовался прием покрытия системой поставленных одна на другую бочек наподобие ступенчатых закомар (Вознесенская церковь в Пияле 1654 г., Успенская в Варзуге 1674 г.). Однако и этих построек известно немного.

Спрявление скатов очень логично и рационально для дерева. На известном изображении шатровой церкви на полях «Псковского устава» XII в. криволинейные очертания купола упрощены до прямых³¹. Может быть, в реальности тогда и не было таких завершений, но для нас важно уже то, что художник допускал подобные трансформации. В упоминавшейся выше рукописи «Сказание о Борисе и Глебе» XIV в. деревянный «пятиверхий» храм, построенный Ярославом в 1020–1026 гг., изображен с закомарами, преобразованными в треугольники³². Немало деревянных церквей с фасадами, завершавшимися фронтонами наподобие закомар, мы видим на рисунках А. Олеария³³.

Крещатое прямоскатное покрытие в деревянном зодчестве повторяет структуру покрытия одного компаримента крестово-купольного храма. В таком случае четвериковые церкви с крещатым прямоскатным покрытием получались не подобием каменного храма, а как бы его отдельной частицей. Могло ли быть такое на начальных этапах развития деревянного культового зодчества, когда можно было бы ожидать более близкое повторение образца? Думается, что да, учитывая уже существовавшие тогда различия в решениях основного храмового помещения: в камне — кубический объем с позакомарным покрытием, а в дереве — клеть, покрытая на два ската.

Если по сравнению с монументальным образцом воспроизведения в дереве его небольшого фрагмента было сильным упрощением, то по отношению к простейшим клетским храмам это было

³¹ Воронин Н. Н. Зодчество Киевской Руси // История русского искусства. Т. II. С. 116.

³² Сидорова Т. Реалистические черты в архитектурных изображениях древнерусских миниатюр // Архитектурное наследство. Вып. 10. М., 1958. С. 74, 95.

³³ См., напр.: История русской архитектуры. М., 1959. С. 121.

заметным их усложнением. Двухскатное покрытие четырехугольного сруба удваивается и перекрещивается, в результате чего достигается большая представительность постройки и приближение к образу каменного храма с его одинаковыми фасадами.

К сожалению, сейчас уже многое невозможно достоверно определить, в том числе уточнить, появились ли крещатые прямоскатные покрытия на каменных новгородских храмах под влиянием деревянного зодчества или только в связи с изменением материала кровли, как это было и в Пскове в XV–XVI вв.³⁴ Хотя наличие ранних и редких примеров устройства крещатых прямоскатных покрытий в камне (XIV–XV вв.) склоняет к мысли, что это вполне могли быть повторения форм деревянных храмов. Мы не знаем достоверных случаев, когда формы деревянных церквей переносились в каменное зодчество и получали широкое распространение. Так, из камня строились клетские храмы с двухскатным покрытием (в Боголюбово, Юрьеве-Польском, Гороховце), в камне воспроизводились бочки (в селе Тайнинском под Москвой, в Нижнем Новгороде). Но все эти примеры редкие, так же как и ранние новгородские храмы с крещатыми прямоскатными покрытиями.

Таким образом, появление крещатых прямоскатных покрытий в деревянном зодчестве древнего Новгорода предположительно можно связывать с началом массового строительства небольших деревянных церквей на посадах, погостах, в селах, то есть с тем временем, когда преобразование форм каменного храма применительно к деревянному исполнению оказалось наиболее востребовано.

Характер распространения крещатых прямоскатных покрытий деревянных храмов и аналогии с решениями каменных церквей свидетельствует, что этот прием составлял одну из традиций древнего Новгорода. Вместе с тем, крещатые прямоскатные покрытия оказываются известными на бывших территориях разных древнерусских княжеств. Столь широкое распространение не могло произойти в XVI–XVII вв., когда древние новгородские традиции находились в стадии исчезновения. Следовательно, это произошло значительно раньше. По-видимому, прием устройства крещатых прямоскатных покрытий выработался в период раздробленности Руси или даже в домонгольское время, и кроме Новгорода был распространен и в других русских землях, но в итоге наибольшую устойчивость получил в зодчестве Новгородской земли.

³⁴ *Спегальский Ю. П.* О взаимовлиянии деревянного и каменного зодчества в Древней Руси // *Архитектурное наследство.* Вып. 19. М., 1972. С. 66–75; *Спегальский Ю. П.* Каменное зодчество Пскова. Л., 1976. С. 91–92.

ЧЕРНАВСК – МАЛАЯ РЕГУЛЯРНАЯ КРЕПОСТЬ
НА ЮЖНОМ СТЕПНОМ ПОГРАНИЧЬЕ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

История строительства и архитектура

Квадратные и прямоугольные в плане крепости начали строить в Русском государстве начиная с конца XV в., во многом благодаря усилиям итальянских зодчих, которые положили этому зачин. Первым сооружением подобного рода, как известно, стала квадратная в плане каменная Ивангородская крепость (1492), затем следуют прямоугольные в плане кирпичные Тульский (1514–1520) и Зарайский (1528–1531) кремли, деревянные крепости Кашира (1531), Суша (1567), Туровля (ок. 1571), Старый Оскол (1596), Царев-Борисов (1599) и другие. Начиная с 30-х гг. XVII в. начинается массовое строительство крепостей на Белгородской (1635–1655), а затем на Изюмской (1679–1681), Закамской (1652–1657) и других засечных чертах, где прямоугольные, близкие к прямоугольным и квадратные крепости были преобладающим типом оборонительных сооружений¹.

Одним из первых подобных укреплений, поставленных после Смуты, является маленькая крепостица Чернавск², возведенная в 1632 г. на реке Сосне, на полпути между Ливнами и Ельцом. Городок Чернавск никогда не являлся объектом исследования, и о нем почти нет никаких упоминаний в литературе, даже

¹ Квадратные, прямоугольные и трапецевидные в плане крепости на Белгородской черте: Олешня (1647–1648), Вольный (1640), Болховец (1646), Белгород (1650), Нежегольск (1654), Яблонов (1637), Новый Царев Алексеев (Новый Оскол, 1647), Верхососенск (1647), Ольшанск (1644), Острогжск (1652), Коротояк (1647), Урыв (1648), Костенск (1642), Орлов (1646), Усмань (1645), Демшинск (1683), Белоколодск (1662), Сокольск (1647), Козлов (1635), Бельский городок (1636), Челновой городок (1636). На Битюгской черте – Битюг (1697). Отдельные крепости и города на засечных чертах к востоку от Белгородской черты: Тамбов (1636), Керенск (между 1635–1639), Верхний Ломов (1636), Нижний Ломов (1636), Краснослободск (1620-е гг.?), Инсар (1647–1648), Троицкий острог (вт. пол. XVI в.?), Саранск (1641), Шешкеев (нач. 40-х гг. XVII в.), Инзерский острог (нач. 40-х гг. XVII в.), Атемар (ок. 1637–1638), Корсун (1647), Урень (1648), Симбирск (1648), Кашир (1683), Пенза (1663), Мокшан (1679), Рамзаевский острог (1677–1678), Петровск (1698–1699) и другие.

² В настоящее время с. Чернава Измалковского района Липецкой области.

краеведческой³. Данная статья посвящена архитектуре и истории Чернавской крепости, что позволяет ввести в научный оборот забытый памятник отечественного оборонительного зодчества XVII в.

Первое упоминание речки Чернавы в связи с военными действиями в «Диком поле» относятся к 1512 г.: «Того же лета (1512. — В. Н.) Махмат, царевич крымской, пошел был на Рязань и послышел, что воеводы стоят великого [князя] на Осетре, и возвратися. А воеводы ходили за ними великого князя до Сернавы»⁴.

В 1571 г. под руководством боярина князя Михаила Ивановича Воротынского был разработан «Устав сторожевой и станичной службы». Согласно ему, южные границы Русского государства опоясала цепь сторож-конных постов, пересекавших основные пути набегов крымских татар на степные уезды «Московии». Одна из сторож была учреждена на устье речки Чернавы. В росписи сторож 1571 г. о ней сказано следующее: «2-я сторожа усть Сернавы; а сторожем из тех же городов (из Донкова, Елифани, Дедилова, Новосила и Мценска. — В. Н.), по два человека из города, а беречи им направо до усть Кунача пятнадцать верст, а на лево до Радушкина лесу восемь верст. А та Сернавская сторожа от усть Ливенския сторожи... (расстояние не указано. — В. Н.)»⁵.

В росписи сторож 1577 г. сторожа на устье Чернавы значится как подведомственная воеводе города Донкова, основанного в 1568 г. Стоять на стороже здесь должно было такое же число людей и из тех же городов, что и прежде⁶.

После основания в 1586 г. города Ливны Чернавская сторожа оказалась в зоне ответственности ливенских воевод. В росписи ливенских сторож 1586 г. указано: «13-я сторожа на Сосне усть Чернав, а быти на ней сторожем 4 человеком с Ливен, да из Донкова, да с Дедилова, да с Кропивны, да из Новосила по два человека из города, а переезжать им вниз по Сосне до Радушкина лесу»⁷.

В 1592 г. на реке Сосне основали город Елец, соответственно, к нему перешла и Чернавская сторожа: «3-я сторожа с Ельца

³ Единственной краткой публикацией является очерк о церквях с Чернавск в книге: Историческое описание церквей, приходов и монастырей Орловской епархии. Т. I. Болховский — Кромской уезды. Орел, 1905. С. 293–296.

Небольшой очерк истории заселения Чернавска в 1635 г. содержится в книге: Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 298–300.

Некоторые факты по военной истории Чернавска имеются в книге: Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 112, 125, 126, 128, 154, 158–161.

⁴ ПСРА. Т. 34. Постниковский летописец. М., 1978. С. 11.

⁵ Акты Московского государства. Т. I. СПб., 1890. С. 9.

⁶ Там же. С. 23.

⁷ Там же. С. 60.

смесная (совместная. — В. Н.) вверх по Быстрой Сосне усть Чернав, ливенских и крапивенских и дедиловских и мценских и новосильских сторожей стоит 12 человек, да с Ельца 2 человека, а проезжают от сторожи вверх по Сосне до Кунача, а съезжаютца с Радушскими сторожами у Колодезя»⁸.

После окончания Смуты (1604–1612) вконец расстроенная система обороны южных степных границ была восстановлена, а посылка сторож возобновлена, правда, Чернавскую сторожу почему-то приписали ко Мценску, городу расположенному от нее довольно далеко. В росписи мценских сторож 1629 г. о ней сказано следующее: «1-я сторожа усть Чернав, от Мценска 120 верст, а проезду от Чернав до Речицы 40 верст»⁹.

Судя по всему, татары во время своих набегов бродом на реке Сосне в устье Чернавы пользовались достаточно часто, конный же сторожевой пост, состоявший всего из нескольких всадников, безусловно, не мог их остановить. От станичников требовалось только одно — уйти от погони и предупредить воевод Ельца и Ливен о появлении татар для принятия ими соответствующих мер. Для того чтобы надежно перекрыть дорогу татарам между Ливнами и Ельцом, здесь на устье речки Чернавы было решено поставить стоялый острог, то есть укрепление, в котором гарнизон размещался бы только в летнее время, зимовать служилые люди должны были отправляться домой — в Елец.

Новую крепость, почти квадратную в плане, примерно 40 на 40 сажен или 120 на 120 аршин, поставили в 1632 г. на невысоком мысу при впадении речки Чернавы в Сосну. Берег Чернавы в этом месте представлял собой отвесный обрыв высотой около 10 м, а берег Сосны — не слишком крутой склон, поднимавшийся примерно на 6 м, перед которым тянулась пойма шириной свыше 50 м до линии уреза воды.

Вероятно, в конце лета или в начале осени 1634 г. неслужилый елецкий казак В. Стрельников предложил превратить Чернавск в постоянный жилой городок, обязавшись привлечь сюда служилых людей из других городков. От имени 100 человек «бедных и беспомощных и безъюртных» казачьих братьев и племянников он подал челобитную царю Михаилу Фёдоровичу с просьбой разрешить им поселиться в Чернавском острожке, пахать пашню и служить государеву службу. Их просьба была удовлетворена и в сентябре 1634 г. ливенскому служилому человеку Улану Щетинину велели выехать в Усть-Чернавский острог для организации его заселения, но тот не выполнил указ и к месту назначения не поехал. Стрельников подал новую челобитную, на этот раз от имени 157 служилых людей, с просьбой назначить для управления городком другое лицо — дворянина, который записал бы

⁸ Там же. С. 62.

⁹ Там же. С. 244.

всех желающих на службу, наделил поселенцев землей и размежевал ее, сумел бы защитить их от произвола ливенского и елецкого воевод, а также просил отпустить в Чернавск из Ельца всех тех, кто записался туда «на житье», поскольку последнему весьма противоядействовал елецкий воевода, не желавший ослабления верного ему гарнизона.

По царскому указу в марте 1635 г. в Чернавск для управления городом было велено выехать приказному человеку Ивану Бунину с государевой казной, порохом и оружием, а елецкому воеводе — указано выслать туда Стрельникова и внесенных им в список людей. Бунин прибыл в Чернавск в начале мая, в еще пустой острог. Но уже 8 мая в городок приехали первые 80 человек из числа елецких казачьих братьев и племянников, которым Бунин раздал жалованье, самопалы, порох и свинец. Слух о появлении нового городка, о верстании там в «государеву службу» и о наличии свободной земли разнесся по всей степной границе, и в Чернавск стали прибывать вольные, «гулящие» и неслужилые люди из других городов. Без царского указа Бунин не смел записывать их в службу, но пришельцы, не дожидаясь разрешения, селились «в ряд» с уже поверстанными чернавскими казаками и начали нести сторожевую службу на бродах через реку Сосну «в день и в ночь». Первоначально Разрядный приказ определил численность служилых людей в Чернавске в 100 человек, но эта норма была быстро превышена. Почва в окрестностях городка оказалась плодородной, ее было много, по словам И. Бунина, земли хватало бы и на 500 человек, что стимулировало приток новых переселенцев. В результате в составе чернавского гарнизона, кроме ельчан, оказались ливенцы, новосильцы, донковцы, лебедянцы, воронежцы и пришельцы из других городов. Уже 20 июня 1635 г. Разрядный приказ разрешил увеличить число служилых людей до 300 человек, самого же В. Стрельникова пожаловали добрым сукном за то, что он «прибрал» в Чернавск «вольных людей». Впрочем, это был не предел, и позднее Разряду пришлось поднять квоту до 400 человек. Надо сказать, что не все из записавшихся в службу оказались вольными людьми, среди них были и беглые крестьяне, скрывавшие свое положение и надеявшиеся, поступив на службу, избавиться от обременительного тягла. Как следствие, к чернавцам впоследствии было предъявлено много исков «в крестьянстве». Некоторые из беглецов были опознаны и возвращены прежним владельцам, но части удалось сохранить свой новый статус¹⁰.

В 1639 г. было решено перестроить и усилить укрепления Чернавска силами елецких служилых людей. Узнав об этом, ельчане,

¹⁰ Новосильский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 298–300; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 63. Л. 11, 29–31, 35, 39–43, 113, 160–162, 167–172, 189, 200, 206–212, 224, 377 об.

дворяне и дети боярские, поместные атаманы, есаулы и казаки били челом «всем городом» царю Михаилу Фёдоровичу об освобождении их от строительства Чернавского и Талецкого острогов. В своей челобитной они жаловались на разорение от «татарских войн», а также на тяготы государственной службы, что они «зимняя и летняя всякия службы несут безпрестанно: в городе на вестех живем, и на сторожах стоим, и в походы ходим»¹¹. Кроме того, они занимались заготовкой и перевозом «государева хлеба», строительством «в донскую посылку» стругов и другими работами. Нашлись у них и претензии к чернавцам: ельчане писали, что многие их крестьяне бежали в Чернавск и, записавшись в стрельцы и казаки, в отместку за прежние обиды, «выезжая из Чернавскаго города, над нами воровали татьбами, и разбоем и пожарами»¹².

Тем не менее, в освобождении от строительства Чернавского и Талецкого острогов ельчанам было отказано. В помете на их челобитной говорилось: «А что помогать делать Талецкого и Чернавского острогу, в том отказать, потому что те остроги устроены для заступы Елецкого уезда иным городом. А будет учнете послушаться и делать не учнете, и вам будет большое наказание»¹³. Согласно государеву указу укрепления Чернавска в том же году были перестроены: вместо прежней острожной стены городок окружили рубленой, превратив его пусть и в небольшую, но крепкую крепость. Работами руководил Иван Стремоухов. После окончания строительства в Разрядный приказ отослали отчетный чертеж, который хранился в нем еще в 1668 г.: «Чертеж Чернавской, каков прислал Иван Стремоухов во 147 (1639 г.— В. Н.) году»¹⁴.

Вероятно, именно в 1639 г. Чернавск изменил свой статус и из «пригорода» Ельца, то есть городка, подчиненного ему в военно-административном отношении, стал самостоятельным уездным центром. Поскольку северный берег реки Сосны, на котором располагался Чернавск, был уже давно поделен между Ливенским и Елецким уездами, то сельскохозяйственная округа с этой стороны оказалась весьма небольшой и заканчивалась примерно на расстоянии около пяти верст от города. Основная территория

¹¹ Акты Московского государства. Т. II. СПб., 1894. С. 110; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 141. Л. 27–42.

¹² Акты Московского государства. Т. II. СПб., 1894. С. 109.

¹³ Там же. С. 110. Талецкий острог располагался в 10 км восточнее Ельца при впадении в Сосну речки Тальчик. В настоящее время — село Талица Елецкого района Липецкой области.

¹⁴ Гоздаво-Гломбиевский А. А. Опись чертежей, хранившихся в Разряде во второй половине XVII в. // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 6. М., 1898. С. 18.

Чернавского уезда лежала к югу, за рекой Сосной, и после появления крепости стала быстро осваиваться.

В 1643 г. новая крепость приняла боевое крещение. 1, 2 и 3 августа по Кальмиусскому шляху пошло до 6 тыс. татар во главе с Клыч-мурзой. Они перешли сперва через Тихую, а затем через Быструю Сосну и вторглись в Ливенский и Елецкий уезды. Часть татар подошла к Чернавску, где им дали бой. 5 августа крымцы «разобрались полками» и ушли из-под городка¹⁵.

В фондах РГАДА сохранилось довольно много росписных и сметных списков Чернавской крепости, позволяющих представить облик ее крепостных сооружений¹⁶.

Согласно росписному списку 1644 г.¹⁷ городок окружала рубленая стена периметром 171 сажень (364,2 м, считая башни). Углы крепости венчали четыре башни, из них две были проезжими: «Из города двои ворота з замки и з засовы и с пробой»¹⁸. Самая большая башня с воротами стояла в северо-западном углу крепости. Она же являлась и самым высоким сооружением кремля и имела 3 моста — межэтажных перекрытия. У остальных башен их было по два. Расположение ворот в углу укрепления являлось приемом не традиционным, поскольку угол — это обычно самое слабое место крепости, поэтому главные ворота усиливал «отвод в две стены» (отводная стрельница), а сам проезд был «косым» (г-образным) или близким в плане к таковому. Об этом свидетельствует размещение одной из пушек «в колене в нижнем бою»¹⁹. Над воротами, вероятно, «с приезду» висел образ

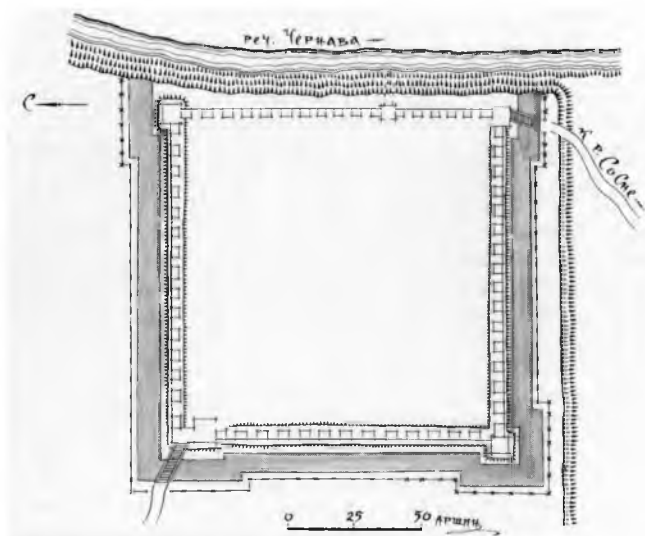
¹⁵ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 322–323.

¹⁶ К сожалению, автору удалось просмотреть далеко не все сметные и росписные списки. Использованы следующие описи Чернавской крепости: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. Стб. 116. «Роспись, что принял у росписки на Чернаве г[осу]д[а]р[е]вы казны воевода Осип Арсеньев у воеводы Истома Сухотина». 1644 г. Л. 108–109; Там же. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 502. Годовая сметная роспись города Чернавска при воеводе Осипе Степановиче Арсеньеве, 1645 г. Л. 100; Там же. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. Стб. 137. Годовая сметная роспись Чернавска, составленная при воеводе Иване Ларионовиче Некрасове. 1665 г. Л. 299–301; Опись города Чернавска. 1678 г. // Дополнения к актам историческим. Т. 8. СПб., 1875. С. 267–268; РГАДА. Ф. 210. Оп. 22. Д. 247. Опись Чернавска, составленная воеводой Никитой Леонтьевичем Шишкиным в 1691 г. Л. 1 об., 35–37 об.; Там же. Ф. 396. Оп. 3. Д. 75. Запись в книге Оружейной палаты о количестве наряда, военных припасов и людей в г. Чернавске. 1702 г. Л. 137–137 об.; Там же. Ф. 396. Оп. 3. Д. 76. Л. 151. (Аналогичная запись за 1703 г.)

¹⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. Стб. 116. Л. 106–109.

¹⁸ Там же. Л. 106.

¹⁹ Там же. Л. 107.

Ил. 1. Чернавская крепость после перестройки 1676–1677 гг. План.
Реконструкция автора

Спасителя и св. Иоанна Предтечи. Второй образ — св. Николая Чудотворца — находился, надо полагать, на внутренней стене башни. Воротную башню венчала дозорная вышка с вестовым колоколом, «весу в нем 5 пуд 27 гривенок».

Вторая проезжая башня в росписном списке названа — «что к воде» (она помещалась в юго-восточном углу), а глухие башни — «Наугольная, что от Никольской слободы» и «Наугольная Кальмиуская (Кальмиусская. — В. Н.)»²⁰. Из крепости к речке Чернаве вел «тайник рубленой».

Из казенных построек внутри кремля находился «погреб с выходом», где хранилась пороховая и свинцовая казна, пушечные зарядные мешки, 2000 рагулек²¹, 6 знамен и 4 барабана.

Безусловно, в крепости имелись и другие постройки, в их число входили воеводский двор, приказная (съезжая) изба, тюрьма, житницы и некоторые другие, но в описи они просто не упомянуты

²⁰ Там же. Л. 107–108. Название Кальмиусская башня получила по од ноименному татарскому шляху, начинавшемуся у речки Кальмиус на Украине и проходившему мимо Ливен.

²¹ Рагульки (рогульки, чеснок) — четырехконечные металлические «ежики» с зазубренными остриями, применявшиеся для борьбы с конницей. Брошенный на землю, «ежик» всегда торчал одним своим концом вверх, калеча ноги лошадей.

На вооружении Чернавска состояли 8 пушек «железных и медных... все в станках и с колесы»²², к которым имелось 1813 ядер «розными весы».

Годовая сметная книга 1645 г.²³ дополняет предыдущий росписной список: «окола ж города с трех сторон выкопан ров в глубину пол-2 сажени (1,5 сажени. — *В. Н.*, более 3-х м), в ширину 2 ж сажени (4,26 м)..., а с четвертую сторону города река Чернава». Перед рвом был «бит частик дубовой (деревянные ежи. — *В. Н.*)»²⁴.

В 1659 г. Чернавску пришлось пережить одно из наиболее тяжелых военных испытаний в своей истории. 28 июня русская армия потерпела тяжелое поражение от польско-украинско-татарских войск под Конотопом. Орды крымских татар обошли с запада Белгородскую черту и обрушились на южные степные уезды, население которых после постройки укрепленной линии уже начало привыкать к мирной жизни. В результате набега крымцы опустошили Елецкий, Ливенский, Новосильский, Мценский, Курский, Болховский, Воронежский и ряд других уездов, угнав в плен более 25 тыс. человек.

Чернавский уезд потерял едва ли не две трети населения: татары убили и угнали в плен 520 мужчин и 649 женщин. В уезде осталось всего лишь 684 человека. На посадке крымцы сумели захватить 8 мужчин и 5 женщин, но крепостью овладеть серьезно не пытались. В Чернавске в наличии осталось 1660 человек, из них 886 мужчин и 774 женщины.

В годовой сметной росписи 1665 г. сообщается об общем, уже довольно плохом состоянии крепости: «На башнях и на городе кровля и лесницы и мосты (межэтажные перекрытия. — *В. Н.*) огнили. Из города к реке тайник во многих местах об[в]алялся, в тайнике вода худа, в городе колодезей нет»²⁵.

Усиливавшаяся ветхость крепостных сооружений привела к тому, что в 1676–1677 гг. Чернавский «город» был «поделан вновь», заново срубили тайник к речке Чернаве, а над входом в него поставили башню, ставшую пятой башней Чернавской крепости.

Роспись Чернавска 1678 г.²⁶ свидетельствует о материале и конструкции стен крепости — «рублен в дубовом лесу и быки», а также сообщает о ремонте 1676–1677 гг. и о том, что «для осадного времени по городу по обламу (облам — выступающий боевой балкон на крепостной стене. — *В. Н.*) положено колье и камень»²⁷. В этой же росписи впервые упоминаются посадские укрепления, состоявшие из двух рядов плетня, пространство

²² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. Стб. 116. Л. 108.

²³ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 502. Л. 100.

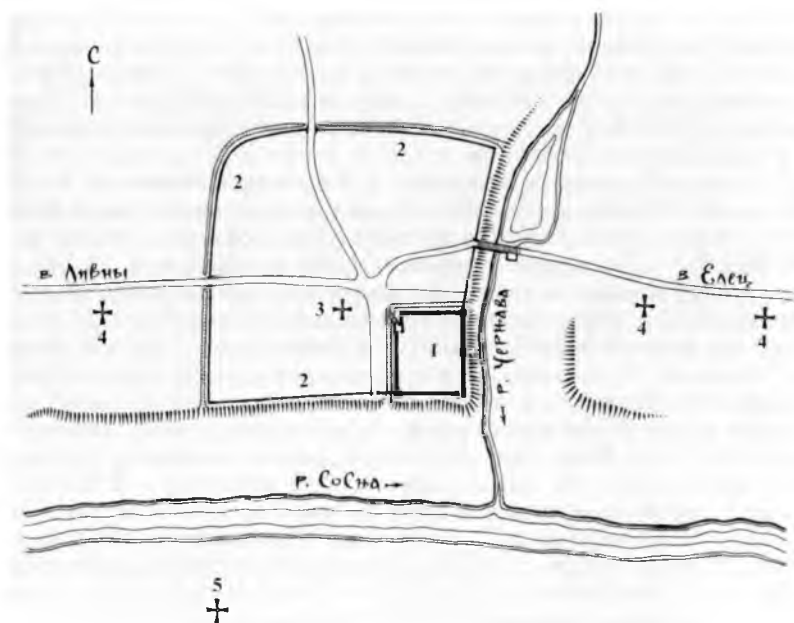
²⁴ Там же. Л. 100.

²⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. Стб. 137. Л. 299.

²⁶ Дополнения к актам историческим. Т. 9. СПб., 1875. С. 267–268.

²⁷ Там же. С. 268.

КРЕПОСТЬ ЧЕРНАВСК

Ил. 2. Город Чернавск во второй половине XVII в.

Схематический план. Реконструкция автора

1. Рубленый город	4. Приходские церкви в слободах
2. Плетневый город	5. Церковь св. Параскевы Пятницы в Пятницкой и Войсковой слободах
3. Покровский собор	

между которыми было засыпано землей. Общая протяженность плетневой стены достигала 310 сажен (660,3 м). Въезд на улицы треграждали надолбы и наметы.

15 марта 1685 г. по указу царей Ивана и Петра Алексеевичей «и по грамоте из Розряду за приписью дияка Ивана Ляпуноза» воеводе Григорию Максимовичу Запольскому было велено «в Чернавску худыя места починит, а где самыя худыя места делать зновь». Уже 11 ноября того же года воевода отчитался о проделанной работе и прислал строельную книгу²⁸. Согласно его отчету, одну из башен крепости — юго-восточную воротную к реке Чернаве отстроили заново. Перед тем как рубить башню, на ее месте выложили платформу из местного известняка — «самоходным камнем» — высотой 2 аршина (около 1,42 м). Всего же

²⁸ РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1. № 34. Строельная книга г. Чернавска. 1685 г. Л. 44–46.

на строительство башни пошло 331 бревно, 250 тесниц, 2 пуда гвоздей и другого железа. Башню увенчали дозорной вышкой «для караулу ат приходу воинских людей (татар.— В. Н.)». Находившийся перед башней мост через ров отремонтировали. Починили и другой мост перед главной «передней проезжей» башней, на что «изошло» 23 бревна.

В описи Чернавска, составленной воеводой Никитой Леонтьевичем Шишкиным в 1691 г.²⁹, дается достаточно подробное описание некоторых казенных построек, стоявших в крепости: «В Чернавском городе (кремле.— В. Н.) церковей нет... В городе г[осу]д[а]рские хоромы, где живут воеводы: горница на жилом подклете, перед горницею повальша (повалуша.— В. Н.), да сени, да изба на глухом подклете, на дворе клеть. В городе четыре житницы. В таможни и на кружечном дворе (кабаке.— В. Н.) строения: изба да сени, в избе и сенех два чюлана, погреб с выходом дубовой рубленой, ледник, а на леднику онбар липовой, онбар же питейной. Изба и онбары покрыто лубьем. Кружечной двор огорожен тыном, ворота притворчетые... В Чернавском в городе в приказной избе на карауле стоят чернавские казаки, переменяючи по суточно по 5 ч[ело]в[е]к. У казенного погреба (порохового.— В. Н.) на карауле стоят чернавские пушкари по суточно по 1 ч[е]л[о]в[е]к»³⁰. Из военного имущества, хранившегося в казенном погребе, интересно упоминание двух железных ковшей «для потсвету в приход воинских людей (неприятеля.— В. Н.)». Подобные ковши с горящими в них дровами выставлялись на шестах из-за крепостных стен для отражения ночного штурма.

В описи уже ничего не говорится о плетневой крепостной стене вокруг посадов, вероятно, она уже сгнила и развалилась, упомянуто только, что проезд по улицам и переулкам закрывали надолбы. В описи также перечисляются городские церкви, все деревянные: соборная церковь Покрова Пресвятой Богородицы (стояла на площади прямо напротив главных ворот); слободские приходские: Владимирской Богородицы, св. Николая Чудотворца (за речкой Чернавой в Никольской слободе), св. Никиты Великомученика (также за речкой Чернавой), св. Параскевы Пятницы (за рекой Сосной в Пятницкой и Войсковой слободах) и пустой Троицкий монастырь³¹.

Традиционно, соборную церковь в русском городе возводили в его центре — в кремле, но из любого правила есть исключения. В маленьких крепостницах вроде Чернавска собор из-за «городовой тесноты» и для защиты от возможного пожара, поскольку в

²⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 22. Д. 247. Л. 1 об., 25–37 об.

³⁰ Там же. Л. 1 об., 36–37.

³¹ Там же. Л. 1 об.

храмах во время богослужения использовались зажженные свечи и лампы, часто ставили на посаде, в стороне от крепости. Опасность «пожарного разорения» была весьма велика: например, 13 сентября 1628 г. сгорел Благовещенский собор в Воронежском кремле³², в ночь с 23 на 24 декабря 1676 г. — Рождества Богородицы в Орловском³³. Но если новый собор в Орле срубили на прежнем месте, то в Воронеже его предпочли перенести на посад. Русских крепостей, где собор стоял вне кремля, можно насчитать довольно много: это городки Урыв, Корсун, Инсар, Керенск, Кашпир, крепости на Закамской черте и другие. В Кромах новый городской Успенский собор, взамен сожженного в годы Смуты, предпочли также поставить на посаде³⁴. Наблюдались случаи и обратного переноса: в 80-е гг. XVII в. Казанский собор в Инсаре построили внутри крепости.

Выше Чернавской крепости на речке Чернаве находилась мельница. По ее плотине проходила дорога на Елец, кроме того, она образовывала обширный пруд, защищавший подступы к крепости с северо-восточной стороны.

Ознакомившись с некоторыми письменными источниками по истории и архитектуре Чернавской крепости, перейдем к источникам графическим. Следует отметить, что графических материалов по крепости в свое время было довольно много. В частности, в описи чертежей, хранившихся в Разряде, составленной дьяком Д. М. Башмаковым в 1668 г., по Чернавску значатся следующие чертежи: «Чертеж Чернавской, каков прислал Иван Стремоухов во 147 (1639 г. — *В. Н.*) году. Чертеж Чернавской же, каков прислал Иван ж Стремоухов во 158 (1650 г. — *В. Н.*). Чертеж Чернавской же, а которого году и кто прислал, того на нем не подписано. Чертеж Чернавской ж, с которого году и кто прислал, того на нем не подписано»³⁵. Вероятно, все эти чертежи являлись отчетными и были связаны с теми или иными перестройками крепости. Надо полагать, что изображение Чернавска имелось еще на «Чертеже Украинных городов, которые города построены по реке по Сосне, а которого году и кто прислал, того на нем не подписано»³⁶. К сожалению, все эти чертежи, равно как и вся чертежная коллекция Разрядного приказа, давно уже утрачены.

Тем не менее, в фондах РГВИА автору удалось выявить неизвестный чертеж Чернавской крепости, относящийся, судя по

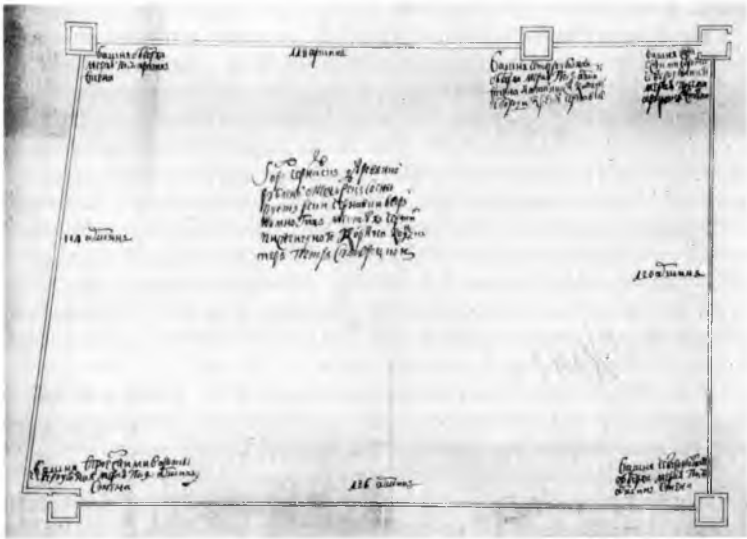
³² Акты Московского государства. Т. I. СПб., 1890. С. 240–241.

³³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 817. Л. 399–410.

³⁴ Там же. Стб. 87. Л. 31–32 об. Стб. 130. Л. 154–154 об.

³⁵ Гоздаво-Голомбиевский А. А. Описание чертежей, хранившихся в Разряде во второй половине XVII в. // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 6. М., 1898. С. 18.

³⁶ Там же. С. 18.

Ил. 3. Чертеж Чернавской крепости (север слева).

Начало XVIII в. РГВИА.

Автор — кондуктор инженерного корпуса Пётр Сумвроцкой

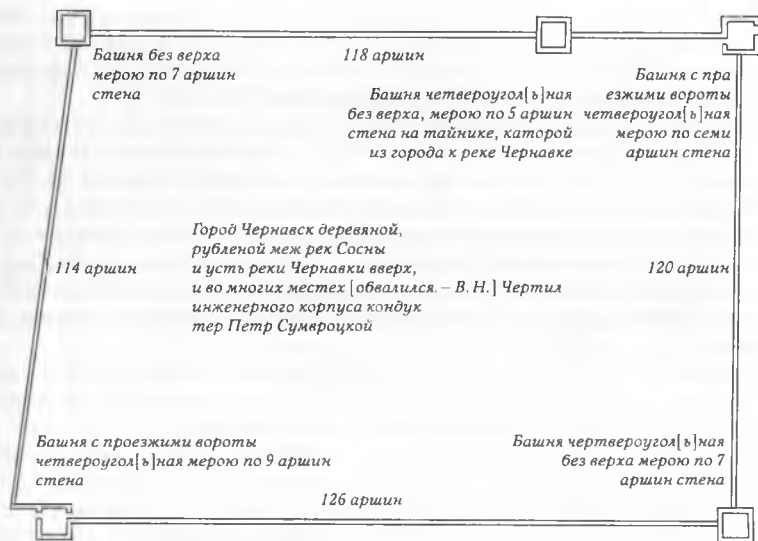
всему, к началу XVIII в.³⁷ Об этом свидетельствует такая деталь, как обозначение размеров прясел стен в аршинах и арабскими цифрами, подобная практика распространилась только в XVIII в., ранее числовые обозначения давались в саженах, а цифровые обозначения были буквенными. На чертеже имеется надпись: «Чертил инженерного корпуса кондуктор Петр Сумвроцкой». Поскольку на плане крепости нет ссылки на то, что он является копией с более раннего чертежа, обычной для многих других планов начала XVIII в., хранящихся в РГВИА, то надо полагать, что это обмерная работа самого Петра Сумвроцкого.

Недостатками чертежа являются отсутствие изображений построек внутри крепости, не показана общая ситуация — реки Сосна и Чернава, а также жилая застройка с соборной церковью вокруг крепости.

На чертеже начерчена прямоугольная в плане (хотя на самом деле она была близка к квадрату) пятибашенная крепость. У трех башен из пяти уже не было верхов, да и стены во многих местах обвалились. Обращает внимание расположение воротных проездов внутри башен — они проходят под углом, что должно

³⁷ РГВИА. Ф. 349. Оп. 43. Д. 1628.

КРЕПОСТЬ ЧЕРНАВСК

Ил. 4. Чертеж Чернавской крепости.
Прорис автора

было облегчить их оборону. Главные ворота поставлены не на самом углу, а несколько с отступом от него, надо полагать, с той же целью. Отводная стрельница у них отсутствует, она либо уже сгнила и развалилась, либо ее не стали отстраивать во время перестройки 1676–1677 гг.

Последнее упоминание Чернавска как действующей крепости содержится в книге Оружейной палаты за 1703 г., где дается самое общее описание укреплений: «...город Чернавской рублен в дубовом лесу. По городу башен: 2 — с проезжими вороты, 2 — глухих. По мере около города 171 сажень»³⁸. Обратим внимание, что в крепости упомянуты две глухие башни вместо ранее бывших трех. Вероятно, одна башня к этому времени уже сгнила и рухнула. Далее в книге перечисляется пушечный наряд и различное военное имущество и указывается количество служилых людей — рейтар, солдат, стрельцов, казаков, пушкарей и др. (всего 3006 чел., в т. ч. 1070 недорослей и 125 чел. старых и увечных).

Почти аналогичные сведения о Чернавске содержатся в труде И. К. Кирилова «Цветущее состояние Всероссийского государства» (окончен в 1727 г.): «Чернавск по описной книге 701 году

³⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 76. Л. 151.

город рубленой, в нем 2 башни проезжие и 2 глухих, мерою около города и башен 171 сажень, разстоянием от Ельца 20 верст. В том городе и уезде по ведомости Камор-коллегии 18 церквей. Крепостная кантора, в ней надсмотрщик»³⁹.

В начале XVIII в. Чернавская крепость окончательно потеряла военное значение. Когда исчезли ее деревянные стены и башни — неизвестно, вероятно, это произошло в первой половине XVIII в. В конце того же столетия Чернавск утратил и статус города, он не попал даже в заштатные, превратившись в обычное село, хотя и довольно значительное. Вероятно, причиной упразднения города послужило то, что Чернавск располагался на дороге довольно близко между двух действительно крупных городов — Ливен и Ельца.

Земляные укрепления Чернавской крепости сохранились в достаточно хорошем состоянии весь XIX в. и начало XX в. К сожалению, в советское время крепостные валы начали разрывать и в настоящее время от укреплений сохранился полностью только один фас — южный, обращенный к реке Сосне. Западный фас уцелел частично. На их стыке находится округлая земляная платформа для угловой юго-западной (Наугольной Кальмиусской) башни.

³⁹ Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 194.

ПЛОТНИК ВАСИЛИЙ КОРСАКОВ И ЕГО ХРАМЫ

Из всего многообразия видов и типов традиционной деревянной архитектуры Русского Севера время сохранило до наших дней лишь сотню-другую построек. Имена же плотников, возводивших непревзойденные произведения архитектуры и инженерного искусства, и вовсе канули в Лету. На этом сплошь безымянном архитектурном фоне выделяется судьба зодчего Василия Матвеевича Корсакова.

Его имя возникает на страницах интереснейших документов первой половины XVIII в., повествующих о строительстве поморских храмов, хорошо известных исследователям деревянного зодчества. Первый документ, «Книга Нёнокского усолья Троицкой церкви церковным казенным деньгам по подрядной записи церковным плотникам», обнаружен в фонде Николо-Карельского монастыря Государственного архива Архангельской области. Он относится к 1727–1729 гг. и представляет собой тетрадь с записями священника Алексея Романова и церковного приказчика Ефрема Дерягина о расходах на строительство Троицкой церкви в Нёнокском посаде Архангелогородской губернии¹. Второй документ найден в архиве Карельского филиала Академии наук СССР (ныне Карельский научный центр РАН) в Петрозаводске. Это подрядные договоры 1749–1754 гг. жителей Шуерецкой волости с церковным мастером Василием Корсаковым на перестройку Пятницкого и Никольского храмов². Нёнокский посад и Шуерецкая волость — крупные поселения на летнем и поморском берегах Белого моря, в которых процветала соляная добыча и торговля Соловецкого монастыря. Здешние храмы упоминаются в источниках с начала XVI в.³ В обоих поселениях были сильны традиции старообрядчества.

Самое удивительное, что время пощадило от забвения не только имя зодчего, но и облик всех трех церквей, упомянутых в документах и построенных Корсаковым. Одна из них, Троицкая церковь, существует по сей день, а две шуерецкие церкви — известны

¹ ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Т. 1. Д. 1696. Л. 1–12.

² КНЦ РАН. Р. I. Оп. 3. Д. 224. Л. 1–5.

³ Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI в.: Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. Л., 1990. С. 25, 137.

по фотографиям и обмерам архитектора В. В. Сулова, художника В. А. Платонова и фотографа С. М. Прокудина-Горского.

Задача настоящей статьи — на основании вновь выявленных письменных источников, натуральных исследований и фотоматериалов рассказать о выдающемся мастере XVIII в. Василии Матвеевиче Корсакове и возведенных им деревянных храмах.

Точная дата рождения Корсакова неизвестна, но мы знаем, что в двадцатых годах XVIII в. он был уже востребованным плотником. Василий появился на свет в семье монастырского крестьянина Матвея Корсакова, в деревне Окатовской Вонгудской волости Каргопольского уезда. Волость располагалась в нескольких километрах от устья реки Онеги. До середины XVII в. Вонгуда входила в число владений Соловецкого монастыря, а в 1656 г. указом царя Алексея Михайловича была передана со многими другими онежскими деревнями строящемуся Онежскому Крестному монастырю⁴.

К началу XVIII в. в Крестном монастыре, основанном патриархом-реформатором Никоном на каменном острове Кий в Белом море, заканчивались масштабные строительные работы, начатые в шестидесятых годах XVII в. К ним были привлечены сотни вотчинных крестьян и плотников. Монастырские плотники работали и на другом детище патриарха — Воскресенском Новоиерусалимском монастыре под Москвой на реке Истре⁵. На стройках Санкт-Петербурга и Новодвинской крепости в устье Северной Двины онежские плотники на практике получали основы архитектурных и инженерных знаний, навыки организации строительного производства⁶.

В Крестном Кийостровском монастыре, осуществлявшем обширную строительную деятельность, сложилась своя плотницкая служба, мастера которой с шестидесятых годов XVII в. до середины XVIII в. возвели и перестроили в монастырских вотчинах замечательные рубленые храмы с кубоватыми многоглавыми завершениями. Это церкви в Кушереке, Усть-Онеге, Подпорожье, Пороге, Чекуеве, Поле и другие. Новые правила, внедрявшиеся патриархом Никоном в храмостроении (требования к определенному количеству глав, обособление приделов от главной церкви) привели к возникновению новых объемных

⁴ РГАДА. Ф. 1195. Оп. 8. Д. 148. Список с жалованной грамоты царя Алексея Михайловича с жалованием вотчин Онежскому крестному монастырю. 1667 г.

⁵ РГАДА. Ф. 1195. Оп. 1. Д. 113. Отпись о беглых плотниках и кирпичниках, направленных в Воскресенский монастырь. 1665 г.

⁶ РГАДА. Ф. 1195. Оп. 1. Д. 741. Книга именная работным людям, отпущенным в Санкт-Петербург. 1708 г.; Д. 524. Отпись об отпуске с вотчин монастыря работных людей на строительство Новодвинской крепости. 1702 г.

решений и большому разнообразию покрытий. Храмы в районе нижнего течения Онеги отличались не только обилием криволинейных форм завершений (кубы, бочки, кокошники), но и развитой объемно-пространственной композицией с крещатыми планами, придельными алтарными прирубам, обширными папертями и высокими крыльцами. Не вызывает сомнения предположение о том, что плотницкому мастерству Корсаков обучался на монастырских стройках. К концу двадцатых годов XVIII в. он стал опытным мастером. Преследуя свою выгоду, монастырское начальство отпускало плотника на заработки за пределы вотчинных владений. Корсаков не знал грамоты, поэтому подрядные договоры по его просьбе подписывали доверенные лица.

В 1727 г. Василий Корсаков был подряжен в богатый солепромышленный посад Нёноксу для строительства Троицкой церкви. Заказчиками выступали нёнокские промышленники, соляные приказные монахи Соловецкого, Кирилло-Белозерского, Николо-Карельского монастырей и прочие прихожане нёнокских храмов, сгоревших в пожаре 25 июня 1725 г.⁷ В течение двух лет посадские жители не могли принять окончательного решения об устройстве будущего храма. Сразу после пожара, в июле, нёнокшане просили благословения у архиепископа Варнавы на построение шатровой церкви с двумя приделами. В челобитной они писали: «...на погорелое место вместо вышеписанных церквей (Троицкой, Никольской, Пятницкой и колокольни. — *Е.З.*) построить новую церковь во имя Живоначальной Троицы с приделы Успения Пресвятой Богородицы, да верховных апостолов Петра и Павла, и верх на той церкви писан большой обруб». Благословение владыки на строительство храма на погорелом месте было получено⁸. Через два года, заготовив достаточное количество леса, посадские жители постановили, что новый храм должен вмещать все пять престолов сгоревших древних церквей, два из которых будут размещаться в трапезной. Они вновь обращаются к Варнаве за разрешением: «...в том же окладе пристроить в приделах теплые церкви с трапезою Николая Чудотворца и Великомученицы Параскевы»⁹. Удивленный владыка распорядился: «Справиться с указы и рассмотреть, для чего так много строить церковных приделов и почему, и дать благословенную»¹⁰. Однако благословенная грамота так и не была выдана. В конце концов,

⁷ ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 316. Л. 72. Приходо-расходная книга Нёнокского усолья и передаточная от священника Терентия священнику Фииппу. XVIII в.

⁸ ГААО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 1597. Челобитная церковного приказчика Ефрема Дерягина с мирскими людьми о строительстве Троицкой церкви с приделами. 1727 г.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

И. Д. А.
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ
№ 863/2

Церковь во Троицы

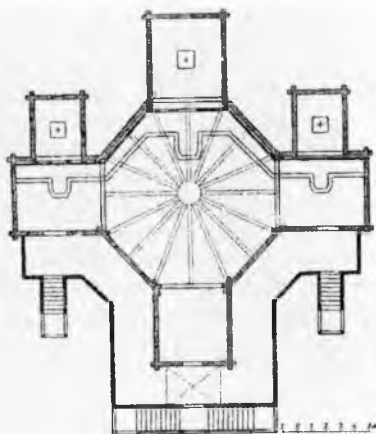
въ посадь Нёнокса въ Английскомъ и въ постоу въ 1727.

«Послѣ реставрацїи»

279

Ил. 1. Троицкая церковь в Нёноксе.
Обмер В. В. Сулова. 1886. Музей РАХ

Ил. 2. Троицкая церковь. План.
Обмер В. В. Сулова. 1886

было решено рубить трехпрестольную церковь. Судя по записям нёнокского священника в расходной книге, наличие в церкви трех престолов, а также значимость главного посадского храма предполагалось обозначить тремя шатрами. Вполне возможно, что образцом для Троицкой церкви заказчики выбрали трехшатровый деревянный соборный храм Михаило-Архангельского монастыря с приделами свв. Бориса и Глеба и мученика Мины, срубленный в середине XVII в. и находившийся в семидесяти пяти верстах от Нёноксы. Изображение собора сохранилось на панораме Архангельска 1694 г. Но и этот вариант оказался не окончательным.

В 1727 г. на строительство приходского храма были наняты шесть нёнокских плотников, из которых двое, Пётр Любов и Кирилл Ведюков (Ведепинтов), уже имели опыт церковного строительства. Перед пожаром 1725 г. они срубили в приходе кубоватую одноглавую церковь св. Параскевы Пятницы¹¹. Руководить посадской артелью нёнокшане подрядили молодого, но, видимо, уже зарекомендовавшего себя Василия Корсакова. Ведущая роль монастырского плотника на строительстве Троицкой церкви неоднократно подчеркнута в упомянутой расходной тетради Нёнокского прихода. В ходе работ трижды сход священников и мирских людей «приговаривал» выдать Василию Корсакову «де-

¹¹ ГААО. Ф. 1404. Оп. 2. Д. 13. Л. 37 об., 56–57. Книга Нёнокского усолья записная на строение Параскевинской церкви. 1721–1722 гг.

нег сверх записи с товарищами». Троицкую церковь заложили 21 мая 1727 г., а в сентябре сруб был поднят «до алтарной подволоки»¹². Через два года строительные работы в основном подошли к завершению, были освящены приделы. Устройство главной церкви затянулось еще на год. Ее освятил в конце августа 1730 г. архимандрит Николо-Карельского монастыря Павел¹³.

Построенная Корсаковым «с товарищи» церковь принадлежала к достаточно распространенному на Севере типу летних храмов. В основе ее композиции лежал восьмерик с четырьмя прирубами по сторонам света, возведенными «восьмериком на четверике». В центральном восьмерике, отличавшимся двухъярусным построением, находилась Троицкая церковь. В северном и южном прирубах размещались, соответственно, Успенский и Петропавловский приделы с отдельными входами. В восточном находился главный алтарь храма. Западный прируб выполнял роль притвора. На сегодняшний день сохранилось только два храма, близких Троицкому по форме плана (оба однопрестольные). Это Преображенская церковь на острове Кижы (1714) и Никольская в селе Патракеевка на берегу Белого моря (1764).

Мысль о возведении шатров над восточным и западным прирубами храма равновысоких с придельными возникла уже в ходе строительства крестообразного сруба церкви. В архивном документе упомянуто: «Да им же, плотникам, дано по приговору мирских людей, что ими строены на западе шатры и маковицы выше три четверти, цена тридцать два рубля, да ржи по мере на человека, итого пять, кроме того найму, что в записи написано»¹⁴. Нёнокшане поддержали эту идею, а плотники воплотили ее в образе центрального храма, в виде «круглой» группы из пяти двухъярусных шатровых объемов, увенчанных пятью крупными главами с крестами. Ярусность помогла избежать стесненности объемов, возникающей при соединении нескольких срубов. Вдоль западных фасадов храмовую группу объединяла паперть с тремя высокими крыльцами. С востока ряд алтарных прирубов, покрытых килевидными бочками, указывал на наличие в церкви трех престолов. Рубленые кокошники на диагональных гранях верхнего восьмерика и на восточных углах четверика центрального алтаря церкви, в миниатюре повторявшие очертания придельных алтарей, выделяли в композиции главную Троицкую церковь.

Примечательной и новаторской для деревянной архитектуры первой половины XVIII в. была стройная композиция из пяти высоких стропильных шатров. Высота центрального шатра с главой достигала 18 м, а шатров четырех прирубов — 8 м. Стропильные

¹² ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Т. 1. Д. 1696. Л. 2.

¹³ ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 316. Л. 72 об.

¹⁴ ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Т. 1. Д. 1696. Л. 4.

Ил. 3. Троицкая церковь в селе Нёнокса.
Фотография В. Плотникова. ИИМК РАН

Ил. 4. Храмовый комплекс в Нёноксе.

Рис. А. Б. Бодэ

конструкции в шатровых покрытиях того времени использовали не часто, в основном при устройстве невысоких завершений парадных крылец, крепостных башен и колоколен. Сильные ветровые нагрузки, которые испытывали шатровые покрытия церквей, требовали значительного запаса прочности и устойчивости конструкций. Поэтому высокие шатры обычно были полностью рублеными или смешанными венчато-стропильными. Конструкция каждого из шатров Троицкой церкви состоит из восьми цельных стропил, опирающихся на углы восьмерика, заведенных вверху в деревянное кольцо в основании барабана под крупной главой и несколькими ярусами стяжек, сдерживающих распор стропил. Шатры были обиты лемехом поверх обрешетки и берестяных матов, защищающих от попадания влаги в храм.

М. В. Красовский с восхищением писал о шатрах Троицкой церкви: «Строители мастерски использовали свое прекрасное знание конструктивных приемов, создав сложную и вполне рациональную систему стропил»¹⁵. Однако он считал неудачей то, что «второстепенные по архитектурному значению массы» за-

¹⁵ Красовский М. В. Курс истории русской архитектуры. Ч. I. Деревянное зодчество. Пг., 1916. С. 229.

падного и восточного прирубов получили идентичное с придельными прирубам архитектурное решение. Это противоречило сложившимся храмостроительным канонам. И далее: «Несмотря, однако, на эту неудачу строителей, произведение их должно быть отнесено к лучшим памятникам нашего деревянного церковного строительства, как по своим прекрасным пропорциям, так и по деталям, из которых много погибло при ремонтах и главным образом при обшивке досками»¹⁶. Действительно, капитальный ремонт 1870 г. значительно исказил первоначальный облик Троицкой церкви, утратившей паперть, три нижних венца и весь декор кровель.

Через двадцать с лишним лет после освящения Троицкой церкви в Нёноксе Корсаков дал согласие священнику, церковному приказчику и прихожанам Шуерецкой волости «на переправку» Никольской и Пятницкой церквей в их приходе. Кроме названных храмов, приходской ансамбль включал зимнюю Климентовскую церковь и колокольню. В первом двадцатилетии XVIII в. все три древние церкви были «поправлены»¹⁷. Однако к середине XVIII в. состояние кровель и окладных венцов ухудшилось. Небольшие летние Никольская и Пятницкая церкви стали тесны для растущего прихода и нуждались в перестройке.

Начало нового этапа перестроек в Шуерецком приходе ознаменовалось возведением в 1749 году плотниками Соловецкого монастыря братьями Агамаевыми шатровой восьмигранной колокольни¹⁸. Построив новую колокольню, шуерецкие крестьяне решили перестроить и древние Никольский и Пятницкий храмы, увеличив их площади и украсив церкви «по убожеству». Для продолжения строительных работ на приходском храмовом комплексе был приглашен крестьянин В. М. Корсаков. В ноябре 1749 г. он дал прихожанам «договорное письмо» с обещанием начать работы на Никольской церкви в апреле 1750 года, но только в том случае «ежели Преосвященный архиепископ указом благословит» и «если лес к строительству будет заготовлен и на место доставлен»¹⁹.

Условия договора были соблюдены обеими сторонами, и уже в мае Корсаков получил деньги «за верхнюю работу». В договорных документах Василия Матвеевича величают мастером и подрядчиком. В Шуерецкую волость он прибыл со своими плотниками

¹⁶ Там же. С. 260.

¹⁷ ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 123. Л. 269–345; Д. 209. Л. 264 об. Описи имущества церквей Шуерецкого прихода. 1803, 1821.

¹⁸ КНЦ РАН. Р. 1. Оп. 3. Д. 209. Л. 7 об, 9 об. Приходно-расходная книга церковного приказчика. 1749 г.

¹⁹ Здесь и далее цитаты из порядных договоров. КНЦ РАН. Р. 1. Оп. 3. Д. 224. Л. 3–5.

Ил. 5. Никольская церковь в Шуерецком. Фотография нач. XX в.

и сыном Афанасием²⁰. Мастер был уже не молод, поэтому в договоре упомянуто, что если «паче чаяния [во время] работы мне случит Бог смерть, то платит[ь] оные задаточные деньги пятнадцать рублей сыну моему Афонасию оставшими пожитками моими без всякого прекословия и без суда». Особым абзацем в договоре выделено обещание Корсакова сделать «оное вышеписанное церковное строение самую чистою отделкою и добрым мастерством, что надежит святой церкви и пристойности».

Работы на Никольской церкви были закончены в 1752 г., и 18 февраля следующего года соловецкий архимандрит Геннадий освятил храм²¹.

К перестройке Пятницкой церкви Корсаков приступил в мае 1754 г. После ремонта церковь освятили на старом антиминсе, выданном после перестройки храма в 1710 г., так как все работы были произведены осторожно, «чтоб престол не поколебался»²².

По подрядным записям трудно представить, как выглядели шуерецкие храмы до ремонта. Никольская церковь представляла собой крестообразный в плане сруб, на котором был установлен восьмерик с шатром. Восьмерик окружал «пояс», крытый тесом. От Корсакова и его плотников требовалось: установить на шатре новую главу на высокой шее, обить их по «набоинам чешуею новой». Шатер покрыть одним слоем теса, а также: «пояс кругом по осмерику перекрыть в два тесу с зубцами, с охлупни и решеткой, кровля на церкви и олтаре кругом по-прежнему покрыть в два тесу, а прицелины с высечками разные... вверх от паперти церковь кругом и углы и олтарь обить тесом от самых верхних окон». Возможно, что до перестройки храмовый восьмерик имел два повала, нижний из которых был окружен фронтонным поясом двухскатных покрытий, наподобие тех, что встречаются на храмах западного Обонежья XVII–XVIII вв. Так это было или иначе, мы уже не узнаем.

Строительные работы, осуществленные бригадой Корсакова, изменили облик Никольской церкви. Крещатый сруб стал выше на девять венцов и был установлен на деревянный фундамент: «А слань положить из остаточных старых бревен, бревно подле бревна». Пятнадцать старых венцов «вокруг церкви и олтаря» были заменены новыми, рубленными не на двенадцать, как раньше, а на шестнадцать углов. Внутренние западные углы крестчатого сруба до половины высоты были срезаны диагональными гранями, как у восьмерика: «А в церкви по правую

²⁰ КНЦ РАН. Р. I. Оп. 3. Д. 224. Л. 1–3.

²¹ ГАОО Ф. 29. Оп. 31. Д. 209. Л. 264 об. Описи имущества церковей Шуерецкого прихода.

²² ГАОО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 123. Л. 341. 1803 г.

и по левую стороне церковных западных дверей от углов, с полу и до полустен позади крыласов отнести далее, прибавить церкви вверх до докол будут подрубаться новые бревна. И оные четыре угла рубить гладью в лапу, а под старые надвеслые углы поставить по толстому столпу, а столпы обтесать осмогранные по угожеству». Такое решение позволило несколько увеличить площадь кафоликона. В интерьере под нависавшие углы верхней половины крестчатого сруба поставили восьмигранные резные столбы, стены гладко вытесали и выскоблили до потолков. Подле столбов поставили новые клиросы, как и было написано в порядной: «Два крылоса поставить подле столпов по угожеству, забрать в брусье досками на две третья с карнизом». Восточное крыло сруба, где располагался алтарь храма, нарубили вверх, в один уровень с остальными тремя крыльями: «...во олtare восточная стена прибавить бревна длиною полсажени». Клинчатые с полницами крыши крыльев креста, украшенные резными причелинами и гребнями, упирались в широкий повал восьмерика, образуя вокруг него своеобразный пояс, сменивший прежний. К западным углам церкви примыкала вновь срубленная из бруса в лапу обширная паперть и крытое высокое крыльцо с лестницами на два восхода. Из паперти в церковь были сделаны окна-протесы, через которые прихожане могли наблюдать за службой. Двухскатные крыши паперти и крыльца покрыли двойным тесом с зубцами и резными причелинами, охлупни украсили решетчатыми гребнями. В обновленных стенах храма заново прорубили колодные окна в два света с внутренними ставнями и резными наличниками. Как показывают описи церковей 1803 года, все окна в храме и паперти были со слюдяными рамами²³. Кроме этого, плотники сделали в храме тябла для иконостаса, лавки по стенам с подзорами, новые перекрытия. В паперти потолок отсутствовал.

Неменьшим переделкам подверглась и Пятницкая церковь — небольшая клетская постройка, алтарь и четверик которой были перекрыты, предположительно, бочками. Такое предположение можно сделать из текста порядной записи. Плотники заменили сгнившие бревна, подвели под церковь два новых венца, выровняли сруб «по надежащему, чтоб была пряма». Над четвериком, как и было оговорено в порядной, срубили «вместо старье, бочка на четыре ската с зубцами, да от оной бочки шея и глава по угожеству новые». Возможно, что образцом для куба Пятницкой церкви послужили одноглавые кубоватые завершения небольших Пятницкой (1722 г.) и Алексеевской Куртяевской (1721 г.) обетных Нёнокских церковей, виденных Корсаковым во время пребывания в посаде. Алтарная бочка и четырехгранный куб над четвериком были обиты коротким тесом с зубцами,

²³ ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 123. Л. 333–338. Описи имущества церковей Шуерецкого прихода. 1803 г.

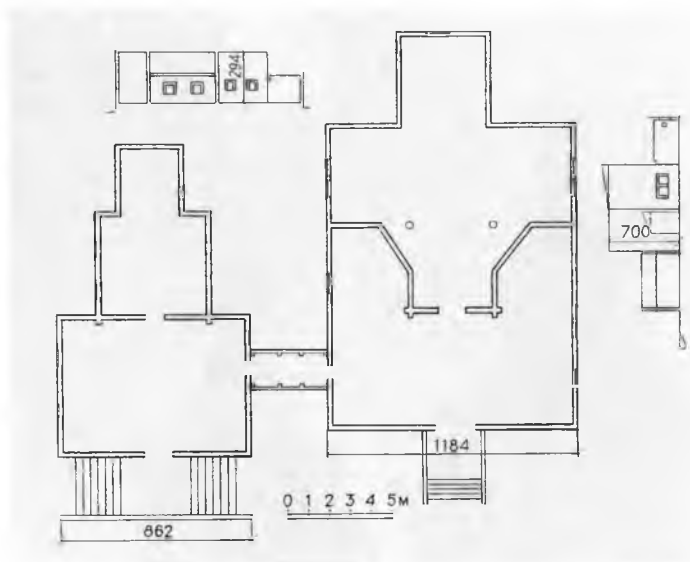

Ил. 6. Пятницкая церковь в Шуерецком.
Обмер В. В. Суслова. 1886

украшены резными причелинами и кокошниками с решетчатыми гребнями. Глава на высокой шее, отделенная от куба воротничком из полиц, была обита лемехом. Следуя договору, к церкви пристроили новую широкую паперть, рубленную из бруса в лапу вровень с Никольской, покрыли тесом с зубцами, украсили резными причелинами и решетками над охлупнем: «А принятыя оную паперть к церковной западной стене в летней и северной

Ил. 7. Село Шуерецкое. Вид храмового комплекса с реки.
Фотография С. М. Прокудина-Горского. 1918

Ил. 8. План Пятницкой и Никольской церквей в Шуерецком.
Обмер архитекторов Буйнова и Рыбченко. 1939

углы в ширину, каковы слеги, а в длину она паперть обложить по длине с Никольскою папертью в линию, и помост в паперти новой и покрыть в два тесу на два скату с берестой, какова у Никольской». Паперти обеих церквей соединили переходом: «Да от того крыльца до Никольского мало пониже сделать переходы с баясами». Таким же переходом соединили крыльцо Пятницкой церкви с колокольней: «ход с перилами, кровля на два скату до самой колокольни, до стен вплоть».

С 1750-го по 1757 г. Корсаков фактически заново перестроил Никольскую и Пятницкую церкви, объединив их переходом с колокольней в единый ансамбль, расположенный тесной группой на берегу речки Шуи. Небольшую Пятницкую церковь мастер трактовал как придельную, выделив ее в ансамбле затейливым одноглавым кубом с теремками на ребрах. В различных документах прихода XIX в. Пятницкую церковь часто называли приделом²⁴. Архитектор Ю. С. Ушаков, сделавший реконструкцию Шуерецкого приходского комплекса, отмечал интересный запоминающийся силуэт ансамбля «за счет сочетания разных по высоте четырех сооружений, завершавшихся скатными, шат-

²⁴ Напр.: ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 123. Л. 339. 1803 г.

Ил. 9. Храмовый ансамбль в селе Шуерецком.
Фотография 1940-х гг. НАРК

ровыми и кубоватой кровлями»²⁵. Ансамбль полностью сгорел в 1947 г.

Храмы Корсакова различны по композиционно-образному строю. Троицкая церковь представляет собой сложный, но ясно читающийся монументальный объем соборного посадского типа, говорящий об осознании нёнокшанами значимости своего развивающегося посада в российской соляной торговле. В ней нет излишней величавости и чрезмерного декоративного тщеславия. Образ рождается спокойной устойчивой ярусно-пирамидальной композицией, устремленной вверх. Крестчатая композиция Никольской Шуерецкой церкви характерна для летних храмов поморских соледобывающих селений Соловецкого монасты-

²⁵ Ушаков Ю. С. Ансамбль в народном зодчестве Русского Севера. Л., 1982. С. 106.

ря XVII в. (Варзуга, Уна). Архитектура церкви скромна, почти сурова. Корсаков оживил ее поясом клинчатых кровель над крыльями креста, подчеркнув его резными причелинами и решетками над охлупнями. Куб, покрытый лемехом и декорированный теремками, возвышающийся над Пятницкой церковью, — наиболее выразительная часть Шуерецкого ансамбля.

Плотник Корсаков и его артель работали в строгих рамках храмостроительных канонов, существовавших в то время, и следовали пожеланиям заказчиков — крестьянского или посадского мира. Основой творчества Василия Матвеевича был большой строительный опыт, практические знания и тонкое чувство материала — дерева. В XVII-XVIII столетиях таких людей называли словом *мастер*, а иногда — «плотницкого дела художник». Архитектурные и конструктивные достоинства перечисленных в статье храмов, безусловно, позволяют отнести монастырского плотника Корсакова к числу крупных мастеров деревянного зодчества.

ТРОИЦКАЯ ЦЕРКОВЬ В СЕЛЕ НЁНОКСА — ВЫДАЮЩЕЕСЯ ПРОИЗВЕДЕНИЕ РУССКОЙ ДЕРЕВЯННОЙ АРХИТЕКТУРЫ

О деревянной пятишатровой Троицкой церкви в селе Нёнокса под нынешним городом Северодвинском Архангельской области ученый мир узнал более ста двадцати лет назад из публикаций академика архитектуры В. В. Суслова — одного из первых исследователей отечественного деревянного зодчества¹.

С тех пор этот памятник не был обойден вниманием ни одним из фундаментальных исследований по русской архитектуре. Однако мнения разных авторов об архитектурных достоинствах Троицкой церкви долго оставались противоречивыми. Только исследования последних десятилетий, проводившиеся в связи с реставрацией уникального памятника, дали возможность определить его истинное место в русской деревянной архитектуре².

Село Нёнокса расположено на левом берегу одноименной речки, где она образует излучину в четырех километрах от Белого моря. Это одно из древнейших северорусских поселений. Точно датированное документальное свидетельство о нем содержится в Уставной грамоте великого князя Московского Василия Дмитриевича, посланной им на Двину в 1397 г.³ В XVI в. Нёнокса — крупный по тому времени посад, постоянное население которого состояло из государственных крестьян. Основными занятиями нёнокшан, приносящими большие доходы, были добыча соли, отправлявшейся на продажу в Холмогоры и другие города Русского Севера, а также морской промысел. Кроме крестьян, в Нёноксе жили служители и работники пяти северных монастырей: Николо-Карельского, Сийского, Соловецкого, Кирилло-Белозерского и Михайловского-Архангельского, которые имели там свои соляные варницы.

¹ Сулов В. В. Путевые заметки о севере России и Норвегии. СПб., 1888. С. 37–38; *Он же*. Памятники древнего русского зодчества. СПб., 1899. Вып. 5. Л. 13–14.

² Результаты начального этапа реставрационного исследования Троицкой церкви, которое выполнялось в 1990-х годах сотрудниками ООО «Архитектурно-реставрационный центр А. Попова», отражены в нашей статье: Шургин И. Н. Деревянная Троицкая церковь в селе Нёнокса // Троицкие чтения — 1997. Сборник научных исследований по материалам конференции. Большие Вязёмы, 1998. С. 83–100.

³ Шульман Ю. М. История посада Нёноксы. М., 1997. С. 36.

Первое известие о существовании церковного прихода в Нёноксе местные публикации девятнадцатого столетия относят к XVI в.⁴ Приходские церкви издавна располагались на возвышенности в центре села. В течение прошедших веков на этом месте взамен сгоревших или обветшавших храмов неоднократно строились новые. До наших дней сохранился архитектурный ансамбль из трех сооружений: холодной Троицкой церкви (1727–1730 гг.), теплой (с трапезной) Никольской (1763 г.) и колокольни (1834 г.)⁵.

Архитектурной жемчужиной ансамбля является Троицкий храм — единственная сохранившаяся деревянная постройка с пятью шатрами в завершении. Это большое и сложное ярусное сооружение. Его основание представляет собой восьмигранный сруб с четырьмя прямоугольными в размер граней прирубам, расположенными по сторонам света. Восточный прируб служит главным алтарем, северный и южный — придельными церквями, Успенской и Петропавловской. Оба придела имеют сравнительно небольшие прямоугольные прирубы для своих алтарей. В западном прирубе восьмерика размещается притвор. Центральный сруб несет подобный ему восьмерик, который уже и значительно ниже первого. Второй восьмерик имеет очень большой повал — плавное расширение верхней части. В основание повала упирается стропильная конструкция шатра, по высоте близкая своему двухъярусному восьмигранному основанию. Прямоугольные прирубы, не достигая высоты первого центрального сруба, переходят в восьмерики. У каждого из этих восьмериков три несоприкасающиеся грани являются продолжениями соответствующих стен нижнего яруса прирубов, а четвертая, обращенная к центральному срубам, опирается на специальный переруб в верхней части прямоугольного основания. (Таким образом, во втором ярусе прирубы отделены и «отодвинуты» от центральной части храма.) Четыре восьмерика заканчиваются повалами и несут, соответственно, четыре шатра, верхние отметки которых ниже середины пятого, центрального. Каждый из пяти шатров увенчан главой луковичной формы, с широкой шей и крестом. Алтари обоих приделов завершаются бочками. На уступе центрального сруба, образованном при переходе от основного восьмерика к верхнему, над бесприрубными стенами основания в верхний восьмерик врублены четыре так называемых «теремка». Это — прямоугольные срубки, завершенные бочками. Два таких же «теремка» врублены в основания юго-восточной и северо-восточной стен восьмерика главного алтаря (восточного прируба

⁴ Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1894. Вып. 1. С. 214.

⁵ Все датировки уточнены Е. Б. Заручевской.

Ил. 1. Храмовый ансамбль в селе Нёнокса.

На переднем плане — Троицкая церковь. Вид с северо-востока.
Фотография нач. XX в. (?). Выявлена Е. Б. Заручевской

здания). Главы, барабаны и шатры обиты соответствующих размеров лемехом. Уступы между ярусами срубов и в основании шатров накрыты полицами из досок. Досками также покрыты бочки алтарей и теремков. До начала производства реставрации Троицкой церкви в 2007 г. ее стены снаружи были закрыты обшивкой, сделанной в 1870 г.⁶

С запада в храм ведут два входа, центральный и боковой. Перед центральным (главным) входом к притвору был пристроен в 1870 г. дощатый тамбур. Перед боковым входом к южному приделу приставлен навес на столбах. Интерьер храма хорошо освещается большими окнами, расположенными в два яруса в цент-

⁶ ГААО. Ф. 29. Оп. 37. Д. 245. С. 182. Все архивные сведения об истории Троицкой церкви получены автором статьи от В.А. Крохина и Е. Б. Заручевской, за что автор их благодарит.

Ил. 2. Троицкая церковь. Интерьер. Вид на восток.
Фотография нач. XX в. (?). Выявлена Е. Б. Заручевской

ральной части и приделах и в один ярус — в алтарях. Основной восьмерик перекрыт «небом» — каркасной конструкцией пирамидальной формы. Брусья каркаса пирамиды равномерно расположены по периметру восьмерика. В основании пирамиды они врублены в стены, а в вершине — в обрубок очень толстого бревна. В данном случае этот обрубок играет роль замкового камня, как в каменных сводах. Брусья каркаса в поперечном сечении подобны перевернутой букве Т, то есть с боковыми уступами. На эти уступы опираются короткие тесины, заполняющие промежутки между брусьями. Со стороны, обращенной в общее молитвенное помещение, вся конструкция «неба» ровно обита досками с росписью, изображающей небесный свод с Господом Вседержителем в зените, евангелистами в основании и херувимами в остальной части. Главный алтарь, приделы и притвор горизонтально перекрыты бревнами, которые снизу стесаны. Бревна перекрытий опираются концами на стены, а в середине — на балку. Вдоль восточной, северо-восточной и юго-восточной стен центрального восьмерика, а также восточных сторон прирубов был поставлен сплошной иконостас. Иконы стояли в четыре яруса в главной церкви и в три яруса — в приделах. Перед иконостасом устроена общая солея с тремя амвонами у царских врат.

Ил. 3. Храмовый ансамбль в селе Нёнокса.
Справа — Троицкая церковь. Вид с юго-востока.
Фотография автора. 1989

Во время посещения Нёноксы в 1887 г. В. В. Суслов сделал обмер Троицкой церкви как наиболее интересной в ансамбле нёнокских памятников. Основываясь на рассказах жителей села об облике храма до его переделок в 1870 г. (разборка галереи с тремя крыльцами, растеска окон, обшивка сруба и др.), а также на материалах своего обмера, архитектор-ученый выполнил графическую реконструкцию первоначального вида церкви. На месте ее утраченных частей и деталей В. В. Суслов изобразил аналогичные, по его мнению, архитектурные элементы других, хорошо сохранившихся памятников. Работа В. В. Суслова по глубине и методике исследования была передовой в архитектурной реставрации конца XIX в. Долгое время его проект реконструкции нёнокского храма без оговорок принимался отечественными учеными.

В публикациях своих исследований Троицкой церкви В. В. Суслов особое внимание уделил устройству ее отдельных частей: стропильным шатрам, пирамидальному потолку-«небу», утраченной галерее-паперти, — а также расположению «теремов» с кокошниками у оснований шатров. Но собственно архитектурную характеристику памятнику его первый исследователь не дал, как и не высказался о месте пятишатрового нёнокского храма среди других деревянных церквей Севера. Такая позиция ученого вполне соответствовала уровню архитектурной науки конца XIX в. Когда появились публикации В. В. Суслова, боль-

шинство деревянных храмов оставалось неизвестным, и необходимо было время, чтобы собрать достаточно данных для сравнений и выводов.

Архитектурно-художественную оценку Троицкой церкви в Нёноксе попытались дать историки архитектуры в 1910-х гг. Первыми это сделали Ф. Ф. Горностаев и И. Э. Грабарь — авторы отдельного тома о деревянном зодчестве в Истории русского искусства⁷. Верно установив принадлежность нёнокского храма к крестообразным в плане постройкам, достигшим завершающей стадии своего развития, авторы все же не увидели в его архитектуре особых достоинств. Наоборот, они посчитали, что композиция из пяти шатров подчинена «освященному пятиглавию» и «совершенно уничтожает выразительность двух... приделов»⁸.

Однако уже в «Описании архитектурных памятников Архангельской губернии», составленном П. П. Покрышкиным и опубликованном в «Известиях Императорской археологической комиссии» через год после выхода труда Ф. Ф. Горностаева и И. Э. Грабаря, Троицкая церковь в Нёноксе названа «величественной»⁹.

М. В. Красовский, обобщивший результаты дореволюционных исследований отечественной деревянной архитектуры, первый высоко оценил архитектурные достоинства нёнокского храма. Исследователь причислил его «к лучшим памятникам нашего церковного строительства, как по своим прекрасным пропорциям, так и по деталям»¹⁰. Но вместе с тем, М. В. Красовский поддержал мнение Ф. Ф. Горностаева и И. Э. Грабаря о том, что пятишатровая композиция Троицкой церкви была создана в ответ на требование церковной власти завершать храмы пятью главами.

В 1920–1930-е гг. А. И. Некрасов в своих научных публикациях отрицал ведущую роль деревянных построек в процессе образования характерных шатровых форм отечественного зодчества¹¹ и не придавал значения архитектуре деревянных храмов.

⁷ *Горностаев Ф., Грабарь И.* Деревянное зодчество Русского Севера // *Грабарь И.* История русского искусства. М., [1910]. Т. 1. С. 394.

⁸ Там же. Побывав в Нёноксе в 1920 году, И. Э. Грабарь охарактеризовал церковь села как ансамбль памятников культуры, объединяющий в своем составе произведения не только архитектуры, но и древней иконописи, и декоративно-прикладного искусства (см.: *Грабарь И.* О древнерусском искусстве. М., 1966. С. 247).

⁹ ИИАК. Вып. 39. СПб., 1911. С. 121.

¹⁰ *Красовский М. В.* Курс истории русской архитектуры. Ч. I. Деревянное зодчество. Пг., 1916. С. 259–260.

¹¹ *Некрасов А.* Очерки по истории древнерусского зодчества XI–XVII вв. М., 1936. Эта книга обобщает предшествующие публикации ученого.

Однако в монографии «Русское деревянное зодчество», опубликованной в начале Великой Отечественной войны, вновь было заявлено о выдающемся значении деревянной части национального архитектурного наследия. Рассматривая, в частности, Троицкую церковь в Нёноксе, авторы монографии, во-первых, отметили историческую уникальность этого памятника (единственный представитель «редкого типа пятишатровых храмов»), во-вторых, указали на формальную связь его архитектуры с некоторыми другими храмами Севера. Но, несмотря на эти верные наблюдения, Троицкая церковь не получила в монографии достойной архитектурно-художественной оценки, авторы не нашли в ней «чего-либо нового с более простыми шатровыми церквями»¹².

В 1950-е гг. высокое качество архитектуры Троицкого храма косвенно отметил М. В. Алпатов. Он поставил этот памятник в один ряд с общепризнанными шедеврами деревянной архитектуры: Преображенской церковью (1714 г.) на острове Кижы и Успенской церковью (1774 г.) в городе Кондопога. При этом ученый обратил внимание на знаменательный факт: знаменитые деревянные церкви построены в тех же местах, где записаны и лучшие образцы народной словесности — былины¹³.

Конкретно на аналогичность планов церквей, Троицкой в Нёноксе и Преображенской на острове Кижы — общепризнанной вершины русской деревянной архитектуры, указал М. А. Ильин¹⁴.

П. А. Тельтевский, перечисляя памятники, которые обладают такими «общими чертами деревянного культового зодчества первой половины XVIII в.», как «живописность композиций, изящество и праздничность... архитектурного облика», назвал пятишатровый храм в Нёноксе вместе с трехшатровым Успенским собором (1711–1714 гг.) в Кемь и семнадцатиглавой Покровской церковью (1708 г.) в селе Анхимово¹⁵.

В это же время, то есть в 1950–1960-е гг., у многих исследователей оживился интерес к деревянной архитектуре как к самобытной родоначальнице распространенных форм отечественного

¹² *Забелло С., Иванов В., Максимов П.* Русское деревянное зодчество. М., 1942. С. 43, 134. Нейтральное отношение к Троицкой церкви в Нёноксе выражено и в некоторых изданиях 1950–1960-х гг., в частности: *История русской архитектуры. Краткий курс.* М., 1951; *Бартенев И., Фёдоров Б.* Архитектурные памятники Русского севера. М.; Л., 1968. С. 73–74.

¹³ *Алпатов М. В.* Всеобщая история искусств. М., 1955. Т. 3. С. 350.

¹⁴ *Ильин М. А.* Деревянное зодчество первой половины XVIII в. // *История русского искусства.* М., 1960. Т. 5. С. 283.

¹⁵ *Тельтевский П. А.* Архитектура 1700–1750-х гг. // *Всеобщая история архитектуры.* М., 1968. Т. 6. С. 186–187.

каменного зодчества. На основании письменных и иконографических источников эти исследователи, в частности, стремились доказать, что существуют прямые связи между сохранившимися на Севере шатровыми постройками XVII–XVIII вв. и сооружениями предшествующих столетий. Наиболее последовательно это мнение изложено Н. Н. Ворониным. Он обращается к нёнокской Троицкой церкви, чтобы ее реальным примером подкрепить свою мысль о существовании пятишатровых храмов с крещатым планом уже в XIII–XIV вв.¹⁶

В поисках конкретных источников пятишатровой композиции исследователи иногда ошибочно принимали за предшественницу нёнокской церкви постройку совершенно другого типа. В качестве таковой называлась «церковь, построенная Строгановыми в Сольвычегодске в самом начале XVII в.». Судя по рисунку, подкрепляющему процитированный текст, эта церковь действительно обладала пятью шатрами, но на едином прямоугольном в плане объеме, а не на крещатом основании¹⁷.

Малообоснованные представления о широкой распространенности на Севере «пятишатровых храмов-групп» задолго до постройки сохранившейся Троицкой церкви приводили к совсем уже баснословным утверждениям. В частности, о существовании в XVI в. в Великом Устюге собора, по архитектуре подобного нёнокской церкви, у которого центральный столп достигал высоты 70 м. Естественно, что после такого утверждения реальный Троицкий храм должен производить впечатление «сравнительно небольшого и приземистого сооружения»¹⁸.

Вместе с тем, идея происхождения формы каменного шатра от деревянных шатров привела ее сторонников к предположению о том, что на создание уникальной композиции многопридельного шатрового храма XVI в. — московского собора Покрова на Рву непосредственное влияние могли оказать его деревянные предшественники — многшатровые церкви типа все той же нёнокской. Наиболее подробно это суждение изложено в монографии Н. И. Брунова, написанной ученым задолго до ее выхода в свет¹⁹.

¹⁶ Воронин Н. Н. Зодчество северо-восточной Руси XII–XV веков. М., 1962. Т. 2. С. 220–222.

¹⁷ Чиняков А. Г. Архитектура второй половины XV — начала XVII в. // Всеобщая история архитектуры. М., 1968. Т. 6. С. 80–81. Деревянные храмы, изображенные на рисунке, сопровождающем текст А. Г. Чинякова, рассмотрены нами в статье: Шургин И. Н. Архитектурные особенности деревянных церквей Сольвычегодского уезда Вологодской губернии // Народное зодчество. Межвузовский сборник. Петрозаводск, 2010. (В печати.)

¹⁸ Шильниковская В. П. Великий Устюг. М., 1987. С. 61, 66.

¹⁹ Брунов Н. И. Храм Василия Блаженного в Москве. М., 1988. С. 61.

Ил. 4. Троицкая церковь.
«Замок» каркасной конструкции потолка-«неба». Вид снизу.
Фото В. П. Дренина. 2007

В систематизированном и обобщенном виде мнения авторов приведенных работ сводятся к следующим положениям. Одни исследователи обратили внимание на тесные связи Троицкой церкви в Нёноксе с современными ей памятниками деревянного зодчества. Другие увидели в ее архитектуре лишь вариации старых форм и конструктивных приемов в век строительства Петербурга. Третьи нашли корни ее планово-объемной композиции в деревянной архитектуре многовековой давности. Кроме того, было указано на косвенную связь пятишатровой нёнокской церкви с шатровыми каменными храмами XVI в., в частности, собором Василия Блаженного в Москве. Однако все упомянутые исследователи, даже те, кто ставил Троицкую церковь в один ряд с Преображенской на острове Кижь, не показали, в чем же конкретно состоят архитектурная индивидуальность и совершенство рассматриваемого памятника, а также в чем его сходство с многоглавым кижским шедевром.

Между тем, использование Троицкой церкви не по назначению, без элементарного ухода, в послереволюционное время, особенно в период Великой Отечественной войны и последующее

Ил. 5. Троицкая церковь. Зондаж западной стены притвора.
Фотография автора. 1995.
За обшивкой видна конструкция первоначального косячатого окна

Ил. 6. Троицкая церковь. Западное косячатое окно притвора. Вид в интерьере.
Фотография А. В. Никитина. 2005

Ил. 7. Троицкая церковь.

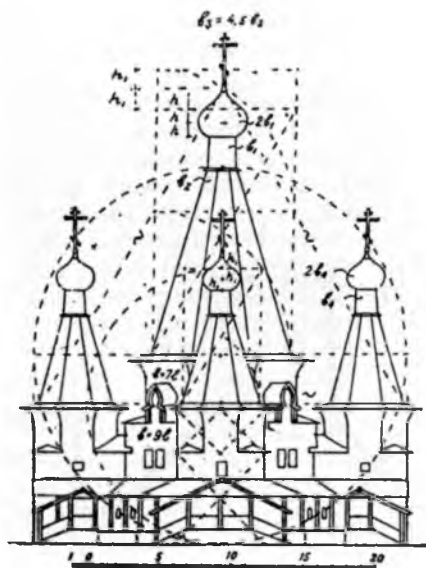
Зондаж западной стены северного придела. Фотография автора. 1995. В торцах бревен виден широкий вертикальный паз — след примыкания конструкции утраченной паперти

десятилетие, привели ее в предаварийное состояние. В 1960–1961 гг. под руководством реставратора из Петрозаводска В. А. Крохина проводился частичный ремонт храма, в основном — его завершений, обшивки и некоторых других элементов конструкции. В связи с реставрационными работами В. А. Крохин, впервые после В. В. Сулова, выполнил общий обмер и частичные натурные исследования Троицкой церкви в Нёноксе, выявил некоторые архивные материалы XIX в.

В процессе работы при вскрытии обшивки реставратору удалось получить новую информацию о переделанных и утраченных деталях и частях памятника. Оказалось, что в западной, северной и южной стене первого яруса притвора под обшивкой сохранились первоначальные окна верхнего света, косячатые по конструкции. В западных торцах бревен северной стены одного придела и южной другого остались вертикальные штрабы — следы примыкания утраченной галереи-паперти.

Полученные данные заставили В. А. Крохина внести изменения в суловский вариант реконструкции первоначального вида Троицкой церкви. Во-первых, заменить бочку над центральным входом галереи прямой двускатной кровлей — иначе верхнее окно в западной стене притвора, сохранившееся под обшивкой, оказывается закрытым и теряет функциональный смысл. Во-вторых, увеличить протяженность паперти до самых углов северного и южного прирубов, согласно следам ее первоначальных границ. В-третьих, сократить количество «теремков», по сравнению с проектом В. В. Сулова, до числа сохранившихся. Следов существования этих деталей, в данном случае декоративных, не обнаружилось на западных фасадах ни центрального столпа, ни прирубов.

Количество и расположение сохранившихся «теремков» выявляет логику их применения. Зодчий-строитель поместил эти декоративные детали только на восьмерик и алтарь главной церкви, тем самым обозначив ее особое функциональное и композиционное значение.

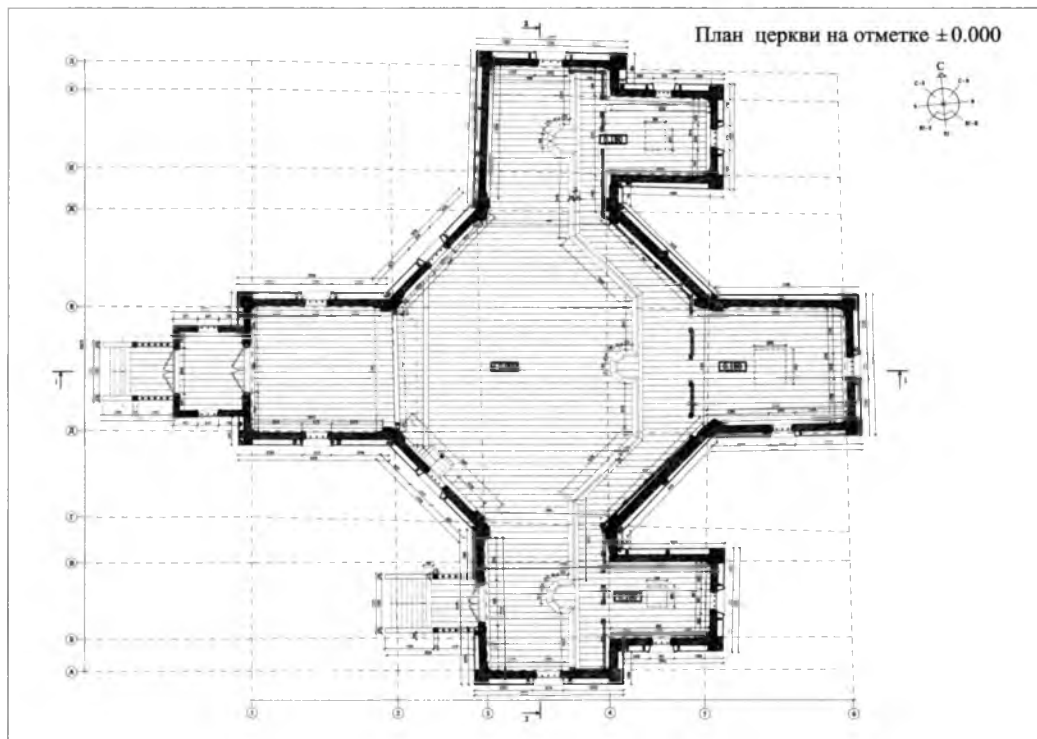

Ил. 8. Троицкая церковь. Западный фасад.
Реконструкция и пропорциональный анализ В. А. Крохина

Новую реконструкцию Троицкой церкви — чертеж ее западного фасада — В. А. Крохин опубликовал вместе с материалами своих пропорциональных исследований деревянных и каменных храмов²⁰. Реставратор сопоставил пропорциональную схему Троицкой церкви со схемами фасадов как близких ей по времени строительства деревянных церквей (Преображенской на острове Кизи и Успенской в Кемии), так и возведенных в XVI в. каменных храмов (св. Иоанна Предтечи в селе Дьяково и Покрова на Рву в Москве). В результате сопоставления В. А. Крохин пришел к выводу о сходстве построения архитектурной формы этих памятников независимо от строительного материала.

После фрагментарного ремонта 1960-х гг. никаких мер по поддержанию Троицкого храма не принималось более двадцати лет. К концу 1980-х гг. он, а также стоящие рядом с ним

²⁰ Крохин В. А. Системы построения формы в древнерусском деревянном зодчестве // Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры. М., 1976. Вып. 4. С. 197–245; Он же. Сравнение пропорциональных соотношений памятников деревянного и каменного зодчества // Архитектурное наследие и реставрация. М., 1984. С. 79–99.

Ил. 9. Троицкая церковь. План. Проект реставрации. 2005.
Архив ООО «КАРЭНСИ»

Никольская церковь и колокольня, пришли в аварийное состояние. В этот период к спасению ансамбля памятников Нёноксы приступил коллектив реставраторов под руководством А. В. Попова²¹.

Новые исследования Троицкой церкви начались в 1995 г.²² Их результаты в основном подтвердили обоснованность предложений В. А. Крохина о корректировке выполненного В. В. Сусловым проекта реставрации храма. Возникли сомнения только в обоснованности выбранной обоими исследователями конструкции паперти: каркасной, с тесовыми стенами. Эта часть памятника могла быть и в виде сруба, как, например, у Покровской церкви села Анхимово или Преображенской на острове Кижи, построенных ненамного раньше Троицкой церкви в Нёноксе.

Выявленные исторические источники не дают прямого ответа на вопрос, какой конструкции была паперть у Троицкого храма, каркасной или срубной? Сохранившаяся церковная опись 1842 г. сообщает лишь о том, что паперть — «полукружием низкая и узкая с 6 простыми окнами и окончинами стеклянными». Этот же документ приводит дополнительные сведения. Из паперти к северному, «Успенскому приделу двери не растворяются, ибо закреплены, по причине сделания тут кладовой для клажи разных церковных ветхостей»²³.

Вместе с тем, представляется, что процитированная церковная опись все же дает больше свидетельств в пользу срубной конструкции паперти. Так, в каркасных стенах окна делались чаще: либо в каждом прясле, либо через одно. Обычно они не имели окончин (то есть рам) и закрывались глухими ставнями. Обозначение в церковной описи конфигурации паперти — «полукружием» — указывает на ее пространственную форму, которая, возможно, была подобна паперти анхимовского храма.

²¹ К 1993 г. была отреставрирована колокольня. С 1994 по 2006 г. продолжалась реставрация Никольской церкви. Вся работа производилась на основе соответствующих времени и месту исторических плотничных технологий. (Воссозданная А. В. Поповым историческая плотничная технология была впервые применена им при реставрации церкви св. Дмитрия Солунского (1784 г.) в селе Верхняя Уфтюга Архангельской области. См.: *Попов А., Шургин И.* О воссоздании русской плотничной технологии XVII–XVIII вв. при реставрации церкви Дмитрия Солунского в селе Верхняя Уфтюга. М., 1992.)

²² В 1995 г. архитектурные исследования Троицкой церкви начала группа архитекторов-реставраторов в составе: В. В. Колтовая, А. В. Попов, И. Н. Шургин. (К тому времени Е. Б. Заручевской уже были собраны историко-архивные материалы о памятнике.) По независящим от исполнителей обстоятельствам, эта работа вскоре прервалась и возобновилась только почти через десять лет. На последнем этапе натурные исследования Троицкой церкви возглавил А. В. Никитин.

²³ ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 429. Л. 3–4.

Фасад в осях "Л-А".

Ил. 10. Троицкая церковь. Западный фасад. Проект реставрации. 2005.
Архив ООО «КАРЭНСИ»

Слева направо:

Ил. 11. Троицкая церковь. Продольный разрез. Проект реставрации. 2005.
Архив ООО «КАРЭНСИ»

Ил. 12. Троицкая церковь. Южный фасад. Проект реставрации. 2005.
Вариант без обшивки, со срубной папертью.
Архив ООО «КАРЭНСИ»

Факт устройства кладовой в северной части паперти, скорее, тоже свидетельствует о существовании у нее бревенчатых стен. При тесовых стенах в помещении задувало бы ветром снег, и сложенные в кладовой вещи промокали. Подкрепляют предположение о бревенчатой конструкции паперти и натурные данные. Это — сплошной широкий вертикальный паз в западных торцах бревен северной стены Успенского придела и южной стены Петропавловского. Подобные следы остаются в случае продольного наращивания бревен в стенах: в паз, вырубленный в торце одного бревна, вставлялся шип, вытесанный в торце другого для удлинения первого. (Если в этом месте ставился столб каркаса, то шип и паз в торцах бревен стены делались уже, или плотники обходились без соединения столба со стеной.) Срубная паперть не производит впечатления легкости и декоративности, которое свойственно тесовой конструкции. Паперть обретает вид, более соответствующей ей как части единого основания здания, которое во втором ярусе обладает развитым членением объема.

Результаты исследований Троицкой церкви в Нёноксе именно в 1995 г. помогли уточнить ее место и значение в истории русской деревянной архитектуры. Понять, какую роль в объемно-пространственной композиции памятника играют его пять шатров —

Ил. 13. Воскресенская церковь
в селе Селецкое. Восточный фасад.
Обмер Д. В. Милеева. Нач. XX в.

только ли в качестве оснований под пятиглавие или более значительную — помогает сравнение Троицкой церкви с памятниками, соответствующими ей по планово-объемной композиции и времени сооружения. В этом отношении наиболее близки нёнокскому храму две церкви: Богородицкая (1726 г.) в селе Заостровье и Воскресенская (1673 г.) в селе Селецкое (Сельцо)²⁴. При таком же, как у Троицкой церкви, типе плана — восьмерик с четырьмя прямоугольными, в размер граней, прирубами — они в разной степени отличаются завершениями прирубов.

Богородицкая церковь была однопрестольная. Ее прирубы, одноярусные, как и центральный восьмерик, завершались бочками. При этом храм венчала только одна глава над шатром. Селецкая Воскресенская церковь, как и нёнокская, имела три престола. Но шатровые восьмерики стояли у нее только на придельных, северном и южном прирубах. Западный же и восточный прирубы завершались бочками. Однако подобная композиция не помешала установке пяти глав, которые

венчали и шатры, и бочки Воскресенской церкви. Следовательно, вопреки мнению исследователей конца XIX — начала XX в., «освященное пятиглавие» могло быть сооружено и при меньшем числе шатров, чем у Троицкого храма в Нёноксе.

Дальнейшее сравнение нёнокского памятника с селецким показывает, что центральный восьмерик селецкой Воскресенской церкви был одноярусным, и что шатровые восьмерики над прямоугольными прирубами стояли очень близко к нему. Вследствие

²⁴ Соответственно, Виноградовского и Холмогорского районов Архангельской области. Обе церкви не сохранились. См. о них: *Забелло С., Иванов В., Максимов П.* Русское деревянное зодчество. М., 1942. С. 94, 133.

этого объемная композиция Воскресенской церкви в Селецком характеризуется слитностью и вытянутостью вверх. В Троицком храме села Нёноксы, за счет уменьшения площади второго яруса центрального столпа и сдвинутости к внешнему краю восьмериков на прирубках, создается пространственный образ четырех отдельных одинаковых объемов, расположенных вокруг большего пятого. Как бы пять обособленных церквей, стоящих на общем основании.

Среди известных храмов нет прямой композиционно-образной аналогии Троицкой церкви в Нёноксе. Построенный в 1590-х гг. деревянный шестишатровый Успенский собор Вятского Трифонова монастыря (вероятно, один его шатер возвышался над главной церковью и пять — над приделами) сгорел в середине XVII в. О его облике известно только из письменных источников первой половины семнадцатого столетия²⁵. Каменный пятишатровый Борисоглебский собор в Старице (построен в 1558–1561 гг., окончательно разобран в 1804 г.), вид которого известен по рисункам и чертежам, сделанным перед разборкой, имел не такой, как у нёнокской церкви, архитектурный образ. Шатровые восьмерики его приделов не отступали от центрального столпа, а примыкали к нему²⁶.

Сходство выявляется только при сопоставлении пятишатрового нёнокского памятника с собором Покрова на Рву в Москве. Именно в этом знаменитом московском храме впервые была создана уникальная центрическая плано-объемная композиция. В середине единого основания поставлена главная, самая большая по объему Покровская церковь и вокруг с некоторым отступлением от нее — меньшей величины восемь приделов. Центральный восьмигранный объем Покровской церкви завершается шатром, а восьмерики приделов — ярусами кокошников и широкими световыми барабанами с главами.

По словам А. Л. Баталова, собор Покрова на Рву — «новый для русской архитектуры тип сооружения. Девять отдельно стоящих столпов Покровского собора, каждый из которых сохранял при этом значение самостоятельного храма, выраженное в объемно-пространственном построении, были компонентами единого архитектурного организма. В соборе Покрова на Рву был впервые создан тип многопридельной центрической композиции, динамически нарастающей к центру. Он явился образцом для ряда построек...»²⁷.

²⁵ Рузаева Е. И. К вопросу о многопрестольности в русском деревянном зодчестве конца XVI века (Успенский собор Трифонова Вятского монастыря) // Архив архитектуры. М., 1997. Вып. IX. С. 174–187.

²⁶ Ильин М. А. Русское шатровое зодчество. Памятники середины XVI века. М., 1980. С. 85–96. Ил. 1–3.

²⁷ Баталов А. Московское каменное зодчество конца XVI века. М., 1996. С. 131–132.

Целесообразен вопрос: был ли новым именно в деревянной архитектуре прием расположения шатровых восьмериков, осуществленный в нёнокском храме, или, наоборот, в нем повторена издавна известная композиция? Ответить на этот вопрос помогает результат сопоставления Троицкой церкви в Нёноксе с Покровской в селе Анхимово под Вытегрой²⁸. Их планы почти совпадают, различаясь только в конфигурации алтарей: у Покровского храма, тоже трехпрестольного, они «круглые», то есть пятигранные, а не прямоугольные. Совпадает и композиционный прием ярусного построения объемов: у обоих храмов и центральный восьмерик, и прирубы — двухъярусные. Но, несмотря на эти общие признаки, в целом ни композиционного, ни образного сходства у памятников нет.

В Покровской церкви у каждого из прирубов второй ярус был не восьмигранный, а прямоугольный, как и первый, и завершался главой на барабане, а не шатром. У каждого из прирубов второй ярус не отрывался от центрального объема, но, наоборот, прирубался к нему. Верхний же ярус центрального восьмерика был замаскирован прихотливым контуром бочек, которые непрерывной цепью накрывали уступ сруба нижнего восьмерика, а также ожерельем глав, «прораставших» из бочечных вершин. Завершался верхний восьмерик крещатой бочкой, в центре которой возвышалась на барабане большая, по сравнению с остальными, глава. В целом Покровский храм представлял собой единый ступенчато-пирамидальный объем.

И все же при разной художественной образности в архитектуре Троицкой и Покровской церквей использованы одни и те же композиционные принципы построения формы, которые стали характерны для деревянной архитектуры только с рубежа XVII–XVIII вв. Это — круговая симметрия повторяемых элементов (одинаковые шатровые восьмерики, в одном случае — по-ярусно одинаковые бочки, и главы — в другом) при ярусном построении объемов.

Наконец, убедительнее всего о новизне решения композиционной задачи свидетельствуют индивидуальные особенности Троицкой церкви — они были выявлены нами при сопоставлении храмов в Нёноксе и Селецком. В связи с этим уместно напомнить о том, что, по наблюдению Ф. Ф. Горностаева и И. Э. Грабаря, казалось бы, небольшие изменения в некоторых конструкциях и формах Покровской церкви под Вытегрой привели к созданию Преображенской на острове Кижь. К таким изменениям, присущим архитектуре знаменитого кижского па-

²⁸ В прошлом Вытегра была уездным городом Олонецкой губернии, ныне — районный центр Вологодской области. Покровская церковь в селе Анхимово сгорела в 1960-х гг.

Ил. 14. Покровская церковь в селе Анхимово. 1708 г.
Вид с северо-запада. Фотография нач. XX в.

мятника, относятся: замена крещатой бочки восьмериком под центральной главой и устройство под новым восьмериком четырех бочек с главами.

Если поставить на место этих двух заонежских храмов, соответственно, церкви в Селецком и Нёноксе, то окажется, что

Ил. 15. Преображенская церковь на острове Кижы
в Республике Карелия. 1714 г. Вид с юго-востока.
Фотография автора. 2007

осуществленное в Троицкой церкви разделение центрального столпа на два разновеликих яруса и небольшое перемещение от него шатровых восьмериков позволили получить совершенно новое, индивидуальное композиционное решение шатрового храма. Был создан уникальный для деревянного зодчества архи-

тектурный образ — во многом подобный собору Покрова на Рву (храму Василия Блаженного) в Москве ²⁹.

В 2005 г. был выполнен проект реставрации Троицкой церкви в Нёноксе ³⁰. К производству работ был утвержден вариант, по которому не восстанавливается паперть, и сруб здания снаружи горизонтально обшивается досками. Обоснованием концепции утвержденного проекта реставрации послужили следующие аргументы.

Оказалось, что недостаточно данных, необходимых для реального восстановления паперти, разобранной в 1870 г. Во-первых, остается неизвестной конструкция паперти: она была каркасная с тесовыми стенами или срубная? На самом памятнике остались следы только от тех деталей утраченной паперти, которые присутствуют как каркасной, так и срубной конструкции. Это гнезда-врубки вершин кровельных стропил, а также верхних балок, обеспечивавших пространственную жесткость стенам. Во-вторых, эти следы не позволяют точно построить конфигурацию кровли и, следовательно, плана паперти. В-третьих, нет точных сведений о ширине паперти. К тому же, неизвестно, как располагались ее окна, которых, по описи 1842 г., было шесть. Наконец, нет никаких сведений о внешнем виде и устройстве крылец. (Последнее обстоятельство позволило, например, В. В. Суслову и В. А. Крохину по-разному реконструировать крыльца.)

Кроме того, большинство сохранившихся оконных проемов увеличено. Для восстановления их первоначальных размеров потребовалось бы заменить много подлинных бревен.

В настоящее время после разборки и переборки сруба, а также других элементов конструкции памятник восстанавливается на своем месте в Нёноксе.

²⁹ Уже после выхода в свет первого варианта нашей статьи о Троицком храме (см. примечание 2 к настоящей публикации), В. П. Орфинский отметил: «Облик Троицкой церкви в Нёноксе вызывает отчетливые ассоциации с собором Покрова на Рву, основанные на однотипных композиционных особенностях — центричности слитно-расчлененной группировки башен, симметричной по отношению к продольной оси (при дисимметрии к оси поперечной). (Орфинский В. П. Собор Покрова на Рву и его аналоги (О взаимовлияниях деревянного и каменного храмостроительства на Руси) // Народное зодчество. Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1999. С. 63–64.) Однако вопрос: посредством каких архитектурно-конструктивных приемов были достигнуты уникальные композиционные особенности памятника? — известный исследователь деревянной архитектуры по-прежнему оставил без ответа.

³⁰ Архив ООО «КАРЭНСИ». Шифр 121. Архивный № 1997.

ТРОИЦКАЯ ЦЕРКОВЬ НА ЮРЬЕВОЙ ГОРЕ

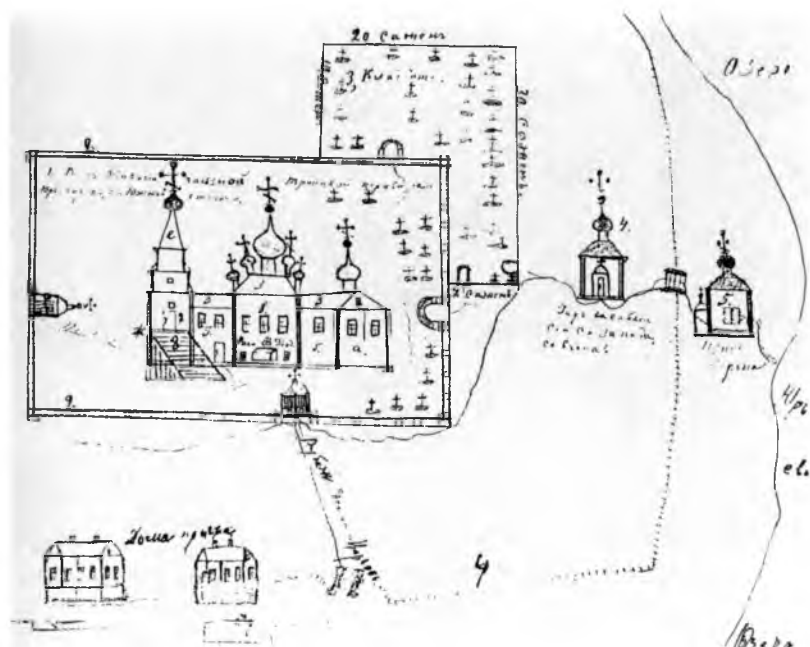
Реконструкция архитектурного облика

Юрьегорская пустынь была, пожалуй, самой удаленной и труднодоступной обителью Русского Севера. Она находилась на берегу озера Монастырское (Онежский район Архангельской области) — одного из небольших озер, объединенных течением реки Илексы, впадающей в Водлозеро. Пустынь была основана в начале XVII в. иноком Диодором (в миру — Дамианом). По преданию, Диодор, придя на Водлозеро, побывал в деревнях Коскосалма и Гостьнаволоок, но, будучи недружелюбно принятым местными жителями, отправился вверх по Илексе. Место, называемое Юрьевой горой, расположено примерно в 60 км от устья. Возвышение здесь небольшое, но окруженное болотистыми равнинами, заметно выделяется в окружающем пространстве и выглядит действительно как гора. Сначала была устроена келья-землянка. Позже, когда вокруг основателя собралась братия, появились и другие постройки. Известно, что в конце 1620-х гг. была срублена церковь. Об ее архитектуре никаких сведений не сохранилось. Последняя юрьегорская Троицкая церковь была построена в 1796 г. как приходская: монастырь к тому времени был уже упразднен.

Сохранились три чертежа XIX в., на которых изображены постройки Юрьевой горы¹. По первому из них можно представить состав и облик всех приходских построек. В общих чертах показан округлый мыс, с трех сторон омываемый озером, которое здесь названо Юрьевым. Почти весь мыс занимает огороженная территория «церковной земли». Вдоль ограды на берегу стоят два дома причта — одинаковые одноэтажные строения под двухскатными крышами. Судя по вытянутой форме и наличию двух печных труб, в каждом из домов было по две жилых избы с сенями посередине.

В центре участка показана церковь, которая непосредственно окружена еще одной оградой, имеющей правильные прямоугольные очертания. На плане она изображена двумя параллельными линиями, углы акцентированы квадратами. Это позволяет предполагать, что ограда была рубленая с башенками на углах.

¹ Копии рассматриваемых чертежей, хранящихся в Государственном архиве Архангельской области, предоставлены автору сотрудниками НП «Водлозерский» О. В. и Н. В. Червяковыми.

Ил. 1. Земельный участок и строения Юрьегорского прихода. Чертеж. XIX в.

Парные поперечные линии, ритмично идущие по всему периметру, должны означать перерубы. Ограда имела четверо ворот или калиток, выходящих на все четыре стороны. Сама церковь изображена схематично, но общее решение ее понятно: основной четверик завершен пятиглавием, алтарь прямоугольный с двухскатным покрытием и главкой, с запада — трапезная и вплотную к ней поставленная колокольня с шатровым верхом.

К северо-восточному углу церковной ограды примыкает отдельно огороженный участок с кладбищем. К востоку от Троицкой церкви показаны еще две постройки — часовни. Одна — поставленная над кельей-землянкой основателя монастыря, другая — надкладезная, расположенная на берегу озера. На запад от церковной ограды обозначена тропа, ведущая к небольшому Заднему озеру, соединенному с Юрьевым озером Новой речкой. Здесь на чертеже показан крест, поставленный на месте избиения Диодора одним из недовольных монахов, завершившегося чудесным выздоровлением преподобного и прощением виновного.

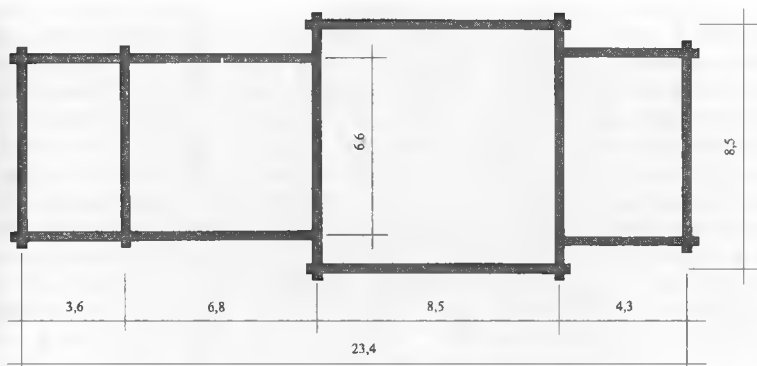
Прежде чем рассматривать два других чертежа, где церковь показана более подробно, обратимся к материалам натурного

Ил. 2. Место, где стояла Троицкая церковь.
Фотография автора

обследования. Сейчас бывшая деревня Юрьева гора не менее труднодоступна, чем раньше. В декабре 2007 г. с помощью сотрудников национального парка «Водлозерский» автору удалось побывать на месте. На берегу стоит несколько жилых и подсобных строений, оставшихся от деревни. Церковные постройки утрачены, но в некоторых местах можно обнаружить их следы. Местоположение домов причта угадывается ориентировочно. Возвышение — «Юрьева гора», куда от берега ведет тропа, по склонам окружено искусственным валом, высотой не более метра, очевидно, бывшим основанием ограды, правда, отнюдь не прямоугольных очертаний. На вершине — ровная площадка с остатками нижних венцов, очерчивающих план церкви. На месте алтаря — простой деревянный крест на небольшом срубе, поставленный в 2000 г. сотрудниками парка и жителями бывших на Илексе деревень.

В мае 2004 г. исследователем-энтузиастом В. И. Казаковым были произведены обмеры основания церкви. Им же яма на восточном склоне была идентифицирована как остаток часовни, стоявшей на месте кельи-землянки, где обнаружен частично сохранившийся нижний венец размером примерно 3×3 м. Также были найдены следы еще нескольких строений, в частности восьмигранный в плане венец (в поперечнике около 4 м) на берегу

Ил. 3. План окладного венца Троицкой церкви 1796 г.
По обмерам В. И. Казакова

Новой речки, очевидно, оставшийся от креста-часовни на месте избиения Диодора. Наибольший интерес представляют обмеры нижних венцов церкви. Основу постройки составлял квадратный в плане сруб с длиной стороны 8,5 м. К нему примыкал меньший по ширине прямоугольный алтарь и трапезная с папертью. Общая длина здания составляет 24 м.

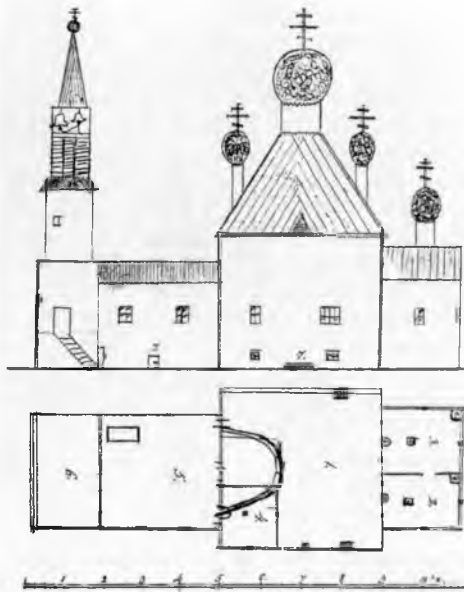
Возвращаясь к чертежам юрьегорской церкви, на втором из них (1847 г.) мы видим отчетливо изображенный план с прилагаемой масштабной линейкой. Все указанные размеры совпадают с материалами обмеров с точностью до 0,2 м. По чертежу прочитывается внутренняя структура храма. В алтарном прирубке, разделенном продольной стеной на две части, было два престола — во имя Троицы и Введения. Еще один престол был выгорожен в юго-западном углу основного сруба с входом из трапезной. Церковь имела высокий подклет, где находилась усыпальница преп. Диодора. На третьем чертеже изображен южный фасад, частично совмещенный с разрезом и восточным фасадом, и очень бегло — план. Указанные на плане размеры в целом близки обмерным данным, но округлены в большую сторону (до $\frac{1}{2}$ сажени). Не исключено, хотя маловероятно, что здесь использована маховая сажень (около 1,77 м). По фасаду-разрезу мы можем уточнить, что основной храм был «холодный», т. е. не отапливаемый, а трапезная с приделом свв. Зосимы и Савватия — «теплой». В усыпальнице, занимавшей подклет основного сруба, на «полуденной стороне» стояла гробница, отмечавшая место захоронения святого. Войти в усыпальницу можно было через дверь на южной стене трапезной. Вход в церковь осуществлялся также с южной стороны через паперть, куда вела широкая лестница.

Объемное архитектурное решение Троицкой церкви, показанное на всех трех чертежах, в целом не противоречиво, но различается в некоторых деталях. Основной сруб — четверик, по пропорциям приближенный к кубическому объему. Покрытие его четырехскатное, сомкнутое. На одном чертеже уклон покрытия достаточно крутой (около 45%), на другом — более пологий. Центральная глава крупная, по величине заметно преобладающая над четырьмя боковыми. На южной стене основного сруба по первому этажу везде показаны два небольших окна, по второму этажу — на одном изображении два разновеликих окна, на другом — три. Одно из окон второго этажа принадлежало престолу свв. Зосимы и Савватия. Поэтому наиболее вероятно, что обширное молитвенное помещение освещалось с юга двумя окнами, тем более, что на северной стене на плане показано лишь одно сдвоенное окно. В каждом из помещений алтарного прируба показано три дверных проема.

Больше всего вопросов вызывают высотные размеры. На третьем рассматриваемом чертеже указана высота алтарного прируба — 5 сажень и высота основного сруба — 6 сажень. Сама по себе подобная высота основного сруба возможна, но трудно представить, как могло уместиться двухскатное покрытие алтаря шириной около 7 м в одну сажень по высоте. Во всяком случае, прямоугольный алтарный прируб высотой почти 9 м (даже если принять версию, что сажень на этом чертеже составляет 1,77 м) с очень пологим двухскатным покрытием, очевидно, выглядит неправдоподобно.

Величина алтаря, согласно обмерам, 6,6×4,4 м. По подклету алтаря продольного переруба, по-видимому, не было: его остатков не зафиксировано в натуре и на двух чертежах, где просматривается восточный фасад, стена между престолами показана только по второму этажу. В подклете алтарного прируба на третьем чертеже показаны маленькие окна, по одному на каждой стене. На других чертежах здесь окон не изображено вообще. Так как это помещение должно было освещаться и проветриваться, можно предполагать наличие волоковых окон. По второму этажу алтарного прируба на всех чертежах мы видим по два средней величины окна, освещающих оба престола.

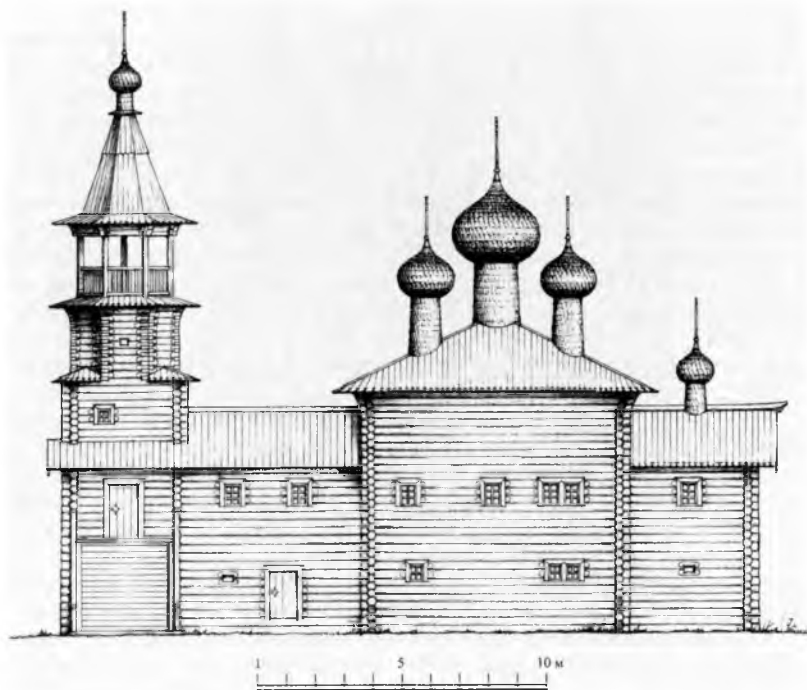
Трапезная, по сравнению с основным срубом, была небольшая — примерно 6,2×6,8 м. В северо-западном углу стояла печь, соответственно и окна — на северной стене — одно, на южной — два. В подклете трапезной, который служил проходом в усыпальницу, тоже должны были существовать окна, но ни на одном чертеже они не показаны. Наверное, здесь могли быть два-три волоковых окна, как в подклете алтаря. Сени, по ширине равные трапезной, являлись основанием для колокольни. Последняя, изображенная на чертежах наименее отчетливо, состоит из нескольких

Ил. 4. Троицкая церковь Юрьегорского прихода. Чертеж. 1847

Ил. 5. Троицкая церковь. Чертеж. XIX в.

Ил. 6. Троицкая церковь. Южный фасад.
Реконструкция автора

ярусов, верхний из которых на одном из чертежей показан восьмигранным. Открытый ярус звона был огражден штакетником или балясинами. По чертежам не совсем понятно, как постановка колокольни сопрягается с покрытием трапезной. На основании известных примеров надстроенных над сенями колоколен можно с уверенностью полагать, что четверик колокольни поперечными стенами опирался на соответствующие стены сеней и поднимался над единым для трапезной и сеней двухскатным покрытием.

Обращает внимание то, что на чертеже 1847 г. оконные проемы показаны небольшие, разной величины (одинарные и двойные) и неравномерно размещенные. На двух других чертежах, даты которых не указаны, оконные проемы изображены высокими, одинаковыми по величине и с равными промежутками. Увеличение, упорядочение по величине и размещению оконных проемов нередко происходило в результате перестроек (поновлений) во второй половине XIX — начале XX в., чего, наверное,

не избежала и Троицкая церковь. Возможно, на чертеже 1847 г. мы видим первоначальные оконные проемы.

Несколько необычна входная лестница. На двух чертежах она показана одновсходной шириной во всю стену сеней (около 3,6 м) с ограждением, но без покрытия. На чертеже 1847 г. лестница изображена неширокой, но тоже без покрытия. Открытая широкая лестница, наверное, представлялась прихожанам парадной и торжественной, но в эксплуатации она была достаточно неудобна — требовала частых ремонтов. Лестница, изображенная на чертежах, по-видимому, не первоначальная. Не исключено, что при постройке церкви вход был решен в традиционных для деревянного зодчества формах, а потом оказался перестроенным; как бы то ни было, сведений об этом не имеется.

Как видим, рассмотренные графические источники XIX в. в совокупности с натурными материалами дают очень много информации об архитектуре юрьегорской Троицкой церкви. Для уточнения деталей, таких как покрытие основного объема, структура столпа колокольни, попытаемся обратиться к аналогам. Кроме того, сопоставление Троицкой церкви с близкими по архитектуре деревянными храмами позволит выявить ее характерные особенности.

Массивные четвериковые в основании деревянные церкви представляют сравнительно редкий тип. Среди примеров подобных сооружений — Михаило-Архангельский собор в Шенкурске 1681 г. (утрачен)², Спасо-Преображенская церковь в деревне Ижма конца XVII — начала XVIII в. Их решение, очевидно, ориентировано на образ канонического пятиглавого каменного храма. Ряд таких церквей был возведен в Поморье. Это Никольская и Введенская церкви в селе Ворзогоры 1636 и 1793 гг.³, Никольская в селе Сумы 1767 г. (утрачена)⁴, Сретенская в деревне Малошуйка 1873 г., Климентовская в деревне Нижмозеро второй половины XIX в. (утрачена). Близкое местоположение перечисленных поморских церквей и их количество позволяет говорить о принадлежности к единой традиции, существовавшей здесь в XVII–XIX вв. По решению основания и общему пропорциональному строю им близки Рождественская церковь в селе Пурнема 1860 г. и Преображенская в деревне Нименьга 1878 г., которые отличаются несколько иным характером завершения. Примечательно, что эта традиция оказалась очень устойчивой и в течение всего XIX в., когда в архитектуре деревянных церквей происходили радикальные изменения.

² Забелло С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество. М., 1942. С. 190.

³ ИИАК. Вып. 41. СПб., 1911. С. 95–96.

⁴ ИИАК. Вып. 36. СПб., 1910. С. 144.

Ил. 7. Село Ворзогоры.
Никольская церковь 1636 г. и Введенская церковь 1793 г. (вдали).
Фотография нач. XX в.

Ил. 8. Никольская церковь (слева) в Сумском посаде. 1767 г.
Фотография нач. XX в.

Ил. 9. Сретенская церковь в деревне Малошуйка. 1873 г.
Фотография М. Чураковой

Местоположение юрьегорской церкви тяготеет к поморской группе аналогичных построек. Илекса течет с севера на юг и не связана прямым водным путем с Беломорьем, но берет свое начало близ истоков рек Нюхчи и Малошуйки, несущих свои воды в море. Бассейн Илексы, находясь в стороне от основных торговых путей, всегда был краем малонаселенным. В административном отношении Юрьева гора в XVI–XVII вв. принадлежала Каргопольскому уезду, но расстояние отсюда до Каргополя чуть не вдвое больше, чем до Поморского берега. Традиции Поморья, по-видимому, здесь имели большее влияние, чем традиции Каргополья. Характерный пример синтеза различных местных традиций — ближайшая к Юрьевой горе церковь Ильинско-Водлозерского погоста 1798 г., которая также находится на территории, некогда входившей в Каргопольский уезд. Заимствованные из архитектуры Поонежья решения в этой постройке оказались сильно видоизменены и соединены с приемами, свойственными северо-восточному Прионежью⁵.

⁵ Бодэ А. Б. Ильинская церковь Ильинско-Водлозерского погоста в контексте развития храмостроительных традиций Русского Севера // Сборник по материалам конференции «Водлозерские чтения — 2007». Петрозаводск, 2008 (в печати).

Ил. 10. Ильинская церковь на Водлозере. 1798 г.
Фотография автора

Графически реконструируя Троицкую церковь, высотные размеры здания мы определяем по вышеперечисленным аналогам, а также ориентируясь на рассмотренные чертежи, где основной объем близок к кубическому. Среди поморских аналогов мы не находим ни одного примера башнеобразного решения основного сруба, каким он получается, если верить размерам, указанным на третьем чертеже.

В устройстве покрытия юрьегорской церкви остается неясным уклон. Среди аналогов крутой уклон кровли имеет только церковь в Ижме. Но ижемская постройка обладает ярко выраженным индивидуальным решением, сложившимся в результате

Ил. 11. Спасо-Преображенская церковь в деревне Ижма. 1679, 1717 гг.
Фотография автора

реконструкции начала XVIII в.⁶ и к тому же значительно удалена от Илексы. Все близлежащие поморские церкви имеют примерно одинаковый (около 30%) уклон покрытия. Наверное, и на церкви Юрьевой горы предполагать что-либо иное было бы неправильно. Для рассматриваемых поморских храмов очень характерно подчеркнутое выделение по величине центральной главы. Боковые главы, изображенные на чертежах юрьегорской церкви, по пропорциям более всего напоминают такие же поставленные на длинные шеи боковые главы Ильинской водлозерской церкви.

⁶ Ополовников А. В. Сокровища Русского Севера. М., 1989. С. 177–178.

Ил. 12. Никольская церковь в деревне Сырья. 1867 г.
Фотография автора

Неясно также наличие повала на основном срубе. Повалы присутствовали в решении ворзогорских церквей, на Водлозере. Вместе с тем на аналогичных церквях в Сумах, Малошуйке и ряде других их нет. На одном из чертежей Троицкой церкви изображено некое подобие повала: на этом основании и с учетом близости водлозерской церкви предполагается, что повал был.

Колокольня юрьегорской церкви, как мы представили по старинным чертежам, поднималась над сенями и включала четверик, восьмерик и ярус звона, покрытый шатром. Объединение церкви и колокольни в одно здание в деревянном зодчестве получило распространение в XVIII–XIX вв. Такая компоновка осуществлялась двумя путями. На примере обонежских построек мы видим, что это делалось не сразу: колокольня, будучи поставленной на одной оси с церковью, позже соединялась сенями или переходом. Примером тому Варваринская церковь в деревне Яндомозеро, Никольская церковь (первоначально часовня) в селе Вегорукса, Ильинская церковь Ильинско-Водлозерского погоста. Иной вариант объединения церкви с колокольной представлен одновременно возведенными сооружениями, которые, надо сказать, на Севере так и не получили широкого распространения. Среди подобных примеров можно упомянуть Успенскую

церковь в Кондопоге⁷, Богоявленскую в Челмужах⁸, церковь Спасозерской пустыни⁹. В деревянном зодчестве Русского Севера устойчивым традиционным приемом оставалось возведение отдельных колоколен. Больше всего примеров одновременного строительства церквей, объединенных с колокольней, относится к XIX в. В это же время появилось большое количество часовен со звонницами. Судя по чертежам Троицкой церкви и зафиксированной в натуре форме плана, нет оснований полагать, что колокольня позднейшая. Скорее всего, она была построена одновременно с церковью.

Если обратиться к аналогам церкви с колокольней на Юрьевой горе, то, не найдя ни одного примера на Поморском берегу, ближайшим из них будет Никольская церковь в деревне Сырья 1867 г. на нижней Онеге. В этой постройке колокольня возвышается над сенями, примыкающими к широкой трапезной, и состоит также из восьмерика на четверике и яруса звона, завершенного куполом со шпилем. Форма основания колокольни, состоящего из высокого четверика, переходившего в низкий восьмерик, традиционна для зодчества Поморья и нижней Онеги. Есть предположение, что на формирование этого типа колоколен оказали влияние шатровые храмы с основанием в виде восьмерика на четверике, преобладавшие здесь примерно в середине XVII в.¹⁰ Самые ранние зафиксированные примеры подобных колоколен относятся к концу XVII — началу XVIII в. (в деревне Унежда¹¹, на погосте Усть-Кожа¹²). Первоначальные шатровые завершения с первой четверти XIX в. стали перестраиваться и заменяться куполами со шпилями (колокольни в селах Верховье, Турчасово, Подпорожье). Структура колокольни юргорской церкви в соответствии с традициями Поморья и нижней Онеги, по-видимому, сочетала высокое прямоугольное основание (включающее и сруб сеней) и небольшой восьмерик.

⁷ Ополовников А. В. Русское деревянное зодчество. Памятники шатрового типа. Памятники клетского типа и малые архитектурные формы. Памятники ярусного, кубоватого и многоглавого типа. М., 1986. С. 13–24.

⁸ Относительно датировки и строительной истории церкви в Челмужах существуют разные мнения. (См.: Орфинский В. П. Особенности деревянного культового зодчества Карелии // Архитектурное наследство. Вып. 31. М., 1983.) Дошедшая до наших дней постройка, включающая церковь и колокольню, представляет единое конструктивное целое, сформировавшееся во второй половине XVIII в.

⁹ ИИАК. Вып. 52. СПб., 1914. С. 116.

¹⁰ Бодэ А. Б. Деревянное зодчество Русского Севера. Архитектурная сокровищница Поонежья. М., 2005. С. 159–164.

¹¹ Памятники древнего русского зодчества / Сост. В. В. Суслов. Вып. 1. СПб., 1895. Табл. 1–18.

¹² Забелло С., Иванов В., Максимов П. Указ. соч. С. 148.

Троицкая церковь представляет редкий и довольно ранний для Русского Севера пример объединения церкви и колокольни сразу при строительстве. Вместе с тем, колокольня юрьегорской церкви выделяется тем, что ее завершение не было перестроено в соответствии со вкусами XIX в., как это было сделано на ближайшей колокольне Ильинско-Водлозерского погоста.

Таким образом, сопоставление исторических источников с натурными данными и аналогичными известными объектами дает возможность графически реконструировать Троицкую церковь. Как мы видим, юрьегорская церковь, находясь на территории, историческими водными путями связанной с Обонежьем, административно длительное время подчиненной Каргополью, а географически тяготеющей к Поморью, по своему архитектурному решению оказывается ближе всего к поморским традициям. Масштаб постройки свидетельствует о том, что в свое время Юрьева гора даже после упразднения монастыря имела немало важное значение в религиозной жизни края. Захоронение преп. Диодора, несомненно, было местом паломничества.

Проделанная работа по изучению и воссозданию архитектурного облика Троицкой церкви имеет и практическое значение. Сейчас разрабатывается проект религиозно-мемориального комплекса «Юрьева гора». Проект подразумевает строительство церкви, кельи-землянки Диодора, памятного креста-часовни, изб-приютов, и т. п. В условиях труднодоступности и ограниченной посещаемости Юрьевой горы воссоздание церкви 1796 г. нецелесообразно и экономически невозможно. Но память о ней может быть запечатлена в виде окладного венца, уложенного на том же месте и точно повторяющего очертания ее плана. Фиксация оснований древних каменных зданий широко применяется в практике сохранения объектов культурного наследия. Правда, в дереве подобные приемы не использовались. В данной ситуации окладный венец Троицкой церкви, не являющийся подлинным, но только фиксирующий подлинные размеры старинной постройки, может обновляться по мере старения.

Чтобы отметить место захоронения преп. Диодора и почтить его память внутри окладного венца церкви 1796 г. предполагается постройка небольшого деревянного храма. Бревна окладного венца старой церкви могут служить и лавками, и своего рода ограждением околохрамового пространства для проведения разного рода встреч на открытом воздухе.

АРХИТЕКТУРНЫЙ АНСАМБЛЬ УНЕЖЕМСКОГО ПРИХОДА

История строительства

Никольская церковь в заброшенном поморском селе Унежма Онежского района Архангельской области не признана архитектурным шедевром. Ей далеко до таких жемчужин деревянного зодчества, как Преображенская церковь в Турчасово, Владимирская в Подпорожье, Вознесенская из Кушереки, перевезенная в музей «Малые Корелы», других храмов Поморья и нижней Онеги. Малочисленный Унежемский приход не мог соперничать с более населенными и, соответственно, более богатыми соседями. Небольшая по размерам и сравнительно простая по форме и декору, унежемская церковь, по выражению С. В. Максимова, «скорее часовня, чем церковь». Тем не менее, она по-прежнему является композиционным центром села, его наиболее значимым объемно-планировочным элементом, главной высотной доминантой, издали заметной и с суши, и с моря. Церковь, стоящая между трех величественных варак (сопок), так органично вписана в окружающий пейзаж, что вместе с небольшой кучкой сохранившихся домов составляет с ним единое целое — уникальный архитектурно-природный ансамбль, одухотворяя и согревая его своим присутствием.

Существующая Никольская церковь в Унежме является не первой, поставленной на этом месте, а, очевидно, второй. Когда и кем была возведена первая, мы не знаем. Сведения о ней встречаются в рукописной «Книге Обонежской пятины, Заонежской половины» 1582–1583 гг.¹ Там упоминается деревня «на Унежем наволоке с церковию („Никола Чудотворец“) и церковным причтом», т. е. однозначно можно сказать, что в конце XVI в. церковь в Унежме уже стояла, носила то же имя, что и сейчас, и была, несомненно, деревянной. По имеющимся сведениям, она дожила до 1812 г., когда сгорела².

¹ Записки Императорского Русского географического общества. Кн. VIII / под ред. К. А. Неволлина. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке. СПб., 1853. С. 167.

² 1812 год приводится в «Кратком историческом описании приходов и церквей Архангельской епархии» (Вып. 3. Архангельск, 1896. С. 24–26), где не все сведения точны. За неимением других источников, нам приходится верить ему, хотя мои сомнения на этот счет будут высказаны далее.

Ил. 1. Вид на Унежму от Камбальего острова. Фотография автора

Ил. 2. Никольская церковь в Унежме. Фотография автора. 2009

К моменту пожара, кроме церкви, в селе существовала и деревянная шатровая колокольня. Исследователь русской архитектуры В. В. Суслов, посетивший Унежму в 1886 г., восхитился красотой «очень хорошей колоколенки» и сделал детальный обмер, а затем — великолепную отмывку фасада и чертеж разреза, сохранив для нас ее первоначальный облик (судя по всему, к 1886 г. он не изменился)³. «Время ее основания остается неизвестным, но, судя по ветхости бревен и ее устройству, можно думать, что она выстроена в XVII столетии», — писал Суслов в комментариях к чертежам. Видимо, это предположение, повторенное затем И. Э. Грабарем, и послужило основанием

³ Памятники древнего русского зодчества. Вып. I. СПб., 1895. Л. 18.

тому, что датировка XVII в. прочно «прилипла» к унежемской колокольне и исследователи стали повторять ее один за другим — дату эту можно встретить во многих публикациях. Однако в архивных документах я нашла другую дату постройки колокольни, гораздо более позднюю — 1792 г.⁴ В конце XVIII в., когда влияния столичных архитектурных стилей не добрались еще до отдаленной сельской глубинки, старые мастера по-прежнему соблюдали добрые традиции предшествующего столетия, и ошибка Суслова вполне понятна, тем более что «колоколенка» действительно была хороша. К тому же ошибся он и в датировке самой церкви, отнеся ее также к XVII столетию.

Вот что говорится о колокольне в «Описи имущества и угодий Унежемского Николаевского прихода» за 1834 г.⁵:

«Колокольня построена деревянная 1792 года о двух ярусах на каменном фундаменте иждивением прихожан, которая вышиной 5 сажень⁶, шатровая, на ней одна глава чешуею покрыта и на оной крест осмиконечный деревянный. Двери входные в колокольню одне простой работы, на крюках и петлях железных. Три лестницы с поворотом, четыре колокола на ней. Первый 8 пудов, второй 4 пуда, третий 2 пуда, четвертый 30 фунтов. В оной окон на стенах и ограды около церкви и колокольни не имеется».

Колокольня представляла собой «восьмерик на четверике», традиционный для русского деревянного зодчества. Основным конструктивным элементом был мощный вертикальный столп в центре, связанный с рублеными стенами и поддерживающий шатер. Четверик срублен в обло — с выпусками, восьмерик — в лапу. Углы перехода от четверика к восьмерику декорированы кокошниками, верх восьмерика завершен паволом. Внутри была лестница, состоявшая из трех пролетов. Над восьмериком возвышалась открытая восьмигранная звонница на столбиках, с ограждением в виде фигурных балясин (вероятно, не круглых, а плоских, из досок), завершенная шатром с луковичной главкой. Шатер обшит двумя ярусами теса, верхний из которых положен с нахлестом на нижний, образуя декоративный городчатый пояс. Главка и шейка покрыты городчатым лемехом, концы тесин на полицах фигурные.

При пожаре колокольне повезло: огонь ее не тронул, однако от церкви остались одни головешки. С этого момента начинается

⁴ Эта дата приводится в нескольких описях имущества и угодий Унежемского Николаевского прихода: за 1834 г. (ГААО. Ф. 462. Оп. 1. Д. 30. Л. 22 об.); 1842 г. (Ф. 29. Оп. 31. Д. 466. Л. 22 об.); 1856 г. (Ф. 29. Оп. 31. Д. 782. Л. 7) и др.

⁵ ГААО. Ф. 462. Оп. 1. Д. 30. Л. 22 об.

⁶ Высота колокольни здесь взята, очевидно, до основания шатра — судя по обмерам Суслова, вместе с шатром и крестом она была не менее 17 м (1 сажень=2,1336 м, 5 сажень=10,6 м).

Ил. 3. Колокольня в Унеже. По материалам В. В. Сулова

история нынешней, второй по счету унежемской церкви, сохранившейся до наших дней.

Существует распространенная версия, что в 1813 г. на пепелище прихожанами была построена часовня, также во имя св. Николая Чудотворца, и что в 1826 г. к ней пристроен алтарь, вследствие чего часовня была обращена в церковь. Эти данные приводятся, например, в «Кратком историческом описании приходов и церквей Архангельской епархии», а затем повторяются в более поздних публикациях.

Однако, рассматривая постройку на месте, видим, что нынешний главный сруб-четверик и алтарь срублены с перевязкой бревен в лапу. Кроме того, нижние бревна сруба и алтаря имеют одинаковую толщину и выглядят одновременными. Все это наводит на мысль, что, несмотря на общепризнанную версию поздней пристройки алтарной апсиды, она все-таки была выстроена одновременно с главным срубом.

Как же было на самом деле? Приведем в хронологическом порядке сведения, которыми мы располагаем на сегодняшний день.

В 1812 г. в Унеже сгорела существующая церковь, а другого церковного здания или часовни не было. На постройку новой церкви нужно было собрать деньги. В те времена сельские церкви

Ил. 4. Внутренний вид алтаря. Фотография автора. 2009

строились всем миром — «обществом», «иждивением», «тщанием» и «усердием» прихожан, т. е. на добровольно пожертвованные сельчанами средства. В исключительно редких случаях деньги выделяла епархия или частные влиятельные лица, но маленькой далекой Унежме не на что было рассчитывать. Обеспеченных прихожан — судовладельцев — в деревне было немного, остальные крестьяне были бедны, и быстро собрать необходимую сумму не представлялось возможным. Однако потребность в культовой постройке была бесспорна: негде крестить детей, негде венчать, негде отпевать усопших.

Обратимся к документам Архангельской духовной консистории⁷:

«Получен 5 июня 1825 года. Копия⁸.

...Из Архангельской духовной консистории, в Онежское духовное правление.

Слушав резолюцию Его Преосвященства Неофита, Епископа Архангельского и Холмогорского, данную на прошение Онежской округи Унежемской волости сотского с крестьянами, консистория просит дозволить пристроить к поставленному анбару для хранения церковной утвари и св. образов деревянный придел с прирубом алтаря, и в оный вывезти из Кушерецкого прихода оную утварь и св. образа, вывезенные в прошлом 1823-м году

⁷ ГААО. Ф. 478. Оп. 1. Д. 2. Л. 58, 96 об. Очень трудночитаемый рукописный текст.

⁸ Судя по дальнейшему тексту, это копия с уже решенного в вышестоящих инстанциях дела, которое рассматривалось ранее, в 1824 г.

по предписании сей консистории по сгорении церкви, и освятить оный придел понову, поелику просители, крестьяне, не суть раскольники и поведения доброго, и когда будет пристроен, по благоприличию отрапортовать».

Следующий документ:

«Получен 27 октября 1826 г. Копия.

...Из Архангельской духовной консистории благочинному Онежской округи Малошуйского прихода священнику Симеону Молчанову.

Архангельская консистория, слушав резолюцию Его Преосвященства Аарона, Епископа Архангельского и Холмогорского и кавалера, данную на рапорт Ваш, коим доносили, что Кушерецкого прихода в Унежемской волости придел во имя Святителя и Чудотворца Николая построен, просили соизволить оный освятить понову. Церковь освятить имеет местный благочинный... о чем и рапортовать нам, а о выдаче на сей храм Антиминса, предписать отцу протоиакону Василию Едопину указом.

Приказали: с прописанием оной Его Преосвященства резолюции для должного по ней исполнению к Вам, благочинному священнику Молчанову, послан указ, препроводив при оном и новый освященный Антиминс, подписанный Его Преосвященством, и по исполнении донести консистории.

Сентября 17 дня, 1826 года.

Протоиерей Иоанн Не...чин,

Секретарь Е. Яковлев».

Из первого, несколько путаного документа следует, что на месте сгоревшей церкви был поставлен амбар для хранения церковной утвари и святых образов. Возникает вопрос: какой утвари? Спасенной при пожаре первой Никольской церкви?

Вырисовывается такая картина: церковь сгорела, но какую-то утварь и иконы все же удалось спасти, и за неимением места хранения в 1823 г. их временно вывезли в Кушереку. Унежомы, желая вернуть утварь обратно, поставили на пепелище амбар. В каком году? Очевидно, не ранее 1823 г., иначе утварь не было бы нужды вывозить. Потом они все-таки смогли накопить деньги на постройку новой церкви, с чем и обратились в консисторию.

В документе, однако, не упоминается о часовне. Не трансформировался ли этот амбар в часовню в народной памяти и, соответственно, в более поздних документах? А может быть, он и в самом деле позднее был освящен в часовню?

Отсюда следует предположение, что пожар случился не в 1812-м, а в 1822-м или в 1823 г. Не потому ли именно в 1823 г. спасенная церковная утварь была вывезена в Кушереку «по сгорении церкви»?

В связи с последним предположением напрашивается такая мысль. В 1823 г. на Великой вараке местным крестьянином

Никоном Акиловым была построена часовня во имя св. Николая Чудотворца. С ней связана легенда: во время болезни Никон услышал голос: «Если построишь часовню, то выздоровеешь». Он дал обещание, после чего стал быстро поправляться. Не был ли вызван этот «голос свыше» острой необходимостью в каком-нибудь культовом здании взамен сгоревшей церкви?

Совершенно ясно одно: в 1824 г. унежемские крестьяне обратились в Архангельскую духовную консисторию с просьбой пристроить к амбару для хранения церковной утвари (который, возможно, был «по совместительству» часовней) деревянный придел с алтарем, что означает постройку новой церкви. Мне кажется, что, говоря о «пристройке» придела к амбару, просители не имели в виду ставить его вплотную, тем более с перевязкой бревен, а просто рядом, чтобы амбар можно было потом разобрать. «Приделом» называли главный сруб будущей церкви, построить его собирались одновременно «с прирубом алтаря», что и было сделано.

Из второго документа мы узнаём, что к октябрю 1826 г. новое церковное здание — придел с алтарем — были уже построены, имели иконостас и престол и были готовы к освящению. Новый святой антиминс был подписан преосвященным Неофитом, епископом Архангельским и Холмогорским, задолго до этого ⁹, еще 22 марта 1825 г., и передан благочинному священнику Симеону Молчанову, который освятил новую церковь во имя Святителя и Чудотворца Николая 3 декабря ¹⁰ 1826 г.

Как выглядела построенная церковь? В «Описи имущества и угодий Унежемского Николаевского прихода Онежского уезда Архангельской губернии» за 1834 г. ¹¹, достаточно подробной, в отличие от большинства последующих, читаем:

«В сем приходе имеется одна церковь деревянная Николая Чудотворца, постройки 1824 года ¹² иждивением прихожан, на каменном фундаменте, в высоту 8 сажень (17 м. — *Е. Ф.*), в ширину 3 (6,4 м. — *Е. Ф.*), в длину с алтарем церковь и трапеза 9 сажень (19,2 м. — *Е. Ф.*). На ней кумпал дощанной, глава одна, которая по-

⁹ В этом ничего удивительного нет — антиминсы часто готовились заранее. Аналогичный случай мы встречаем в деле о постройке новой трапезной за 1902–1910 гг., что рассматривается ниже.

¹⁰ Дата 3 декабря приведена в «Кратком историческом описании приходов и церквей Архангельской епархии» (Вып. 3. Архангельск, 1896. С. 24–26).

¹¹ ГААО. Ф. 462. Оп. 1. Д. 30. Л. 22–31.

¹² Неточность. 1824 г. — год начала строительства. Неточности и ошибки в описях церковного имущества встречаются довольно часто, а поскольку поздние описи списывались с предыдущих иногда почти дословно, то ошибки, допущенные однажды, могли повторяться потом из года в год.

Ил. 5. Угол стыка главного сруба и алтарной апсиды.
Фотография автора. 2009

крыта чешуею, и крест на главе асмиконечный деревянный. Алтарь у оной церкви в три полукружия, на оном кумпал дощанной, глава одна, которая покрыта чешуею, и крест на главе осмиконечный деревянный. В церковь двери створные филенчатые, у оных дверей в верхней половине вставлены в рамках стекла, на крюках и петлях железных повешены, в трапезу одинарные, с замком, в паперть двери створные с задвижкой железною на крюках и петлях железных. Во святом алтаре два окна, окончины стеклянные, в церкви пять окон, из оных два с железными решетками. В трапезе три окна, в паперти одно, окончины стеклянные. В паперть крыльцо, над оным крыша на два ската. В церкви не имеется приделов, паперть одна внутри. Как в алтаре, так и в церкви и трапезе стены и подволоки и полы тесаны гладкие струганы, столпов не имеется. В трапезе печка кирпичная на северной стороне в углу у дверей. Основание оной печки на каменном фундаменте, в высоту аршин с четвертью, в длину два аршина три четверти. Церковь на том месте друга. Престол один, царские врата расположены по порядку против престола два аршина две четверти. С одной стороны пономарня, а с другой сундук для ризницы».

И далее:

«Престол и жертвенник Николая Чудотворца посвящен 1825¹³ по строении церкви, второй на том же месте стоит крепко и не-

¹³ Здесь, очевидно, перепутали год освящения церкви с годом подписания антиминос.

поколебимо. Освящен благочинным Малошуйского прихода священником Симеоном Молчановым. На нем одежда шелкова полосатчата. Святой Антиминс с губою на белом атласе за подписанием Преосвященного Неофита, епископа Архангельского и Холмогорского».

Из этой описи мы узнаем, во-первых, что вновь построенная церковь была второй (а не третьей или четвертой) в Унежме и стояла на том же месте, что и первая: «престол и жертвенник... второй на том же месте стоит крепко и непоколебимо». Тот же факт, возможно, подтверждается несколько странной фразой «церковь на том месте друга», вклинившейся между описанием печки и престола. Во-вторых, опись дает подробное описание храма, совпадающее с фотографией В.В. Суслова, сделанной в 1886 г.¹⁴ Размеры также совпадают. Отсюда можно сделать вывод, что в 1824–1826 гг. храм (четверик с кубоватым завершением и алтарем с покрытием бочкой) был построен именно таким, каким он запечатлен на фотографии Суслова.

Не до конца выясненным остается вопрос о том, когда были построены трапезная и крыльцо — сразу, или спустя некоторое время. Приведем фрагменты из более поздних описей. В «Клировых ведомостях церквей Онежского уезда за 1844 г.»¹⁵ есть «Ведомость о приписной к Кушерецкой церкви Вознесения Господня [церкви] Николая Чудотворца Онежского уезда Унежемского села», подписанная благочинным священником Малошуйского прихода Симеоном Молчановым (тем самым, который ее освящал). В ней говорится: «Церковь деревянная холодная построена 1822 года тщанием прихожан, к коей вновь пристроена теплая трапеза. Служба в оной совершается только на храмовые дни»¹⁶.

В этой ведомости нам интересно замечание о «вновь пристроенной» теплой трапезной, из которого следует, что она была построена не одновременно с церковью, а несколько позже. Когда именно — пока остается загадкой. Однозначно можно сказать, что в период с 1827-го по 1834 г. Скорее всего, трапезная и крыльцо были задуманы изначально и пристроены вскоре после освящения. Просто, закончив главный сруб и алтарь, прихожане, наверное, торопились поскорее освятить церковь, не дожидаясь

¹⁴ Трапезная, зафиксированная в описи и запечатленная на фотографии Суслова, в 1902 г. была заменена новой, значительно большей по длине и ширине и на три бревна выше.

¹⁵ ГААО. Ф. 29. Оп. 37. Д. 93. Л. 14.

¹⁶ Здесь упоминается 1822 год. Симеон Молчанов, лично освящавший церковь, был, конечно, очевидцем строительства, но за давностью времени (прошло почти 20 лет) мог ошибиться. Частое упоминание 1822 г. в этой и более поздних описях, однако, само по себе интересно. Похоже, год этот чем-то запомнился. Может быть, действительно, пожаром?

Ил. 6. Церковь и колокольня в Унеже.
Фотография В. В. Сулова. 1886

полного завершения работ, чтобы можно было уже проводить службы.

В клировых ведомостях за 1848 и 1849 гг.¹⁷, слово в слово повторяющих друг друга, находим следующее любопытное замечание: «Церковь во имя святителя и чудотворца Николая деревянная, одноэтажная и холодная, прежде была часовня, а по случаю пристройки к ней теплой трапезы усердием и иждивением прихожан освящена в церковь 1822 года». Здесь явное недоразумение — вряд ли часовня могла быть обращена в церковь «по случаю пристройки трапезы», т. к. главное отличие церкви от часовни — наличие алтаря и престола. Но не отсюда ли пошла распространенная в поздней литературе версия о часовне, обращенной в церковь посредством пристройки алтаря? В народной памяти сохранилось то, что что-то было построено раньше, а что-то позже, а что именно — забылось. Трапезную перепутали с алтарной апсидой, вот и вышла, возможно, «легенда» об обращении часовни в церковь.

¹⁷ ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 600. Л. 1 (1848 г.); Ф. 462. Оп. 1. Д. 2. Л. 350 (1849 г.).

Повторим еще раз для ясности выводы из вышеизложенного:

1. Первая Никольская церковь сгорела в 1812 г. (возможно, в 1822 или в 1823-м). Часть утвари и икон была спасена и в 1823 г. вывезена в Кушереку на временное хранение. Желая вернуть их обратно, в том же 1823 г. унежомы поставили на пепелище амбар для хранения церковной утвари. Чуть позднее этот амбар был, возможно, освящен в часовню (тоже Никольскую).

2. В 1824 г. жители Унежмы обратились в Архангельскую духовную консисторию с просьбой разрешить постройку новой церкви, которое было получено. Строительство началось, возможно, в том же 1824 г. и продолжалось два года. К сентябрю 1826 г. был полностью закончен главный сруб (четверик) с кубоватым покрытием и алтарная апсида, крытая бочкой, а также поставлен иконостас, то есть храм был готов к освящению. Вероятно, было построено временное крыльцо (пол в церкви выше уровня земли и крыльцо было необходимо).

3. 22 марта 1825 г. епископом Архангельским и Холмогорским Неофитом был подписан антиминос для будущей церкви.

4. 3 декабря 1826 г. с благословения епископа Архангельского и Холмогорского Аарона (преемника Неофита) новая церковь была освящена благочинным священником Малошуйского прихода Симеоном Молчановым.

5. Вскоре после освящения (не позднее 1834 г.) были построены трапезная с папертью (в одном срубе, крытом двухскатной крышей и разделенном на две части внутренней стеной) и крыльцо, которые, вероятно, предполагались изначально. Церковь приобрела тот вид, который в 1886 г. запечатлел на фотографии В. В. Сулов.

6. Собственно церковь (главный четверик) была холодной, трапезная же имела печку, т. е. была теплой. По этой причине в зимнее время служили только в трапезной.

Отвлечемся немного от истории и посмотрим на церковь с архитектурной точки зрения.

Никольская церковь в Унежме относится к типу кубоватых, которые были широко распространены на всей территории Поневья и по берегам Онежской губы Белого моря. Периодом его наивысшего расцвета считается конец XVII и весь XVIII в. С первой трети XIX в. деревянное церковное строительство предписывалось производить по проектам, утверждавшимся в консистории, что вело к угасанию древних традиций. Унежемская церковь была построена, однако, на том рубеже, когда «новое» еще не успело испортить «старого», и является вполне достойным памятником традиционного деревянного зодчества.

Церковь стоит на прочном грунте, в основе которого — скальные выходы. Фундамент из булыжников, положенных под углы

срубов. Главным объемом храма является невысокий четверик, завершенный выразительным повалом. Кубоватое покрытие, обшитое гонтом, завершается единственной главкой на тонкой шейке. Наличие одной главы является важной отличительной чертой унежемской церкви — в большинстве случаев куб завершался пятиглавием, а одноглавых кубоватых церквей известно не так уж много.

С востока к четверику примыкает пятигранный алтарный прируб, завершенный бочкой с покрытием гонтом. Главный четверик срублен с перевязкой углов в обло, стены алтарного прируба — в лапу. Нижние венцы состоят из мощных бревен, достигающих 35 см в диаметре, бревна выше — 27–29 см. Изнутри бревна гладко стесаны, углы скруглены. Выпуски бревен четверика были обшиты досками, остальные стены не обшиты.

С запада к четверику примыкали трапезная и сени (паперть). На фотографии Суслова они выглядят как единое целое, однако внутри была перегородка, делящая объем на две почти равные половины. Это видно из описаний и по тому, что печная труба на фотографии находится в центре крыши, а в описи 1834 г. говорится о том, что печь расположена «на северной стороне в углу у дверей», т. е. у дверей в паперть.

К паперти примыкало крыльцо, несколько уже по ширине, с более низкой двухскатной кровлей на двух столбиках.

Наружное декоративное убранство церкви было довольно простым: подзоры с двухступенчатой городковой порезкой под полицами четверика и апсиды, резные причелины кровли трапезной и крыльца, резное полотенце по его оси с «солярным» (круглым) окончанием, да фигурное завершение кровельного теса, придающее выносам крыши характерный «кружевной» край.

Судя по описанию 1834 г., приведенному выше, и по фотографии Суслова, окна в церкви и трапезной располагались неравномерно и несимметрично. Большинство их находилось на южной стороне, получавшей больше всего солнечного света. Почти все первоначальные окна были увеличены при ремонте 1899 г., о чем речь пойдет дальше. Без изменений до нашего времени сохранилось лишь одно — в восточной стене алтаря. Изнутри хорошо видно старое косячатое обрамление. Другое косячатое окно второго света (сдвоенное) видно на южной стене четверика. Оно было частично заложено в 1899 г. и на его месте растесано новое, круглое.

Говоря об окнах, вспомним еще раз фотографию Суслова. В верхней части главного четверика (на обращенной к нам северной стене) бросается в глаза большая прямоугольная рама с переплетами, которая на первый взгляд кажется окном второго света. Окном, однако, это быть не могло по двум причинам. Во-первых, в сохранившемся четверике нет в этом месте проема — ни существующего, ни заделанного. Во-вторых, в этом урвне

Ил. 7. Старое косячатое окно второго света в южной стене четверика.
Фотография автора. 2009

Ил. 8. Северная стена четверика. Вид изнутри.
Фотография автора. 2009

находился потолок. Ныне он утрачен, но в стенах хорошо видны прямоугольные пазы несущих балок. По-видимому, это окно было «ложным», декоративным. А может быть, в раме этой были не стекла, а иконы?

Несмотря на то, что церковь была «утварью и ризницею скудна», иконостас в ней во всех описях именуется «приличным».

Подробное описание его содержится в описях имущества и угодий Унежемского прихода за 1834 г., 1854 г.¹⁸, и других.

«Иконостас в церкви Николая Чудотворца с верху до низу столярной работы с тумбами, у коего некоторая часть золочена, посребрена и раскрашена разнovidными красками, над коим в первом поставе выставлены штиты резные золочены, во втором в середине иконостаса семь херувимов с распостертыма крылами резные посребрены. Над вратами арка золочена резная. В оном Царские врата с архиерейскою митрою резные, золочены листовым золотом с изображением на них верхней половине Архангел Гавриил и Богоматерь и четыре Евангелиста. Лица у оных писаны краски», и т. д.

Судя по описи, иконостас был резной, четырехъярусный. Имел выраженную цокольную часть («с тумбами»), был раскрашен красками нескольких цветов («разнovidными») и украшен резьбой, частично посеребренной, частично позолоченной. Резные царские врата, позолоченные листовым золотом, завершались золоченой аркой. Первый ярус иконостаса украшали «штиты резные золочены» — очевидно, подобие пик или шпилей. В середине второго яруса размещались семь посеребренных резных херувимов с распостертыми крыльями. В первом («местном») ряду справа и слева от царских врат находилось по три крупных образа (один из них — на пономарской двери с северной стороны). Выше располагался «деисусный» ряд, третий ряд был «праздничный», четвертый — «пророческий». Многие иконы имели серебряные оклады, а некоторые были даже инкрустированы жемчугом.

У восточной стены трапезной, судя по описи, располагался второй иконостас, который был двухъярусным: «В трапезы иконостав с верху до низу с тумбами столярной работы, раскрашен разнovidными красками». Вместо Царских врат здесь были, очевидно, двери из трапезной в церковь. Над ними находилась живописная надвратная сень, названная в описи «преждебывшей», откуда можно предположить, что она каким-то чудом была спасена при пожаре первой церкви и являлась более старой, чем остальное убранство. Наличие второго иконостаса объясняется тем, что церковь была «холодной» и в зимнее время служили в трапезной, где была печь.

Несмотря на позднее время постройки, к середине XIX века церковь уже требовала ремонта. В ведомости за 1848 год читаем: «Церковь и колокольня зданием в основном прочны, только на первой нужно поправить кумпал»¹⁹. «Кумпал», однако, поправ-

¹⁸ ГААО. Ф. 462. Оп. 1. Д. 30. Л. 22–31 (1834 г.); Ф. 29. Оп. 31. Д. 782. Л. 1–13 (1856 г.).

¹⁹ ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 600. Л. 1.

ляли долго — судя по ведомости 1850 г., он все еще не был поправлен. В связи с этим обращает на себя внимание следующий факт. На фотографии В. В. Сулова заметно, что шейка и главка церкви покрыты иначе, чем шейка и главка колокольни. Мне кажется, они покрыты металлом. Скорее всего, первоначальное покрытие лемехом («чешуею») было заменено в связи с ремонтом обветшавшего «кумпала».

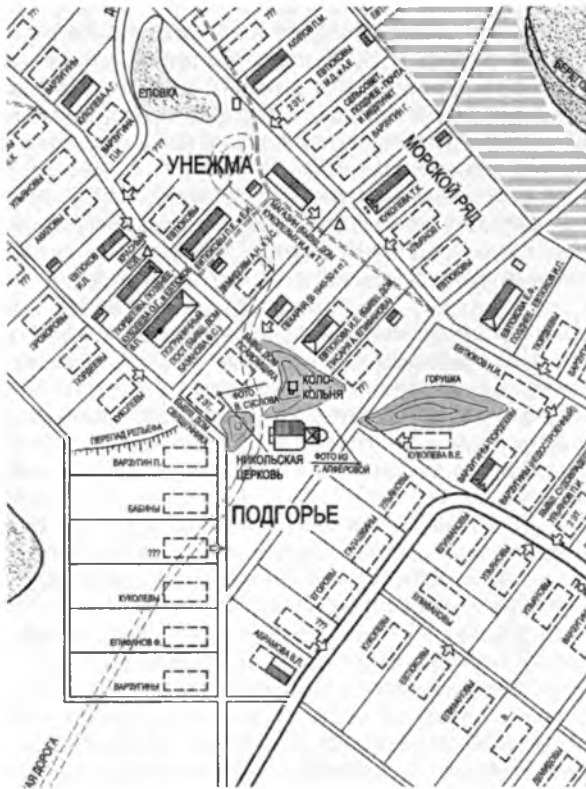
До 1847 г. в Унежме не было самостоятельного прихода, т. е. Никольская церковь не имела своего причта, ею заведовали священники из Кушереки²⁰. Поэтому службы совершались «только на храмовые дни» — часто из Кушереки в Унежму ездить не будешь, 32 километра — не ближний путь. В 1847 г., однако, случилось событие большой важности: унежемский приход стал независимым, епархиальным ведомством были выделены штатные должности для священника и псаломщика (дьячка). Постоянное присутствие церковнослужителей привело к оживлению прихода — вокруг церкви и колокольни начал складываться своеобразный архитектурный ансамбль из причтовых домов и малых архитектурных форм.

В 1850–1851 гг. на горке, напротив церковного крыльца, на средства прихожан был построен первый одноэтажный причтовый дом, где разместились священник и псаломщик, до этого проживавшие на частных квартирах.

Рядом с церковью, с северной стороны, поставлен большой поклонный крест под навесом. Он хорошо виден на фотографии В. В. Сулова. Крест стоял на высоком цоколе с деревянными перилами, четыре круглых столба несли двухскатную крышу. Столбы имели светлую окраску, ограждение — темную. Крест этот был не единственным в деревне — по свидетельству С. В. Максимова (1856 г.), много таких крестов было расставлено по улицам Унежмы.

Здесь же, у церкви (с восточной и южной стороны, где не было выходящих на поверхность скал), располагалось кладбище. Нынешнего кладбища с названием Миронощина возле Средней вараки в те годы еще не было, и возле церкви продолжали хоронить вплоть до конца XIX в.

²⁰ Когда-то давно Унежемский приход был самостоятельным — в «Книге Обонежской пятины, Заонежской половины» за 1582–1583 гг. деревня «на Унежем наволоке» упоминается «с церковию Никола Чудотворец и церковным причтом». Причт этот был упразднен в конце 1580-х гг. в связи с запустением многих поморских деревень, в том числе и Унежмы, вызванным беспокойной внутренней обстановкой в стране, постоянными нападениями воинственных соседей, голодом и эпидемиями. В 1591 г. царем Федором Ивановичем Унежма была подарена Соловецкому монастырю, во владении которого находилась до церковной реформы 1764 г., когда вновь стала «государевой».

Ил. 10. Фрагмент плана Унежмы по состоянию на 1930–1950-е гг.
 Пунктиром показаны утраченные дома.
 Широкая дорога в правой части — Поморский почтовый тракт

Летом 1890 г. усердием крестьян вокруг церковного ансамбля была устроена деревянная решетчатая ограда.

В 1894 г. отцом Иоанном Кронштадским (протоиереем Иоанном Ильичом Сергиевым) было выделено 400 рублей на строительство в Унежме церковно-приходской школы. На эти деньги рядом со старым причтовым домом был построен новый, двухэтажный. В первом этаже его разместились школа, во втором поселился священник, дьячок остался в старом причтовом доме, полностью перешедшем в его распоряжение.

Таким образом, к концу XIX в. приходской ансамбль, состоящий из церкви, колокольни, поклонного креста между ними,

кладбища с юго-восточной стороны, ограды и двух причтовых домов, был окончательно завершен.

Академик архитектуры В. В. Суслов, один из основоположников изучения и реставрации памятников деревянного зодчества, в отчетах Академии художеств с горечью отмечал пренебрежительное отношение к старинным постройкам: «Уничтожение и искажение всего древнего идет с какой-то исступленной поспешностью. Почти все церкви обшиты тесом, окна расширены и околочены филанчатыми карнизами. Галереи, крыльца и другие украшения в большинстве случаев уничтожены»²¹.

С унежемским церковным ансамблем, как и со многими другими, случилось именно так. Наиболее интенсивный период ремонтов и перестроек связан с личностью приходского священника Василия Лукича Соколова (1870/1–1903)²². Период этот интересен для нас тем, что именно тогда церковь стала такой, какой она дожила до наших дней. Кроме того, история церковного ремонта смешалась здесь с глубокой личной драмой, стоившей жизни человеку, затеявшему его.

Из обрывочной информации, почерпнутой в архивных документах, вырисовывается весьма неординарный характер предпоследнего унежемского священника. Человек этот был энергичным, предприимчивым, решительным, приход и дело свое любил и вкладывал в него всю душу. Был он также нетерпеливым, горячим, порывистым, кроме того, весьма своевольным и начисто лишенным чинопочитания, что, несомненно, мешало успешной карьере церковнослужителя. Несмотря на сильный характер, был он слаб здоровьем — малолетний благочинный Михаил Максимович Верхуйский называл его «хворым», имея в виду не сиюминутное недомогание, а общую конституцию. Особенно подводило, очевидно, сердце, которое нужно было бы беречь, но молодой священник с жаром брался за трудные дела, не соизмеряя с ними свои физические возможности, постоянно проявляя инициативу, за которую, в конечном счете, заплатил самой дорогой ценой.

Унежемский приход 25-летний Василий Лукич Соколов получил 17 января 1895 г., сменив Флегонта Васильевича Печенгского, переведенного в Колежму. Первый год его служения (1895) ознаменовался установкой дополнительной печи, которая, одна-

²¹ Цит. по: *Суслова А. В., Славина Т. А.* Владимир Суслов. Л., 1978. С. 20. В книге есть ссылка на источник: РГИА. Ф. 789. Оп. 10. Д. 142. 1878 г.

²² Именно В. Л. Соколовым была написана глава об Унежемском приходе для «Краткого исторического описания приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 3. Уезды Онежский, Кемский и Кольский». (Архангельск, 1896. С. 24–26.)

ко, давала мало тепла, и в зимнее время года по-прежнему служили в трапезной. Весьма вероятно, что именно при нем церковь и колокольню обшили тесом и окрасили желтой краской — молодой священник, подверженный простудам, боялся холода и сквозняков и стремился утеплить здания, как мог²³.

1 марта 1899 г. Архангельской духовной консисторией был издан указ за № 7104, предписывающий провести ремонт в обветшавшей Никольской церкви. Ему предшествовал другой, более ранний, указ за № 2616, изданный в 1884 г., предусматривавший устройство в ней двух новых приделов, но не осуществленный из-за нехватки средств²⁴. Чья инициатива воскресила старое дело о ремонте — консистории или приходского священника, нам пока не известно, как не известно и то, кто был автором нового убранства унежемского церковного ансамбля — сам ли отец Василий²⁵, или присланный епархиальным начальством архитектор. Ясно одно: помимо чисто утилитарных задач, ремонт имел целью придать старой церкви «благообразный» парадный вид, внести четкость и симметрию, упорядочить прежние, казалось бы, хаотично расположенные окна, придать деревянной постройке подобие каменной, с нехарактерными для дерева элементами декора. В попытке усовершенствования исказился не только традиционный архитектурный облик построек, но и самый их дух — из симпатичной деревянной церквушки и «хорошенькой колоколенки», где все было просто, лаконично и рационально, они превратились в несколько помпезные сооружения с претензией на эlegantность, однако до эlegantности далеко не дотягивающие. Лишь немногие современники (такие, как Суслов) могли увидеть негативное значение этих, казалось бы, прогрессивных новшеств, впоследствии названных «позднейшими наслоениями».

Подробные сведения об этом ремонте еще предстоит отыскать. На сегодняшний день свидетельством о нем может служить упоминание в более позднем документе от 28 января 1904 г.:

²³ Когда именно церковь и колокольня были обшиты тесом, точно неизвестно. Однозначно можно сказать, что между 1886 и 1896 гг., т. к. на фотографии Сулова 1886 г. обшивки еще нет, а в «Кратком историческом описании приходов и церквей Архангельской епархии» за 1896 г. она уже упоминается. Если она действительно была сделана при В. А. Соколове, то, значит, в 1895 г., сразу же по вступлении в должность.

²⁴ Указов этих мне найти пока не удалось (дела находятся, очевидно, в ГААО в фонде 29, где хранятся документы Духовной консистории). Упоминание о них мне встретилось в более позднем «Деле о постройке трапезы» за 1902–1910 гг. (ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1672. Л. 47, 61.)

²⁵ Это вполне возможно, т. к. позднее, в 1902 г., именно он был автором проекта новой трапезной.

«В Архангельскую духовную консисторию
Благочинного 1-го Онежского благочиния Рапорт ²⁶

...Имею честь донести, что работы по 4 февраля 1899 года были произведены следующие: во церкви увеличены окна с установлением новых рам, стены алтаря и церкви внутри обшиты досками и окрашены. Затем оставалось обшить стены в трапезе и установить новую печь. Работы эти за неимением средств у прихожан не производились...

И. д. благочинного

Михаил Верюжский».

Из документа становится ясно, что именно в 1898–1899 гг. существующие окна на южной стене четверика и алтарной апсиды были расширены с приданием им арочного завершения, а на северной прорублены новые, симметричные. Тогда же, вероятно, были сделаны и треугольные накладные «фронтончики» над арками оконных проемов, а в верхней части четверика, на северной и южной стене, устроены круглые окна второго света с прямоугольными наличниками.

В рапорте М. Верюжского ничего не говорится о колокольне, однако мы знаем, что к рубежу XX столетия она тоже радикально изменила свой облик. Когда это произошло? С точностью можно сказать одно: между 1886-м и 1902 г., в бытность приходским священником о. Василия Соколова. Когда именно? Я склонна думать, что тогда же, когда изменила обличье и сама церковь — в 1898–1899 гг.

Колокольня потеряла любимый в народе шатер и вместо него приобрела что-то наподобие купола со шпилем. Были убраны кокошники над углами четверика, столбики звонницы до половины обшиты досками, деревянные балясины, видные на фотографии Суслова, заменены новой решеткой ограждения — возможно, металлической.

Новый облик церковного ансамбля запечатлен на фотографии, опубликованной Г. В. Алферовой ²⁷.

Фасад церкви этого периода можно увидеть также на собственноручном чертеже Василия Соколова, выполненном в 1902 г.

Капитальный ремонт 1898–1899 гг. практически не коснулся трапезной. Внутри она оставалась в плачевном состоянии — потолок подгнил «и грозил падением», печь пришла в негодность. Можно было бы, конечно, отремонтировать и ее, но отец Василий решил по-другому. 13 января 1902 г. он собрал в Унежме сельский сход, где предложил не тратиться на ремонт старой обветшавшей постройки, а полностью разобрать ее, заменив новой — более просторной и вместительной. Ширина старой

²⁶ ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1672. Л. 40.

²⁷ Алферова Г. В. Каргополь и Каргополье. М., 1973. С. 145.

Ил. 11. Церковный ансамбль после реконструкции.
Фотография, предположительно, 1908 - 1910-х гг.

Ил. 12. Северный фасад. Чертеж В. Л. Соколова

Ил. 13. Южная стена четверика. Остатки декора 1898–1899 гг.
Фотография автора. 2009

трапезной равнялась ширине церкви, и размещение в ней двух новых приделов, задуманных еще в 1884 г., было бы весьма затруднительным. Постройка новой, более широкой, значительно облегчила бы эту задачу.

Крестьяне поддержали священника. Новую трапезную с двумя приделами предполагали построить за один теплый сезон и освятить осенью того же 1902 г.

Этому строительству полностью посвящено «Дело о постройке трапезы»²⁸. За его бюрократической пунктуальностью стоит человеческая трагедия, достойная стать сюжетом для театральной постановки. Листая его страницы, исписанные то великолепным каллиграфическим почерком, то кривым, второпях, со множеством помарок и исправлений, невольно проникаешься симпатией к молодому приходскому священнику, вступившему в неравную борьбу с тяжелой бюрократической машиной и жестоко проигравшим в ней. Тема эта не уместается в рамки данной статьи, поэтому приведу здесь лишь хронологические факты.

Февраль — апрель 1902 г. Священник В.Л. Соколов обращается в Архангельскую духовную консисторию за разрешением на строительство новой трапезной. Церковно-приходское попечительство и прихожане пытаются собрать необходимую сумму. Зная, что денег недостаточно, Соколов без разрешения епархиального начальства пишет письма с просьбой о помощи Соловецкому монастырю и в Министерство Императорского двора. В ответ монастырь обещает «устроить» иконостасы для обоих предполагаемых приделов: для Зосимо-Савватьевского

²⁸ ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1672. Л. 1–71.

бесплатно, для Трехсвятительского за плату в рассрочку. Министерство Императорского двора жертвует на строительство 10 руб. Уверенный в успехе, священник с крестьянами, не дожидаясь разрешения, начинает заготавливать лес — близится весна с ее распутицей и бездорожьем, промедление может сорвать вывозку бревен и тогда строительство откладывается еще на год, а старая трапезная уже разобрана. К апрелю 1902 г. в распоряжении попечительства находится солидная сумма в 900 руб., собранная «усердием и тщанием» прихожан. Духовная консистория, однако, тянет с разрешением, требуя предоставить все новые и новые документы²⁹. В отчаянии отец Василий шлет в Архангельск телеграмму за телеграммой, пытаясь расшевелить неповоротливый бюрократический аппарат. Лес уже полностью заготовлен, мастер давно нанят и простаивает, поговаривая о том, что в случае дальнейшего промедления откажется от работы. Священник самовольно начинает строительство.

18 мая 1902 г. указом за № 5822 долгожданное разрешение, наконец, получено. Консистория высылает «типовой проект», обязав и без того бедный приход оплатить чертежи и предписав безоговорочно следовать им. Строительство, однако, уже в разгаре, да и присланные чертежи не подходят к местным условиям, поэтому их игнорируют. Отец Василий постоянно присутствует на стройке, следит за каждой мелочью, на месте корректирует свой первоначальный эскиз.

В июне 1902 г. на стройку с ревизией приезжает и. о. благочинного, малошуйский священник Михаил Максимович Верюжский. Он замечает множество нарушений субординации и отклонений от проекта, о чем доносит начальству. Консистория берет нарушителя «на заметку» и обязывает благочинного проводить инспекции каждые полгода.

К концу декабря 1902 г. новая трапезная в целом закончена, дело остается за внутренней отделкой. Работа останавливается из-за того, что Соловецким монастырем не сделаны обещанные иконостасы. Переписка не дает результатов, и в сентябре 1903 г. отец Василий сам едет на Соловки, где получает отказ от всех обещаний в силу большой занятости монастыря. Наступает зима, трапезная не готова, служить в холодной церкви невозможно, денег остается совсем немного. По собственной инициативе приходской священник заказывает иконостас для Зосимо-Савватеевского придела онежскому иконостасному мастеру А. Пелевину в долг и просит консисторию о материальной помощи из своих средств или из средств Соловецкого монастыря взамен обещанного иконостаса.

²⁹ Именно тогда, по требованию консистории, В. Соколовым был выполнен приведенный выше чертеж существующего фасада.

Ил. 14. А. Пелевин. Иконостас. Чертеж

В ноябре 1903 г. разражается гроза. Консистория, разгневанная дерзостью и своеволием приходского священника, дает суровый ответ: в материальной помощи отказать, обращаться к монастырю запретить. Кроме того, она предъявляет ему обвинения в превышении полномочий и в неоправданном перерасходе средств и требует официального объяснения, на каком основании он позволил себе заказать иконостас без разрешения епархиального начальства, не имея в своем распоряжении денег, а также представить подробный рапорт о доходах и расходах в связи с работами по устройству новой трапезной и приделов.

Слабое сердце «хворого» приходского священника не выдерживает. 33-летний Василий Лукич Соколов умирает, чуть-чуть не дожив до Нового 1904 года.

22 февраля 1904 г. придел свв. Зосимы и Савватия, Соловецких чудотворцев, был освящен благочинным священником Михаилом Верюжским. Далее начинается настоящий «унежемский долгострой», затянувшийся аж до 1910 г. Рапорты благочинного, регулярно поступающие в консисторию, в этот период мало отличаются один от другого: «за отчетный период никакие работы не проводились... с иконостасным мастером по-прежнему не считались... денег у прихожан нет, и когда будут, неизвестно...»

С мастером рассчитались полностью лишь спустя три с половиной года после окончания им работ — в мае 1907 г. Кроме того, в 1906–1907 гг. был отремонтирован священнический дом, а также построен новый — для псаломщика, взамен старого, обветшавшего. Затем, наконец, приступили к устройству второго Трехсвятительского придела, заказав для него иконостас тому же мастеру

Пелевину. Придел был полностью готов к марту 1910 г., и благочинный М. Верюжский обратился в консисторию за разрешением на освящение. Пока консистория в своих лучших традициях рассматривала дело, все прихожане ушли на морские промыслы на Мурман, и присутствовать на разрешенном, наконец, освящении было некому. По этой причине оно было отложено до зимы.

Трехсвятительский придел был освящен 1 декабря 1910 г. тем же Михаилом Верюжским в сослужении последнего унежемского священника, Владимира Андреевича Иванова. Церковь стала трехпрестольной, «дело о постройке трапезы» было закрыто.

Авторами новой трапезной можно по праву считать приходского священника Василия Лукича Соколова, неизвестного мастера-плотника, и иконостасного мастера А. Пелевина из Онеги, а непосредственными строителями — крестьян деревни Унежма.

Новая трапезная была приставлена к старому четверику не вплотную, а с небольшим интервалом, так что между двумя срубами оставался зазор, засыпанный опилками и зашитый досками. Ее основной объем, по ширине значительно превышающий четверик, имеет скошенные восточные углы. Крыша двухскатная, стропильной конструкции, с вальмами. Над двумя боковыми приделами и на коньке крыши были поставлены три одинаковые луковичные главки на невысоких барабанах. С запада к трапезной примыкает меньшая по ширине и высоте паперть, к которой было пристроено крыльцо, также с двухскатной крышей (не сохранилось). Постройка срублена из бревен диаметром 20 см. Декор фасада выдержан в том же стиле, который после ремонта 1899 г. приобрела и сама церковь, — с такими же арочными окнами с профилированными наличниками и веерной расстекловкой фрамуг.

Трапезная была построена наспех, из сырого леса, и не слишком качественно — это становится видно, рассматривая церковь в натуре. Если сруб четверика с его кубоватым завершением и апсидой еще довольно крепкий, хоть и сильно покосился, то трапезная представляет собой практически руины.

1910 год стал последним созидательным годом в жизни унежемского церковного ансамбля. Три престола простояли «крепко и непоколебимо» еще 20 лет, даже революция 1917 г. не сразу пошатнула их. Конец настал в 1930 г., когда в Унежму пришел колхоз.

В 1931 г. колокольню «свалили» по решению сельсовета. В новой просторной трапезной устроили клуб, в четверике — пожарное депо. Перед войной, когда народу в деревне стало мало, клуб перевели в пустующий дом, а в церкви устроили склад. В военные годы на ней был оборудован пункт наблюдения за воздухом (Унежма оказалась в прифронтовой зоне). После войны полы, потолки и нижнюю часть наружной обшивки разобрали на ремонт скотных дворов. Затем там был устроен коровник, для чего в северной стене прорубили широкий проем. С развалом колхоза

Ил. 15. Полуразрушенная трапезная 1902 г. Вид на западную сторону.
Фотография автора. 2009

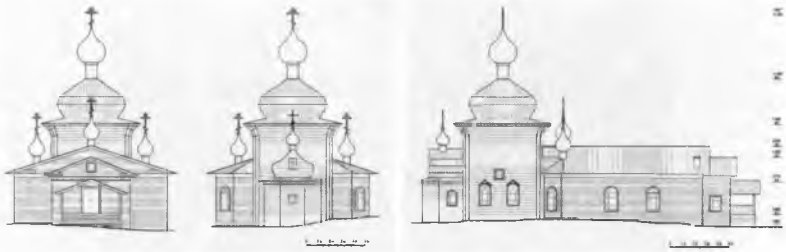
церковь стояла пустая, постепенно разрушаясь. Жители одноименного поселка на железной дороге, приходящие в деревню на рыбалку, хотели разобрать ее на дрова, но заброшенную святыню отстояла старейшая жительница Унежмы, Ольга Григорьевна Куколева.

Причтовые дома перешли колхозу и были, вероятно, разобраны на дрова — ни один из них не сохранился, не говоря уже об ограде и поклонных крестах. Старое церковное кладбище заросло травой, и сейчас ничего не напоминает о его существовании. Где-то там, в траве, находится, наверное, и могила строителя новой трапезной, священника Василия Соколова.

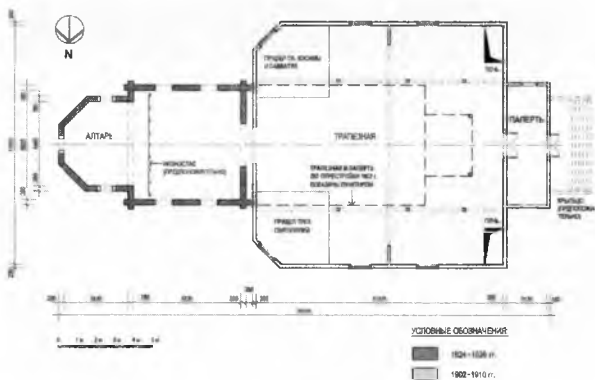
Сейчас деревня совсем опустела, постоянных жителей в ней нет, хотя летом приезжают дачники. Церковь находится в аварийном состоянии и, если в ближайшее время не провести хотя бы консервационных работ, рухнет.

Насколько велика будет ее потеря и нужно ли ее восстанавливать? В мировом масштабе потеря эта (в отличие, скажем, от ансамбля в Кяхтах) пройдет, конечно, незамеченной. На карте деревянного зодчества Архангельской области возникнет еще одно пустое пятно, так же как во многих других местах, где когда-то стояли величественные храмы и колокольни. Переживет ли эту потерю сама Унежма? Нет ничего страшнее груды развалин, которые когда-то были церковью: я видела это своими глазами. В такое место не хочется больше приезжать.

Унежемская церковь может обрести новую жизнь, если это станет нужно хотя бы одному человеку — православному искателю

Ил. 16. Никольская церковь в Унежме. Западный, восточный и северный фасады. Реконструкция автора на 1910 г.

Ил. 17. План Никольской церкви. Чертеж автора

уединения, желающему поселиться в красивом и отдаленном месте, или монаху-отшельнику... Восстановить ее, надеюсь, помогут обмеры, проведенные неоднократно. В 1986 г. схематические обмеры для паспорта на здание были сделаны Н. Н. Уткиным от Архангельской СНРПМ. По его рекомендации в следующем, 1987 году, студентами Ленинградского инженерно-строительного института, среди которых была и автор этих строк, выполнены довольно подробные обмеры с применением теодолита. В 1994 г. Центр традиционной русской культуры «Преображенское» (Москва) под руководством И. К. Русакомского и П. Н. Шармина сделал стереофотограмметрические обмеры, которые хранятся в Архангельске.

На какой период восстанавливать церковь, если найдется заинтересованный человек? Наверное, на тот, который запечатлен на фотографии В. В. Сулова, до «позднейших искажений».

КЕНОЗЁРСКИЕ ЧАСОВНИ

*Особенности архитектурных решений
и некоторые проблемы реставрации*

Кенозёрье... Маленькая точка на карте нашей большой Родины. Здесь находится один из национальных парков России. Этот район хорошо известен людям, которые интересуются деревянным зодчеством, потому что именно здесь, в Кенозёрье, сохранилось очень большое количество деревянных часовен. Часовня — небольшая культовая постройка без алтаря — и целый мир, который помогает в жизни, место, куда можно прийти и остаться наедине с Богом, не чувствуя присутствия других.

В статье нами рассматриваются местные архитектурные особенности в связи с тем, что, как известно, при реставрации памятники деревянного зодчества часто изменяют свои формы, а то и просто перестают существовать как памятники старины, превращаясь в новоделы. Мы постарались проанализировать архитектурные решения деревянных часовен Кенозёрья, систематизировать их, рассказать об историческом развитии архитектурных форм часовен, обозначить их характерные особенности и в связи с этим коснуться некоторых аспектов проблемы современной реставрации.

Проанализировав имеющуюся литературу, мы определили, что, несмотря на возрастающую популярность Кенозёрья среди туристов, бегущих от суеты городов, полноценного обследования района не проводилось¹. Особняком стоит лишь имя Генриха Павловича Гунна, посвятившего Кенозёрью несколько своих работ².

Большинство наших выводов формулируется по результатам собственных полевых обследований. В процессе работы в Кенозёрском национальном парке нами были составлены карточки памятников, где была систематизирована собранная информация, выявлены особенности архитектурных форм, схематично зарисованы планы, собраны фотоматериалы разных лет.

Установлено, что все сохранившиеся часовни Кенозёрья — клетские постройки с двускатной кровлей. Единственная шатро-

¹ В процессе подготовки настоящего издания вышла в свет объемная книга, посвященная расписным потолкам кенозёрских часовен: Невеса и окрестности Кенозёрья. М., 2009. — *Прим. ред.*

² Гунн Г. П. Каргопольский озерный край. М., 1984; Гунн Г. П. Кенозёро. М., 2002.

Ил. 1. Часовня Успения Божией Матери, часовня-«Крест»
близ деревни Тарышкино. Здесь и далее фотографии авторов

вая часовня в Спицыно погибла в годы Великой Отечественной войны.

В процессе работы кенозёрские часовни были систематизированы на основании их общего архитектурного решения по принципу — от простого к сложному. В том же ключе, но менее подробно, кенозёрские часовни рассматривались И. Н. Шургиным³. В типологии деревянного культового зодчества В. П. Орфинского церкви и часовни дифференцируются на уровне классов, а затем, в рамках другой классификации, особенности архитектурных решений, общие и для церквей, и для часовен, представляются вместе⁴. Выделенный нами ряд имеет целью наглядно показать типовое разнообразие (и одновременно развитие) ар-

³ Шургин И. Н. Кенозёрские часовни // Живая старина. 1999. № 2 (22). С. 18–21.

⁴ Орфинский В. П., Гришина И. Е. Типология деревянного культового зодчества Русского Севера. Петрозаводск, 2004.

Ил. 2. Часовня свв. Кирика и Улиты близ деревни Филипповская

хитектурных решений простейших типов храмов — часовен — на примере кенозёрских памятников.

Сруб (8 часовен)

(Успения Божией Матери в Тырышкино; св. Иоанна Богослова в Екимово; неизвестного посвящения в Тыр-Наволоке; свв. Кирика и Улиты в Филипповской; неизвестного посвящения в Шишкино; Успения Богородицы в Будылгино; свв. Козьмы и Дамиана в Челме (Чолме); Тихвинской Богоматери в Орлово)

К этой группе памятников относятся часовни, в основе которых — небольшая клеть (четверик). Это наиболее простая форма, своего рода переход (по формированию интерьера) от поклонного креста, покрытого навесом на столбах, к часовне⁵.

⁵ Там же. С. 24–25.

Ил. 3. Часовня св. Дмитрия в деревне Городское

Подтверждением этому служит то, что в большинстве из них действительно находился крест (сейчас он сохранился на своем месте лишь в часовне в Тыр-Наволоке, вынесен из часовни в Филипповской, утрачен в Тырышкино). Односрубные часовни, называемые здесь «Крест», очень распространены в Кенозёрье, некоторые из них сохранились до наших дней. Наличие подобных построек подтверждает предположение, что простейший сруб первоначально возводился над почитаемым крестом.

Сруб с односторонней галереей (8 часовен)

(свв. Флора и Лавра в Семёново; Святой Троицы в Филипповской; Дмитрия Святого в Городском; св. Георгия Победоносца в Ммино; св. Анастасии в Косицыно; св. Андрея Первозванного в Видягино; св. Власия на Медвежьем острове; св. Иоанна Предтечи в Филипповской)

Это часовни, развитые по оси восток — запад за счет устройства открытой галереи (каркасной конструкции, пристраивав-

Ил. 4. Часовня свв. Флора и Лавра в деревне Семёново

шейся по наружному периметру здания — в данном случае, с запада). Очевидно, что односторонняя галерея к часовням всегда прирубалась только с запада, а вот выход с нее мог быть обращен и на запад, и на север, и на юг (это было обусловлено местоположением постройки).

Сруб с односторонней галереей и звонницей (4 часовни)

(св. Афанасия Милостивого в Тарасово; Сошествия Святого Духа в Глазово; Введения Богородицы во храм в Рыжково; св. Ильи Пророка в Свином)

Это часовни с примыкающей к основному срубам галереей с запада и звонницей, надстроенной над галереей. В отличие от часовен предыдущего типа, здесь выход обращен строго на запад. Ярко выраженной становится композиционная ось восток — запад, которую подчеркивает не только сочетание сруба и галереи, но дополнительно звонница и ориентация крыльца.

Ил. 5. Часовня св. Андрея Первозванного в деревне Видягино

Ил. 6. Часовня св. Власия на острове Медвежьем

Ил. 7. Часовня Сошествия Святого Духа в деревне Глазово

Сруб с притвором (6 часовен)

(Собора Пресвятой Богородицы в Глушево; св. Филиппа Митрополита Московского в Кривцово; св. Диодория Юрьегорского в Тыр-Наволоке; Владимирской Божией Матери в Орлово; св. Варвары Великомученицы в Матере; св. Николая Чудотворца в Вершинино)

Здесь представлены часовни, состоящие из клетки с притвором (соответственно, вытянутые по оси восток — запад). Притвор был нужен для сохранения тепла в моленной помещении и очень часто использовался как хозяйственная часть часовни, где хранили весь необходимый инвентарь. На примере некоторых

Ил. 8. Часовня св. Пахомия Кенского в деревне Карпово

памятников можно заметить интересное пропорциональное соотношение — длина притвора составляет примерно половину длины основного сруба.

Сруб с притвором и звонницей (10 часовен)

(св. Антония в Пормском; Казанской Божией Матери в Минино; св. Иоанна Предтечи в Горбачихе; св. Макария Желтоводского в Осташевской; св. Параскевы Пятницы в Тырышкино; Трех Святителей в Нямяте; св. Пахомия Кенского в Карпово; св. Николая Чудотворца в Бухалово; Пречистой Богородицы в Тамбич-Лахте; св. Александра Невского в Бору)

Это самая многочисленная группа часовен. К ней относятся часовни с притвором (вытянутые по оси восток — запад) и получившие развитие в высоту (над притвором надстроена небольшая звонница). Ось восток — запад подчеркивается как основными срубами, так и их завершениями: главкой и звонницей; крыльцо также ориентировано на запад.

При рассмотрении этой группы нужно отметить, что звонница всегда надрубалась с запада над притвором. Нам неизвестны случаи, когда при наличии притвора звонница рубилась бы над основным срубом четверика. Уровень звона находится практи-

Ил. 9. Часовня св. Николая Чудотворца в деревне Бухалово

чески на высоте конька кровли. Единственное исключение — часовня в Тамбич-Лахте, где звонница имеет наиболее развитую форму основания — восьмерик на четверике.

Сруб с притвором, галереей и звонницей (2 часовни)
(св. Николая Чудотворца в Усть-Поче; св. Архистратига Михаила в Федосово)

Часовни, относящиеся к этой группе, состоят из основного сруба и последовательно примыкающих к нему с запада притвора и открытой галереи. Звонница при этом располагается над галереей. Подобный тип, обладающий наиболее сложным архитектурным решением, мало распространен в Кенозёрье. Таких часовен до наших дней здесь сохранилось всего две. Часовня в Усть-Поче на данный момент не имеет звонницы над галереей (она не сохранилась до нашего времени), но сейчас завершается реставрация памятника (по проекту А. В. Ополовникова)⁶, в результате которой, возможно, будет восстановлена и звонница. При анализе памятников этого типа следует отметить, что вход на галерею устроен строго с запада. Видимо, таким способом

⁶ Ополовников А. В. Сокровища Русского Севера. М., 1989. С. 109.

Ил. 10. Часовня св. Иоанна Предтечи
в деревне Горбачиха

Ил. 11. Часовня св. Параскевы Пятницы
в деревне Тырышкино

Ил. 12. Часовня св. Архистратига Михаила в деревне Федосово

Ил. 13. Часовня св. Николая Чудотворца близ деревни Горбачиха

дополнительно подчеркивается композиционная ось восток — запад (главка часовни — звонница — крыльцо).

Сруб с галереей с трех сторон (2 часовни)

(св. Николая Чудотворца в Горбачихе; св. Ильи Пророка на Мамоновом острове)

Это часовни, состоящие из основного сруба и галереи, огибающей его с трех сторон (запад, север, юг). Вход на галерею в обеих часовнях устроен с запада. В качестве завершения часовни близ Горбачихи использован крест без главки, врубленный в конек кровли.

Сруб с галереей с трех сторон и звонницей (1 часовня)

(св. Иоанна Богослова в Зихново, или Зехново)

Единственный сохранившийся на Кенозёрье памятник, состоящий из основного сруба, примыкающей к нему галереи с трех сторон (запад, север, юг) и звонницы над галереей с запада — это часовня в Зихново. Часовню св. Иоанна Богослова по праву можно назвать уникальной для Кенозёрского края. Поставленная

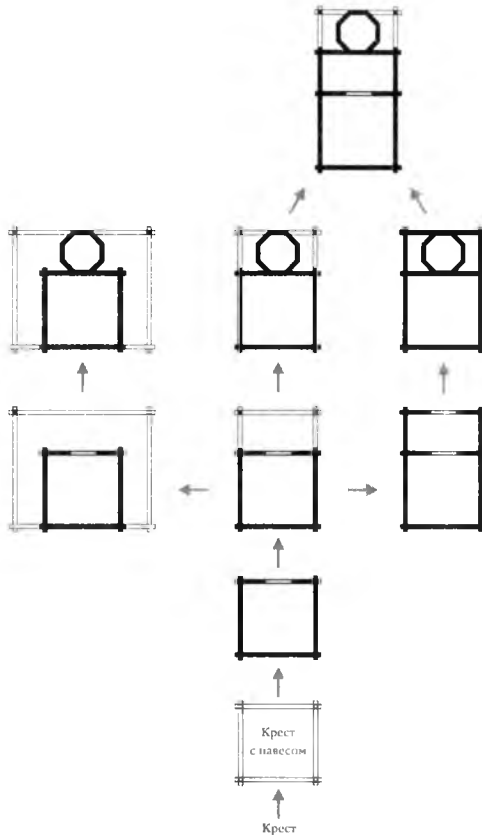

Ил. 14. Часовня св. Иоанна Богослова в деревне Зихново

на кромке высокого склона на краю деревни, над озером, она смотрится удивительно красиво. Рядом с ней, подчеркивая устремленный ввысь силуэт часовни, растут «святые» деревья. Несвойственной для Кенозёрья особенностью постройки является ее установка на высокий подклет. Часовня св. Иоанна Богослова — одно из самых замечательных произведений безвестных кенозёрских мастеров XVIII века.

Иллюстрацией к представленной классификации служит таблица планов часовен, где схематично отображено усложнение их архитектурных форм. На примере памятников Кенозёрья мы прослеживаем эволюцию архитектурных форм деревянных клетских часовен с двускатной кровлей от простейших до наиболее развитых. Развитие, шедшее по пути усложнения архитектурных форм, не всегда соответствует хронологии объектов. Простые по архитектуре постройки порой значительно моложе тех, что имеют сложные решения. Это объясняется одной из особенностей народного зодчества, когда строительство по образцу предопределяло длительное параллельное существование прототипов и их производных ⁷.

⁷ Орфинский В.П. Особенности деревянного культового зодчества Карелии // Архитектурное наследство. Вып. 31. М., 1983. С. 20.

Ил. 15. Сравнительная таблица планов кенозёрских часовен, отражающая последовательность развития архитектурных решений

Составленная нами схема делится на шесть типологических уровней.

Первый уровень — это поклонный крест (малая архитектурная форма).

Второй уровень — поклонный крест с навесом над ним, что уже представляет собой некое подобие здания.

Третий уровень — клеть с поклонным крестом внутри. В данном случае постройка сруба вызвана необходимостью защиты святыни от неблагоприятных природных воздействий. При переходе на этот уровень следует отметить влияние жилых построек, простейшие формы которых повторены в устройстве часовни.

Четвертый типологический уровень — клеть с дополнительным объемом в виде галереи (и ее разновидностей) или притвора. Пристройка дополнительного помещения, в частности рубленого притвора, еще более усиливает сходство часовни с жилыми домами (изба с сенями).

При переходе на пятый типологический уровень происходит усиление композиционной оси «земля — небо», что выражается в устройстве звонниц. На данном уровне заметно влияние каменной архитектуры XVII века, так как именно в то время впервые появляются шатровые звонницы над притвором или крыльцом храмов. Появление звонниц во многом связано с переходом от «очепных» колоколов к «языковым»⁸.

Шестой типологический уровень — это производная от двух прототипов: клеть с галереей и звонницей над галереей и клеть с притвором и звонницей над притвором. Таким образом, это клеть с притвором, галереей с запада и звонницей над галереей.

Рассмотренное разнообразие архитектурных форм на примере сохранившихся кенозёрских часовен свидетельствует об уникальности Кенозёрского края по количеству сосредоточенных здесь памятников.

Рассмотрев общие архитектурные формы, обратимся к отдельным деталям кенозёрских часовен. В первую очередь следует сказать о звонницах.

Звонницы, объединенные с храмом, появившиеся в деревянном зодчестве под влиянием каменного, помещаются, как мы уже отмечали, над притвором или над галереей с западной стороны. Звонницы кенозёрских часовен нами были систематизированы по количеству граней основания. Мы разделили их на три группы: четырехгранные, восьмигранные и шестигранные.

Четырехгранные звонницы (5 часовен)

К данной группе принадлежат часовни в деревнях Карпово, Монино, Пормское, Тарасово, Федосово. В двух часовнях (Карпово, Пормское) на звонницах имеются карнизы (полицы над рубленой частью), которые являются полом яруса звона, используются для отведения влаги и придают большую устойчивость конструкции. В трех остальных часовнях карниза нет. Отметим интересную особенность: форма завершения яруса звона часо-

⁸ *Кавельмахер В. В.* Способы колокольного звона и древнерусские колокольни // РусАрх. Электронная научная библиотека по истории древнерусской архитектуры.
URL: <http://www.rusarch.ru/kavelmakher5.htm>.

Ил. 16. Часовня св. Афанасия Милостивого в деревне Тарасово

вен в Тарасово, Минино — это зауженный шатер (приближенный к шпилью) с расширенными полницами. В часовне св. Антония в деревне Пормское — пологая кровля с высоким шпилем и крестом. В часовнях Карпово и Федосово — обычной формы шатер с полницами. Можно предположить, что не было каких-либо четко выраженных взаимосвязей между четырехгранной формой основания звонницы и ее завершением.

Восьмигранные звонницы (7 часовен)

Звонницы подобной формы зафиксированы на часовнях в деревнях Бор, Бухалово, Зихново, Тарышкино, Свиное. Восьми-

Ил. 17. Часовня св. Ильи Пророка в деревне Свиное

гранные звонницы часовен в Вершинино и Тамбич-Лахте соединены с четвериком.

Часовни в Бухалово и Тамбич-Лахте завершены плоской кровлей с невысокой главкой. В часовнях деревень Зихново и Тырышкино — покрытие в форме зауженного шатра с полницами. В часовнях в деревнях Бор и Свиное — обычный шатер с полницами. На звоннице часовни св. Николая Чудотворца в селе Вершинино — слегка выпуклая шлемообразная кровля с высоким шпилем (первоначально). Мы можем отметить, что все восьмигранные звонницы имеют карнизы-полницы и практически все — разные окончания кровельного теса над ярусом звона.

Особые случаи в данной группе — звонницы часовен в Вершинино и в Тамбич-Лахте. Колокольня Никольской часовни в Вершинино была пристроена к существовавшему памятнику в начале XX века на отдельном четвериковом основании, поставленном вплотную к притвору часовни. У часовни Пречистой Богородицы в Тамбич-Лахте встречается очень редкая для часовен Кенозёрья форма звонницы в виде восьмерика, приподнятого на небольшом четверике.

Ил. 18. Часовня Введения Пресвятой Богородицы во Храм в деревне Рыжково

Шестигранные звонницы (5 часовен)

К этой группе относятся часовни в деревнях Глазово, Горбачиха, Немята, Рыжково, Осташевская. Все кенозёрские шестигранные звонницы имеют карниз и покрытие в виде шатра с полицами. На некоторых постройках шатры заужены (Горбачиха, Рыжково). Это интереснейшая группа памятников.

Распространение различных форм основания колоколен требует отдельного рассмотрения, но по известным литературным источникам мы видим, что, например, у карельских часовен больше всего восьмигранных звонниц (их количество во много раз превышает шестигранные и четырехгранные). На втором месте по числу построек — четырехгранные звонницы, и только в отдельных случаях (часовни в заонежских деревнях Подъельники, Великая Нива ⁹) встречаются шестигранные звонницы. В Архангельской области, также как и в Карелии, самыми распространенными были восьмигранные звонницы, реже встречались четырехгранные и совсем редко — шестигранные. Таким образом, большинство шестигранных звонниц часовен находится именно

⁹ Мильчик М. И. Заонежье в старых фотографиях: Альбом. СПб., 2001. С. 117.

в районе Кенозёрья¹⁰. С чем связана эта особенность? Ответить на этот вопрос пока не представляется возможным, но уже сейчас можно отметить, что и большинство шестигранных колоколен, отдельно стоящих при церквях, встречаются также преимущественно в районе верхнего и среднего течения реки Онеги.

Отдельно следует сказать и о различных типах покрытий, встречающихся на Кенозёрье. Большинство кенозёрских часовен завершено простой двускатной кровлей. Менее распространенными здесь являются высокие клинчатые покрытия с полицами. Подобные завершения мы видим лишь на часовнях в Вершинино, Глазово и на часовне из деревни Мамонов Остров. Клинчатые покрытия были распространены в XVII–XVIII вв. как в землях центральной России, так и на Севере. Однако сочетание их с полицами характерно именно для Севера и не встречается в среднерусских землях. Это интересная закономерность, которая также требует дальнейшего изучения.

Несомненной особенностью многих кенозёрских часовен являются характерные главки на тонких шеях, устроенные над коньком главного объема. Незаметная тонкая шея придает завершению часовни особую изящность, заставляя воспринимать главку как дополнительный декоративный элемент, ощущать ее парящей в воздухе, словно она не врублена в конек кровли, а действительно «ниспослана с небес». Тонкая шея делает более величественным и сам памятник, подчеркивая его основные формы завершения — двускатную кровлю и доминирующую над ней собственно главку.

Среди кенозёрских часовен отдельно следует выделить уникальную Никольскую часовню в Горбачихе. Это единственная на Севере и очень редкая для русского деревянного зодчества часовня с треугольной восточной стеной, то есть «ложным алтарем». Примечательно, что этот уникальный пример сохранился именно на территории Кенозёрья.

Отмеченные нами архитектурные особенности лишней раз подтверждают, что памятники Кенозёрья бесценны для нас, ибо на примере небольшого по территории района можно увидеть их удивительное разнообразие. Все вышперечисленное указывает на необходимость сохранения в целостности Кенозёрья, осторожного отношения к памятникам деревянной архитектуры в процессе реставрационных работ, бережного сохранения и точного воспроизведения их форм.

За последние годы в Кенозёрском парке отреставрированы многие памятники деревянного зодчества, при этом обоснованность некоторых реставрационных решений вызывает значительное беспокойство. Эта проблема касается далеко не только

¹⁰ Головкин К. Г. Деревянные часовни Русского Севера. М., 2005.

Кенозёрья, но именно здесь качество производимых реставраций приковывает особое внимание в силу уникальности края как заповедника деревянной архитектуры.

Основная проблема, возможно, заключается в том, что большинство находящихся на территории Кенозёрского национального парка деревянных часовен являются памятниками не федерального, а местного значения. Отсюда и соответствующая категория охраны. Интересно отметить, что некоторые часовни до сих пор не поставлены под охрану даже на местном уровне. В результате проекты реставрации деревянных часовен не проходят экспертизу в федеральных структурах, а ограничиваются утверждением лишь «на местах». Чтобы не быть голословными, проиллюстрируем свои размышления конкретными примерами из практики реставрации памятников деревянного зодчества на территории Кенозёрского национального парка в 1991–2008 гг.

Никольская часовня в Вершинино по праву является символом Кенозёрского национального парка. Она поставлена на высоком холме. Клинчатая кровля еще больше подчеркивает ее устремленность ввысь. Это памятник пережил несколько строительных периодов. Построенный в XVIII в., а по предложениям некоторых исследователей — в XVII в.¹¹, он представлял собой клеть с высокой клинчатой кровлей с полницами. С запада к часовне примыкал низкий притвор и крыльцо. Таковым памятник запечатлен на фотографии И. Я. Билибина, сделанной в годы его путешествий по Русскому Северу (около 1903 г.). В период между 1903-м и 1910 г. Никольская часовня была значительно перестроена. С запада к ней была прирублена колокольня на отдельном основании, изменен вход. Колокольню венчал купол с высоким шпилем, свойственный скорее не деревянной, а каменной архитектуре классицизма. В таком виде часовня дошла до начала 1990-х гг. С организацией Кенозёрского национального парка и обустройством двух его центров — в Морщихинской и Вершинино, Никольскую часовню решили отреставрировать одной из первых, сделав ее символом парка. В процессе совместной российско-норвежской реставрации часовня была отреставрирована с сохранением форм 1910 г. Памятник очень органично вписан в окружающий пейзаж, причем завершение колокольни относительно нейтрально сочеталось с основным объемом и подчеркивало значимость форм самой часовни. Вторая реставрация Никольской часовни последовала в начале 2000-х гг. Тогда и было изменено завершение колокольни. Ее перекрыли высоким шатром. Таким образом, в композиции часовни появилась новая высотная доминанта, не соответствующая исторической действительности и изменившая сложившееся восприятие памятника.

¹¹ Гунн Г. П. Каргопольский озерный край. М., 1984. С. 99.

Ил. 19. Никольская часовня в селе Вершинино

Подобное отношение недопустимо к памятнику истории и культуры. Оптимальным вариантом реставрации часовни в Вершинино могло бы быть сохранение памятника в формах 1910 г. (что и было сделано в результате первой реставрации). Вариантом реставрации памятника могло быть и возвращение форм XVIII–XIX вв. (тогда пришлось бы убрать колокольную востановку).

Неменьшие вопросы возникают по поводу реставрации деталей ряда других часовен. Нами уже было отмечено, что некоторые кенозёрские часовни были завершены изящными небольшими главками на высоких тонких шейках. Эта особенность является своеобразным отличием, тоже «визитной карточкой» Кенозёрья. Однако в процессе реставраций часовен св. Иоанна Предтечи в Горбачихе, св. Пахомия Кенского в Карпово, св. Ио-

анна Богослова в Зихново главки на тонких шеях были заменены на достаточно массивные главки на толстых шеях — то есть первоначальные формы оказались видоизменены до неузнаваемости. В результате этого произошло непривычное зрительное слияние кровли, толстой шеи и собственно главки, что привело к определенной утрате своеобразия памятника, придало ему новый, несвойственный для него облик. То же самое произошло и с шатром звонницы часовни в Горбачихе. Узкий шатер в результате реставрации заметно «потолстел», между тем, как зауженные наподобие шпиля шатры также составляют одну из характерных особенностей зодчества Кенозёрья.

Изменяемая по невнимательности реставраторов та или иная деталь, будь это главка, шея, шатер, искажает художественный, а самое главное — исторический облик памятника.

Несмотря на организацию Кенозёрского национального парка, на его территории продолжают утрачиваться памятники. Несколько лет назад окончательно разрушилась, не дождавшись своей реставрации, часовня св. Макария Желтоводского в деревне Осташевской. Горько видеть, что вскоре после этого рядом с рухнувшей часовней была возведена новая, несколько не схожая по архитектурным формам с утраченной. Сейчас под угрозой исчезновения находится несколько интереснейших памятников. Забытой и заброшенной оказалась интересная часовня Собора Пресвятой Богородицы в деревне Глушево. Кровля часовни вместе с массивной главкой давно провалилась внутрь, прочно стоит лишь восточная стена, поддерживаемая каркасом иконостаса. Памятник нуждается в скорейших противоаварийных и консервационных работах и тщательном обследовании с целью возможности его восстановления. Лишь стены основного сруба да проваленная кровля сохранились от часовни свв. Козьмы и Дамиана в Чолме. Чуть лучше обстоит дело с часовнями св. Ильи Пророка в Свином, Владимирской Богоматери в Орлово, св. Великомученицы Варвары в Матере. Однако если своевременно не отреставрировать или хотя бы не законсервировать эти погибающие памятники — они окажутся утраченными навсегда.

Подобные утраты, как и порой неграмотно проведенные реставрации, способствуют исчезновению единого культурного пространства, разрушению сложившегося заповедника русского деревянного зодчества.

Определенную долю настороженности вызывает и большое количество новостроек, которые в большом количестве возводятся в Кенозёрском национальном парке. Среди них, наряду с уже отмеченной часовней в Осташевской, следует отметить так же часовни в Мызе, Морщихинской, Екимово. Точно зная архитектурные формы старинной екимовской часовни (в середине XX века она была перенесена и сейчас находится на склоне

холма в Шишкино), в Екимово соорудили постройку, существенно отличающуюся от прежней и, надо признать, мало похожую на часовню. Часовня св. Александра Невского в Мызе, где неплохо выполнен основной объем, получила непропорционально зауженную звонницу, формы которой совершенно не соответствуют традициям кенозёрского строительства. Новая часовня в Труфаново вообще демонстрирует, насколько неудачным может быть архитектурное решение деревянной постройки. Это заставляет обратить особое внимание на разработку проектов новых часовен, сооружаемых на Кенозёре. В них не должно быть противоречия с теми традициями, которые веками складывались и поддерживались в этом крае.

Замечательный исследователь русского деревянного зодчества А. В. Ополовников в своих работах неоднократно подчеркивал, что из деревянного зодчества в XIX в. уходит народный дух, начинает внедряться «типовое» строительство. Это замечание, вполне правомерное для деревянных церквей, опровергается как раз деревянными часовнями Кенозёрья. Здесь, как в XVIII, так и в XIX в. следовали многовековым традициям предков, создавая новые постройки, как «мера и красота подскажет». Это и позволило сформироваться настолько своеобразному архитектурному району — Кенозёрью.

Былинное Кенозёрье, пережившее столетия, не должно погибнуть в XXI в. И сохранение единого историко-культурно-архитектурного пространства этого края должно стать заботой не только местных, но и федеральных властей. В 1980-е гг. планировалось превратить Кенозёрье в филиал Архангельского музея деревянного зодчества «Малые Карелы». С организацией Кенозёрского национального парка эта идея ушла. Поэтому сейчас хотелось бы обратить самое пристальное внимание на корректность проводимых здесь реставрационных работ и качество архитектурных решений новых построек.

ПАМЯТНИКИ НАРОДНОЙ АРХИТЕКТУРЫ РУССКОГО СЕВЕРА: ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ И СООРУЖЕНИЯ, МАЛЫЕ ФОРМЫ

Опыт классификации

Социально-экономические и культурные процессы, имевшие место в России в последние десятилетия XX и начале XXI в., заметно изменили жизнь и быт сельских жителей, повлияли на застройку поселений и ландшафтов, повлекли за собой реконструкции и утрату традиционного жилища и хозяйственных сооружений. В условиях современного сельскохозяйственного производства, организации семейных ферм, увеличения значимости личных подсобных хозяйств и т. п. возврат к использованию некоторых традиционных хозяйственных и инженерных сооружений представляется актуальным.

Многие культовые, жилые, хозяйственные постройки Русского Севера были систематизированы достаточно подробно, им уделялось внимание как этнографов, так и архитекторов¹. Однако предлагаемая ниже работа, выполненная еще в конце 1970-х — начале 1980-х гг. и ранее не опубликованная, представляет систематизацию таких сооружений иного типа. Она касается памятников, расположенных в поселениях Архангельской и Вологодской областей². Уже позже была уточнена региональная принадлежность многих из перечисленных ниже построек. Ряд из них был предложен к перевозке в музей деревянного зодчества Вологодской области и в музей «Малые Корелы» близ Архангельска³. Методика проектирования и формирования музеев, в которых представлены многие из описываемых хозяйственных,

¹ Орфинский В. П., Гришина И. Е. Типологическая система сельской архитектурно-пространственной среды. Вып. 1. Жилищно-хозяйственные комплексы, их части и элементы. Петрозаводск, 1990. 253 с. Рукоп. деп. в ВНИИТПИ. № 10827; Орфинский В. П., Гришина И. Е. Деревянные крестьянские амбары Русского Севера и Сибири // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера. Межвуз. сб. Петрозаводск, 1989. С. 42–66.

² Севан О. Г. Народное деревянное жилище Русского Севера (Архангельская и Вологодская область). Дис. ... канд. архитектуры, МАРХИ. М., 1981.

³ Севан О. Г. Типология хозяйственных построек Русского Севера. Арх. ин-та «Спецпроектреставрация». Шифр 120. Арх. № 1639. 1980.

Ил. 1. Село Кельчемгора. Деревня Заручей. Мезень.
Рис. автора. 1982

инженерных сооружений и малых форм архитектуры, была опубликована ⁴.

Не останавливаясь на детальном анализе и на описаниях представленных ниже сооружений, отметим особенности предлагаемой систематики. Она имеет практическое значение, поскольку разрабатывалась в связи с необходимостью отбора сооружений для перевозки в музеи и ориентирована на региональную специфику. Несомненно, она проще, доступнее и нагляднее для отбора памятников и их представления в различных секторах (или искусственно создаваемых деревнях), чем классификация, предложенная В.П. Орфинским. По определению О.И. Пруцына, это своеобразная «таблица Менделеева» памятников хозяйственного назначения, в которой по горизонтали представлены

⁴ Севан О. Г. Музей Малые Корелы // Архитектура СССР. 1990. № 3. С. 94–99; Она же: Музей близ г. Вологды // Архитектура и строительство России. 1990. № 7. С. 24–25; Она же: Малые Корелы. Методика проектирования и формирования музея деревянного зодчества // Реставратор / Отв. ред. О.И. Пруцын, В.А. Виноградов. М., 2002. № 1. С. 35–38.

планы сооружений (амбаров, бань, ледников), а по вертикали — особенности устройства покрытий. В незаполненных клетках могут быть добавлены не выявленные на период исследования, но возможно обнаруженные уже позже другими исследователями сооружения.

В работе проанализированы и систематизированы амбары, ледники, бани, овины и риги, гумна, мельницы — ветряные и водяные, мосты, подпорные стенки, колодцы, рассадники, качели, ворота, изгороди. Некоторые сооружения хотя не представлены в таблицах, но также рассматриваются, поскольку являются составной частью крестьянских усадеб и традиционных сельских поселений. Это — магазины, поварни, кузницы, смолокурни. Особым образом стоят малые культовые архитектурные формы — кресты, которые автор посчитала необходимым описать вкратце, поскольку их можно встретить не только на кладбищах, но и внутри поселений, в т. ч. на крестьянских усадьбах. Это обетные, т. е. поставленные по обету кресты. Рассматриваемая территория включает Архангельскую и Вологодскую области. Хронологические границы систематизируемых объектов — вторая половина XIX — начало XX в.

Амбар был одной из необходимых и распространенных в крестьянском хозяйстве построек, входящих составной частью в усадебный комплекс. Амбары имеют различные назначения: для хранения зерна — житница, для хранения рыбы и рыболовецких принадлежностей, для соломы (при гумнах), а также для различной утвари и одежды. Они занимают различное положение в усадьбах. В поселениях на реках Пинеге, Мезени и Сухоне они стоят не только в усадьбах, но и в стороне от жилой застройки. Группами или рядами они выстраивались на краю поселений, образуя так наз. «амбарные городки». На Ваге — напротив окон дома, за дорогой. Рыбные амбары, как правило, ставили у самой воды.

Многообразно объемное решение амбаров, особенно интересных тем, что они сохранились до наших дней практически без перестроек, в отличие от часто перестраивавшихся жилых домов. Амбары воздвигают, подобно простейшей избе, в виде квадратного или прямоугольного сруба, стены которого рублены в обло с остатком или в лапу, с покрытием в более ранних постройках по курицам и потокам, с охлупнем. Распространенная форма кровли на амбарах — двускатная, с двумя вариантами направлений скатов. Односкатной кровлей («лабасом») перекрывают небольшие одноэтажные постройки; покрытия сегментной формы редки (встречаются в северных районах Вологодской области, в Республике Коми). Покрытием является, как правило, двухслойный тес, который иногда прижимается к основанию бревнами — гнетами, попарно связанными горизонтальными досками —

	1	2	3	4	5		1	2	3	4	5
А						А					
Б						Б					
В						В					
Г						Г					
Д						Д					
Е						Е					
К						Ж					
З											
И											
К						А					
П						Б					

Таблица 1. Типология амбаров, встречающихся в Архангельской и Вологодской областях.
Предложения автора. 1981

огнивами. Такой амбар можно видеть стоящим на подпорной стенке в Мезенском секторе музея «Малые Корелы».

Амбары можно подразделить на несколько типов: четырех-, пяти- и шестистенные («двойни», «тройни» и с «заулком»), в которых, в свою очередь, можно выделить виды с их вариантами (табл. 1). Вид определяется особенностями архитектурного решения сруба — основного конструктивного элемента постройки: 1 — простой прямоугольный сруб, поставленный на землю; 2 — сруб с открытым предместьем и навесом над входом; 3 — сруб с открытым предместьем или с навесом, поставленный на отдельный сруб в реж или отдельный нижний венец; 4 — с открытым предместьем или с навесом, поставленный на «ножки» — столбики; 5 — двухэтажные амбары.

Вариантность внутри данного вида возможна по характеру устройства кровли и элементов, с ней связанных: А — двускатная с направлением скатов в стороны от лицевого фасада; Б — односкатная, скат направлен в сторону от входа; В — двускатная с направлением скатов в сторону от входа и противоположенного фасада; Г — сегментная; Д — с двумя навесами (залобниками); Е — по наличию столбов, поддерживающих свесы или галереи; Ж-Л — прочие варианты с конструктивными элементами, характерными для определенного типа и вида, не представленные выше.

Простейшие амбары, поставленные на землю, имеют небольшие размеры. Перед входом устраивается открытая площадка (предместье) — выступающая вперед нижняя часть сруба по всей длине главного фасада. Над площадкой имелся навес («залобник» или «кошель»), защищающий предместье и проем двери от атмосферных осадков. Он устраивался путем удлинения верхних бревен сруба. Иногда углы навеса опираются на столбы, которым придается различная декоративная обработка, или по внешнему периметру площадки устраивается ограждение в виде парапета с резными или точеными балясинами. Порой этими ограждениями служат стойки или вертикально поставленные доски, врубаемые в нижний венец навеса и в бревенчатую обвязку площадки при входе. Подобные ограждения увеличивают полезную площадь амбара (они распространены повсеместно). Некоторым усложнением объемно-пространственного решения построек является устройство навеса на заднем фасаде амбара, что служило увеличению используемой площади внутри сооружения и одновременно предохраняло заднюю стену от атмосферных осадков (Сухона, Мезень).

Постройки на столбах представляют древнейшую форму амбаров (лабазы) для хранения дичи, пушнины, а иногда и продуктов. Они поставлены на высокие, в рост человека, столбы, предохраняющие их от проникновения зверей (реки Пинега, Мезень,

Ил. 2. Амбар в деревне Заручей. Мезень.
Фотография А. Б. Бодэ

Сухона, верховье Вычегды). Этот принцип постановки складского помещения на столбы — «ножки» — широко используется до сих пор и имеет разновидность в опорной конструкции в виде круглых столбиков, вырезанных в виде гриба — усеченного конуса с горизонтальной подрезкой, преграждающей путь грызунам, или соединения конструкции в реж с тесинами-стойками, опирающимися на горизонтальные бревна основания. Порой амбары строились и на подпорной береговой стенке, где прочная конструкция представляется важным элементом всего берегового укрепления, что можно видеть на Мезени и в соответствующем секторе музея «Малые Корелы».

Наиболее развитую форму представляют двухэтажные амбары, поставленные на землю или на стойки и в редких случаях — на ряжевую конструкцию основания, с галереей или балконом, с наружной лестницей на второй этаж. На лицевой стене на первом этаже имеется дверь и может быть окно на втором этаже, используемом летом под жилье (Вага, Мезень, Пинега). Возможны варианты с дверями на обоих этажах амбаров (Мезень). Сегментная кровля двухэтажных амбаров встречается в районах бывшей Вологодской губернии (сегодня в Республике Коми).

Ил. 3. Амбарный городок. Музей «Малые Корелы». Фотография автора

По берегам Ваги были распространены двухэтажные амбары-конюшни, в которых первый этаж представлял собой сарай для хранения повозок и одновременно конюшню с широкими воротами и земляным полом. Второй этаж, консольно нависающий над первым, являлся сеновалом и имел закрома для хранения зерна. На сеновал вел деревянный взвоз. Кроме того, можно встретить объединение амбара и ледника в пятистенном срубе. Или в двухэтажном сооружении в первом этаже располагается ледник с полками для продуктов и ледниковая яма, а во втором — амбар (Двина, Мезень, Пинега).

В тех случаях, когда в центре амбара проходит переруб, то есть помещение становилось пятистенным, количество дверей, окон, столбов галереи соответственно увеличивалось. Переруб на главном фасаде может доходить до конька амбара или до нижней части «залобника». Для пятистенных амбаров характерны все основные конструктивные элементы, присущие четырехстенным сооружениям.

Среди шестистенных амбаров встречаются амбары-двойни и амбары-тройки, т. е. имеющие три помещения с самостоятельными входами. В выпуски бревен торцевых стен над входами

Ил. 4. Амбар над берегом в деревне Козьмогородское. Мезень.
Фотография А. Б. Бодэ

иногда врубали дополнительное бревно для просушки вещей или сетей (в рыбных амбарах). Амбары-двойни имеют две двери с лицевой стороны, а между ними две капитальные стены, доходящие до потолка первого этажа — в двухэтажных или до конькового бруса — в одноэтажных амбарах. Второй этаж, если он имеется, может быть четырехстенком или пятистенком.

Таким образом, в архитектурных решениях амбаров различного рода выступы, свесы, пристройки на столбах перед входом, галереи с лестницами, кронштейны и прочие элементы чисто служебного назначения одновременно являлись и украшениями постройки. В чистом виде декоративная обработка на амбарах встречается редко. Иногда концы верхнего косяка дверного проема имеют небольшую порезку. Замочная оправа может иметь различные витиеватые формы. Многие из рассмотренных типов амбаров можно видеть в музее «Малые Корелы».

Для исследуемых территорий были характерны часовни, перестроенные из амбаров, так наз. «часовни-амбаронки». Поскольку в народных представлениях амбар считался «чистым» помещением, то в нем могли висеть иконы, здесь же хранили наиболее значимые предмета культа и документы. Встречаются соединения амбара с часовней: пристроенное к амбару помещение молебни или их совмещение в двухэтажном срубе — в первом этаже находился амбар или складское помещение, а наверху — часовня. «Часовни-амбаронки» были как мирские (строенные на средства общины), так и вотчинковые (построенные крестьянами по собственному желанию)⁵. Они были распространены на Пинеге, Мезени, Сухоне, в Кирилловском районе Вологодской области. От амбаров их отличает лишь наличие креста на коньке кровли.

Магазеи могли быть сооружениями больших или средних размеров. Как правило, это двухэтажные амбары, приспособленные для хранения зерна, игравшие роль больших складов на случай неурожая или каких-то неблагоприятных событий (пожаров, войн и пр.). Они до сих пор сохранились в селениях по берегам Ваги, Двины, Вычегды и Сухоны, стоя в стороне от жилых построек. Магазины как общественные магазины на Севере появились под официальным государственным влиянием⁶ и строились, главным образом, на общественные средства («складничество»), но часто самостоятельно каким-нибудь зажиточным крестьянином.

Все эти постройки, будучи чрезвычайно близки между собой по конструкции, отличаются своими размерами и пропорциями. В основном, магазины представляют собой вытянутый в длину двухэтажный сруб, имеющий внутренние стены-перерубы и перекрытый двух- или четырехскатной кровлей, с окошками-продухами в обоих этажах. В первом этаже на торцевом фасаде магазина, как правило, устроены ворота, на второй этаж подвода с зерном могла подняться по взвозу. Над воротами устраиваются специальные щели (или двери), предназначенные для проветривания и освещения второго этажа. Вдоль стен на обоих этажах устроены сусеки для хранения зерна, а связь между этажами осуществляется по внутренней лестнице. Четырехскатное покрытие, которое можно сегодня видеть на некоторых магазинах, как правило, более позднее и характерно для построек, возводимых в конце XIX — начале XX в.

Ледник (погреб, напогребница) (табл. 2) занимает значительное место в ряду хозяйственных построек, поскольку многие

⁵ Юшков С. В. Очерки из истории приходской жизни на Севере России в XVI–XVII вв. СПб., 1913. С. 57.

⁶ Едемский М. В. О крестьянских постройках на Севере России // Живая старина. СПб., 1913. С. 25–116.

ЛЕДНИКИ					ОВИНЫ, РИГИ					
	1	2	3		1	2	3	4		
А										
Б										
В										
Г										
Д										
Е										
БАНИ						ОВИНЫ, ГУМНА				
	1	2	3	4	5	6				
А										
Б										

Таблица 2. Типология ледников, овинов, гумен, риг, бань Русского Севера.
Предложения автора. 1981

запасы продовольствия необходимо было сохранять довольно продолжительное время в особых температурных условиях. Ледники ставятся недалеко от входа в дом. Если в данной местности уровень грунтовых вод находится значительно ниже поверхности земли, то ледник (собственно ледохранилище) устраивается в земле; в противном случае — над землей⁷. Ледник должен удовлетворять многим условиям: температура внутри ледника должна быть постоянной, стены ледника не должны пропускать воду, выход делается с северной стороны и т. д. Сохраняемые припасы в помещениях ледника, как правило, размещаются на каменном полу или на полках, устраиваемых вдоль стен.

Самым распространенным вариантом ледников в Архангельской и Вологодской областях (помимо их размещения в подклетах домов) являются деревянные постройки, наземная часть которых рублена в обло, а подземная — в лапу; их глубина доходит до 2–2,5 м, а поперечные размеры до 2 м. Кровля односкатная или двухскатная, иногда дугообразная и, как правило, тесовая.

Ледники, как и амбары, можно подразделить на четырех- и пятистенные. Последние являются комбинациями ледников и амбаров в одном строении. Оба типа ледников, в свою очередь, подразделяются на виды, определяемые основными конструктивными элементами срубов: 1 — с открытым предместьем; 2 — с навесом над входом; 3 — двухэтажные: первый этаж — ледохранилище, второй — наземная часть ледника или же первый этаж — ледник, а второй — амбар.

Вариантность внутри данного вида возможна по различиям в устройстве кровли: А — двускатная с направлением скатов в стороны от лицевого фасада; Б — односкатная с направлением ската в сторону от входа; В — двускатная с направлением скатов к входу и в противоположную от входа сторону; Г — сегментная; Д, Е — все прочие варианты.

Поскольку пятистенные срубы ледников-амбаров представляют небольшую вариантность архитектурно-конструктивных решений, то они могут быть условно объединены в один типологический ряд. Больше всего их встречается на Пинеге и Мезени. Встречается объединение ледника и амбара с колодцем (бассейн Ваги). А для районов Мезени, где крутые берега укрепляются подпорными стенками, распространенным вариантом ледников является включение их рубленой конструкции в субструкцию стенки. Сруб ледниковой ямы проходит ниже уровня настила стенки, а наземная часть ледника базируется на ее ряжевой конструкции (табл. 2, Б), что также можно видеть в музее «Малые Корелы».

Разновидностью ледников являются погреба в виде прямоугольного сруба с дверью, засыпанные землей таким образом, что

⁷ Ледники // Зодчий. 1872. № 1. С. 33–34.

Ил. 5. Амбары, ледники, бани, соединенные разноуровневыми мостами-переходами, располагавшиеся над высоким берегом Мезени. Воссоздание в музее «Малые Корелы». Фотография автора

открытыми остаются лишь потолок и дверь, а порой — только одна дверь. Подобные ледники встречаются в западных районах Вологодской области, на Двине (табл. 2, Д). В верховье Двины встречаются погреба, где наземная срубная часть отсутствует и заменена конструкцией, похожей на колодец-ворот, с той только разницей, что к веревке, опускаемой в ледниковую яму, привязывается не ведро, а коромысло для ведра. Хозяин, стоя внутри ледника, накладывает в него продукты, а затем воротом с земли ведро вынимается из ямы. Подобные ледники могут размещаться и группами между порядками домов деревни (табл. 2, Е-1).

Баня является необходимым элементом северорусской усадьбы второй половины XIX — начала XX в., и только бобыли (одинокие жители) и беднейшая часть крестьянства не имели собственных бань и пользовались соседскими. Как правило, они ставились по берегам рек или озер, недалеко от дома, но часто и в глубине дворового участка, за домом. На Пинеге и Мезени они размещались группами, образуя так называемые «банные кусты», в стороне от домов в целях пожарной безопасности и в связи

с народными поверьями и обрядами. В отличие от амбара баня считалась «грязной» постройкой, поскольку в ней не только мылись и стирали, но и рожали, гадали и пр.

В Вологодской и Архангельской областях бани встречаются трех типов (шести разновидностей) (табл. 2). Первый весьма редок и имеет четырехстенное помещение без предбанника, т. е. является однокамерным строением. При пользовании ими раздевались снаружи. Мыльное помещение включает печь (в банях по-черному — каменку), полати и лавки вдоль стен. Пол со щелями для стока воды между пластинами-половицами был настелен по лагам, лежащим прямо на грунте. Такие бани встречаются на Пинеге, Мезени, в западных районах Архангельской и Вологодской областей. Они характерны также для карел и финнов⁸.

Бани второго типа (табл. 2 — 2, 3, 4, 5) имеют навес над входом смешанной рубленой и каркасной конструкции, который иногда зашивается горизонтальными досками или ограждается вертикальными стойками по трем открытым сторонам предбанника. Стойки врубаются в бревенчатую обвязку навеса и в нижние бревна сруба на уровне земли, оставляя открытым вход. Так образуется помещение предбанника, которое является элементом двухкамерных бань.

Наиболее распространенным во всех исследованных районах является третий тип бань — это пятистенный сруб с внутренней разделительной стеной между предбанником и собственно мыльным помещением.

Вариантность рассматриваемых сооружений возможна, как в амбарах, так и в ледниках, в связи с различным устройством кровли — односкатным или двускатным, в более старых постройках — по курицам и потокам с охлупнем. Очень редки сегментные покрытия. В настоящее время бани, отапливаемые по-черному, встречаются так же часто, как и бани по-белому, получившие распространение в более населенных районах областей.

Овины и риги были распространены в крестьянском хозяйстве во второй половине XIX — начале XX в. на всей территории Архангельской и Вологодской областей. Овины считались местом пребывания душ умерших, и в них происходили различные священнодействия, связанные с поклонением огню. Эти постройки служили для сушки снопов, и представляют собой двухъярусные постройки: в первом размещалась печь, а во втором — снопы. Овины могут быть ямными и верховыми. В первом случае нижний ярус целиком или частично углублен в землю, во втором — на поверхности земли. В Архангельской области чаще распространены верховые овины, в Вологодской — и те,

⁸ Харузин Н. М. Очерк развития жилища у финнов. М., 1895.

Ил. 6. Комплекс мезенской крестьянской усадьбы. Музей «Малые Корелы». Фотография автора

и другие⁹. Принцип просушки снопов, неоднократно описывавшийся исследователями¹⁰, состоит в следующем. В нижнем ярусе овина (в подовине) расположена печь-каменка (или глинобитная), дым от которой выходит через дверь и небольшие продухи или окна. Горячий воздух поднимается вверх и проходит через бревна перекрытия и в специальные проемы (пазухи) пола в помещение второго яруса (садило), где находятся жердины-колосники, на которые укладываются снопы для просушки.

Конструктивно овины решаются просто (табл. 2). Это одно-, двух- или трехкамерные срубы, стены которых рублены в обло, и перекрытые одно- или двускатной тесовой кровлей (реже — четырехскатной). В центральных районах Вологодской области встречалось покрытие соломой с жердинами, укладываемыми сверху. Подобные покрытия характерны для более южных районов России. Поперечные стены основного помещения — садила не доходят до земли, образуя так наз. подлазы (табл. 2, разрез). С торцевой стороны овина помимо двери в первом ярусе имеется небольшое посадное окно со ставней и с приставной лестницей. Окно служит для входа в садило и для подачи снопов. В старых овинах это окно задвигалось досками.

⁹ Сабурова Л. М. Сельскохозяйственные постройки для обработки и хранения зерна // Русские. М., 1967. С. 99–128.

¹⁰ Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев, белорусов // Восточнославянский этнографический сборник ТИЭ. Т. 31. М., 1956. С. 318–325.

Ил. 7. Деревня Семёновская. Кенозеро.
Фотография автора

Риги, получившие большое распространение в конце XIX — начале XX в. в крестьянском хозяйстве, отличаются от овинов более простым устройством топки и меньшей стоимостью при строительстве, хотя они и более пожароопасны. Если в овине печь размещается в особом помещении, то в риге — в том же, где устанавливаются снопы, т. е. в садиле (табл. 2). И если в верхнем ярусе овинов потолок отсутствовал, то в ригах он имелся и устраивался из бревен, укладываемых в накат¹¹. На рассматриваемой территории, например, в поселениях на Сухоне, распространены сочетания двух срубов овинов или риг, поставленных рядом и перекрытых общей двускатной кровлей. Однако в конструкциях этих сооружений не встречаются навесы, присущие, например, аналогичным постройкам в Карелии¹². Их заменяет общая кровля. Снопы, привезенные с поля или вынутые из овинов, складываются или в низких боковых камерах сооружений или в больших помещениях — гумнах.

Гумна предназначены для обмолота зерна (табл. 2). Они бывают открытые (ток), но чаще — это закрытые большие рубленные помещения с поперечными перерубами, двускатной тесовой или соломенной кровлей. Между перерубами устраиваются засеки, с глиняным или деревянным полом, где складывают снопы

¹¹ Сабурова Л. М. Указ. соч. С. 107–110.

¹² Габе Р. М. Карельское деревянное зодчество. М., 1941. С. 190–192.

Ил. 8. Овины и гумно.

Каргопольский сектор музея «Малые Корелы». Фотография автора

или остатки соломы после обмолота. С двух или трех сторон делали большие двустворчатые или одностворчатые ворота для проветривания.

Крытые гумна принадлежали зажиточным хозяевам или строились в складчину несколькими крестьянами. Они могли стоять в усадьбах, но чаще на окраине поселений, иногда группами, примыкая к овинам или ригам, а иногда и к водяным мельницам, образуя разнообразные объемно-пространственные композиции.

Мельницы (табл. 3). Помимо ручных мельниц (это были жернова), в конце XIX — начале XX в. в крестьянских хозяйствах были распространены ветряные и водяные. «Ветряки» бывали двух типов: столбовые и шатровые. На Русском Севере ветряные мельницы получили распространение ранее XVII в., а на территории юга России уже в X–XI вв.¹³ Появление же шатровых (голландских) мельниц относится ко второй половине XVIII в. Основное распространение такие мельницы получили в наиболее богатых и оживленных в торговом и экономическом отношении районах страны. В конце XIX в. в отдельных деревнях Севера количество

¹³ Волоцкий Н. Несколько слов по поводу обыкновенных ветряных мельниц. Вологодские губернские новости. 1875. № 68; Пономарев В. А. Возникновение и развитие ветряной мельницы. М., 1968.

Ил. 9. Ветряные мельницы.

Мезенский сектор музея «Малые Корелы». Фотография автора

мельниц доходило до тридцати-сорока. Большую часть описываемых мельниц можно увидеть в музее «Малые Корелы», некоторые из них работают и демонстрируют посетителям процесс получения муки.

В Вологодской и Архангельской областях мельниц-столбовок насчитывается пять видов: на рамах, на стойках, на ряжах, на срубах или в сочетании ряжа и сруба. Принципы устройства подобных мельниц были неоднократно описаны в литературе¹⁴. Основной центральный неподвижный столб вкопан в землю, вокруг него (на стойках, ряжах и т. д.) вращается клеть амбара с мельничным оборудованием, в состав которого входит горизонтальный вал, представляющий толстое бревно из крепкой породы деревьев (кондовой сосны), к которому крепятся крыльяхи, имеющие четыре, либо шесть, реже восемь лопастей. К задней стенке клетки прикрепляются бревна («воротила»), при помощи которых клеть амбара поворачивается вокруг основного столба крыльями-махами к ветру. Для уменьшения веса амбара его стенки рубили, как правило, не из бревен, а из брусьев. Кровля сруба — двускатная.

Первым видом столбовых мельниц являются мельницы на рамах, распространенные в бассейне Ваги, Двины, Сухоны, Онеги,

¹⁴ Блоквист Е. Э. Указ. соч. С. 318–325.

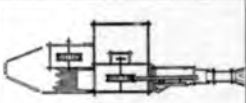

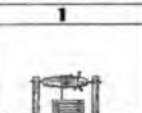

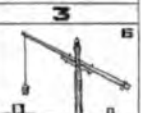

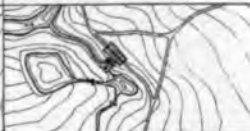
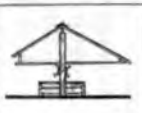

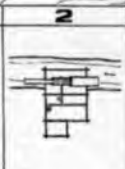
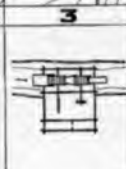
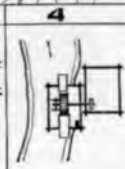
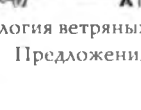
ВЕТРЯНЫЕ МЕЛЬНИЦЫ				ВОДЯНЫЕ МЕЛЬНИЦЫ			
СОСЛОВКИ							
							
ШАТРОВКИ							
КОЛОДЦЫ							
							
А							
Б							

Таблица 3. Типология ветряных и водяных мельниц, колодцев.
Предложения автора. 1981

где единый с высокими вертикальными стенами прямоугольный объем полностью используется для мельничного оборудования. Нижняя часть объема базируется на продольных и поперечных слегах, просто связанных между собой в раму. Центральная часть рамы свободно лежит на второй, аналогичной конструкции, укрепленной в земле, и при вращении амбара верхняя рама скользит по нижней. Вход в мельницу осуществляется с земли.

В мельницах на небольшом пирамидальном основании или на столбах (второй и третий вид) мельничный амбар приподнят высоко над землей. Чаще всего столбов бывает восемь, иногда в комбинации со срубной верхней частью основания. Подобные мельницы распространены в селениях бассейна Двины, Онеги, в Кирилловском и Белозерском районах Вологодской области.

Четвертым видом являются мельницы на ряжах, распространенные на Севере в бассейне Пинеги, Мезени, Сухоны. Они имеют мельничный амбар, поставленный на высокий ряж — бревенчатую клетку. Верх срубного основания резко сокращается, образуя у основания мельничного амбара узкую шейку с поворотным механизмом. Подобная конструкция сруба придает большую устойчивость всему сооружению. При экономичном использовании материала обеспечивается постоянное проветривание ряжа. При входе устроен небольшой балкон с висячей лестницей.

Пятым видом являются мельницы с амбаром, поставленным на ряж. Последний базируется на срубе нижнего яруса мельницы, представляющего собой отдельное помещение используемое под складские нужды (амбар). В срубе основания вдоль стен устроены сусеки. В одной из стен — входная дверь.

Последний вид — это развитый вариант предыдущего, где сруб основания доходит до мельничного амбара, имея все ту же усеченную форму в верхней части. Все внутреннее пространство срубного основания (рубка в лапу) используется под склад и имеет два яруса, связанных внутренней междуэтажной лестницей. Вход в первый этаж — с земли; на уровне пола второго этажа устроен выход на наружную площадку, с которой, в свою очередь, можно попасть в мельничный амбар. Срубное основание мельницы может стоять непосредственно на земле или на небольших столбиках, поставленных по углам сруба.

Последние два вида мельниц были распространены в Холмогорском уезде Архангельской губернии, в то время как шатровые мельницы — вокруг Архангельска, Вологды, Устюга и других крупных центров Севера. Они отличаются от рассмотренных выше мельниц как своим объемным, так и конструктивным решением. Большой, как правило — восьмигранный, сруб усеченной пирамиды поставлен либо непосредственно на землю, либо на четвериковое или восьмериковое основание с помещениями, которые использовались как амбары или сторожка мельника.

Ил. 10. Деревня Никитинская. Куст поселений Усть-Вья в верховьях Пинеги.
Рис. автора. 1983

Завершением основного сруба рассматриваемых мельниц является подвижная верхняя часть с различной конструкцией покрытия, в которой находится горизонтальный вал с крыльями. Таким образом, подвижная часть базируется на устойчивом основании и лишена тяжелого оборудования, размещенного в основном срубе мельницы. Поворот достаточно легкого наворачия, лопасти к ветру, осуществляется аналогично мельницам-столбкам с земли при помощи длинных бревен. Существенным конструктивным моментом, отличающим шатровые мельницы от столбовых, является то, что центральный вертикальный столб здесь не закреплен намертво в землю, а вращается по всей длине. Он принимает движение от горизонтального вала верхней части и передает его на жернова, находящиеся внизу мельницы.

Водяные мельницы строились на небольших речках, как правило, в стороне от поселений. В зависимости от размеров реки изменяются размеры и самой мельницы, и ее механизмов (табл. 3). Восстановленную и работающую такого типа мельницу можно видеть на территории Кенозерского национального парка в Архангельской области.

Возможны варианты четырех-, пяти- и шестистенных срубов мельниц, стены которых рубятся в обло или в лапу и перекрыты двух- или четырехскатными кровлями. В любом случае водяные

колеса, диаметр которых достигает 6 м, вынесены в самостоятельные помещения, называемые колесницей. Оно может быть открытым или иметь односкатную кровлю. Иногда оно входит составной частью в объем всей постройки. Сруб, в котором находятся все рабочие механизмы мельницы — жернова, бункер, закрома и т. д., называется «толчей». Иногда внутри него выделяется амбар. В больших мельницах эти помещения размещаются на разных этажах. Со стороны входа к рабочему помещению пристраивается жилая клеть мельника. В южных районах Вологодской и в соседней Костромской области встречается объединение сруба мельницы и крытого гумна, образующих единый производственный комплекс. Водяным мельницам обычно сопутствует система запруд, рубленых из бревен и используемых иногда в качестве моста через реку. Кроме того, встречаются водяные мельницы, состоящие из двух самостоятельных, прилегающих друг к другу помещений. Рабочее колесо в этом случае заключено в один объем, нависающий над рекой, а жернова, бункер и закрома находятся в соседнем.

Описываемые ниже хозяйственные сооружения не представлены в таблицах, но не остановиться на них внимание невозможно, поскольку они играли значимую роль как в хозяйственной, так и в социально-культурной жизни сельских территорий.

Поварни (пивоварни) в настоящее время встречаются очень редко. Обычай варить пиво на праздники существовал истари в России. Он наблюдался как в начале XX в., так и в советское время. Многие хозяева строили собственные пивоварни на своих усадьбах или объединялись и возводили поварню общую. Их ставили поблизости от рек или у колодцев, иногда в поле, в стороне от жилых домов. Поварни представляли собой рубленые постройки, без пола и потолка, со съемной крышей или неполной крышей над костром, над которым вешали чан для варения пива¹⁵. Встречаются рубленые объемы помещений, в которых объединены поварни и бани под одной крышей. Такие сооружения стоят, как правило, на задворках крестьянских усадеб и принадлежат одной семье (Вага, Вычегда)¹⁶.

Кузницы также являлись необходимыми сооружениями в деревне, они ставились на окраинах поселений и внешне были похожи на бани, но больших размеров. Иногда при входе кузница имела заборку из досок, что также встречается и в банях. Дверь

¹⁵ *Ефименко П. С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Вып. 1. Архангельск, 1877. Гл. I–II. С. 1–48.

¹⁶ *Севан О. Г., Бровченко Н. П. и др.* Научный отчет по обследованию Вельского района Архангельской области. Арх. ин-та «Спецпроектреставрация» (г. Москва). Шифр 120. Арх. № 2923. М., 1973.

во время работы, как правило, бывает открыта. Внутри кузницы стоял большой пень толстого дерева с наковальней, основанием вкопанный в землю. Здесь же были горно, ручные мехи для раздувания огня, бочка с водой. Перед кузницей или рядом с ней обычно устраивали коновязь или стойло для подковывания лошадей. Такого типа кузницу можно увидеть в Северо-Двинском секторе музея «Малые Корелы».

Смолокурни (*смоляные избушки*) имели распространение в районах, где был развит смолокурный промысел (Вага, Мезень, частично Пинега). Смолокурни ставились где-нибудь на косогоре, в стороне от поселений. Они представляли собой постройки достаточно больших размеров, с перерубами продольных стен, перекрытые двускатной или четырехскатной тесовой кровлей. В торцовых стенах смолокурен имелись сквозные ворота для въезда подвод, а внутреннее пространство постройки было занято, как правило, кирпичной печью.

Пожарные каланчи (*пожарки*) в конце XIX — начале XX в. получили распространение в сельском строительстве. Они расположены, как правило, на перекрестке улиц села или деревни или в ряду жилых домов с небольшой площадью при входе. Встречается два типа пожарок, отличающихся наличием или отсутствием вышки со смотровой площадкой. Основание каланчи может быть образовано двумя клетями с входами, разделенными между собой перерубами: в одной из них помещаются телеги, шланги, бочки с водой; во второй — склад. В четырехскатную или двускатную кровлю основного сруба врезается сужающаяся кверху смотровая вышка, опирающаяся на две продольные балки. Внутри башни находится лестница, а наверху — квадратная смотровая площадка с колоколом.

Пожарки без вышки встречаются чаще, так как их конструкция более проста. Как правило, это простые клетские постройки, квадратные или прямоугольные в плане, с большими воротами и с пологим взвозом для въезда подвод. Рядом с ней или на некотором расстоянии вкапывались столбы, к поперечной перекладине которых подвешивали колокол. Чаще же колокола подвешивали к столбам-звонницам, стоящих, как правило, у часовен. Они имели небольшое двускатное покрытие с декоративным коньком.

Мосты являются неотъемлемыми элементами сельской среды. В основном мосты строились из дерева, но в начале XX в. они заменялись на металлические (вантовые) конструкции. Самая простая деревянная структура моста так наз. козлового типа, однако она весьма непрочна во время весенних паводков. Они представляют собой ряд X-образных опор с досками хода, с прикреплен-

Ил. 11. Рубленый мост на реке Кене в деревне Измайловской.
Фотография А. В. Афанасьева

ными вертикальными стойками и с ограждениями. Козловые мосты выглядят достаточно живописно.

Большинство мостов обладает одинаковым набором конструктивных элементов, основными из которых являются опоры — рубленые устои с перерубами пролетов поверху, образуя единую жесткую систему переправы¹⁷. Возможен вариант конструкции основания, рубленного в реж со свободным пространством между бревнами. Его покрытием является сплошной бревенчатый накат, уложенный поперек моста (центральные районы Вологодской области).

Интересными образцами рубленых мостов представляются такие, в которых опоры-срубы имеют в плане форму вытянутого пятиугольника (мост через реку Кену). Внутреннее пространство в срубах заложено камнями для большей устойчивости. Срубы в верхней части имеют повалы, на которые опираются пролеты. Мост с такой конструкцией опор противостоит ледоходу и весенним паводкам, т. к. острые углы его опор обращены против течения реки.

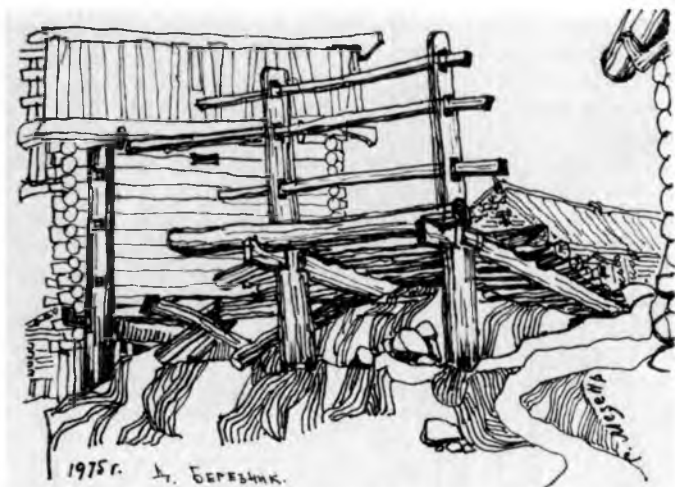
Более сложной конструкции мост до сих пор стоит на реке Индоманке (Вытегорский район Вологодской области). Он деревянный, трехпролетный, общей длиной 60 м и имеет в основании конструкцию, описанную выше. Два меньших пролета (по 12 м) имеют стоечно-подкосную систему конструкций, а большой —

¹⁷ *Маковецкий И. В.* Архитектура русского народного жилища. Север и Верхнее Поволжье. М., 1955. С. 221–223.

Таблица 4. Типология подпорных стенок, мостов, малых форм.

Предложения автора. 1981

Ил. 12. Береговая подпорная стенка в деревне Березник. Мезень.
Рис. автора. 1975

третий пролет (24 м) имеет бревенчатую пространственную треугольную шпренгельную ферму. На пятиугольные ряжи положены продольные прогоны, на которые укладывается сплошной накат из бревен с мостками для пешеходов. Ограждение — деревянное. Узлы бревенчатой фермы в местах пересечения ряда направляющих декорированы накладными дощечками, прикрывающими торцы бревен¹⁸.

Подпорные стенки (табл. 4) строились для предотвращения оползней грунта крутых берегов, а также от их разрушения во время ледохода и сплава леса. В XVI–XVII вв. подобными стенками укреплялись берега Сухоны в Великом Устюге, о чем говорят документы, повествующие о бунте посадских людей в 1648 г., где упоминаются укрепления берега срубам. На гравюрах XVIII в., изображающих города Тотьму и Устюг, хорошо заметны рубленые укрепления берегов¹⁹. Срубам-ряжам в Вологодской губернии на Кубенском озере укреплялись берега острова Каменного, где находился Спас-Каменный монастырь²⁰. Подобного типа рубленые укрепления применялись в фортификационном строительстве, обладая при этом более сложными

¹⁸ Севан О. Г. и др. Материалы Свода памятников Вологодской области. Вытегорский район. М., 1979.

¹⁹ Архив Вологодского краеведческого музея.

²⁰ Данилов В. В. Кадниковский уезд Вологодской губернии // Север. 1923. № 3–4. С. 230.

конструкциями. Они существовали, например, в XVIII в. в Ново-двинской крепости Архангельской губернии ²¹.

Подобные стены сохранились и сегодня вдоль берегов рек, их много на Мезени, встречаются они в западных районах Вологодской области. Помимо береговых укреплений, эти стены служат и продолжением улиц, идущих вдоль берега, являясь основанием для размещения многих хозяйственных построек: амбаров, бань, ледников, колодцев. Наиболее распространенным типом (*тип А*) является рубленая в обло система с частыми перерубами, заполняемыми против смещения по откосу булыжником. Для зацепления бревен применяются и врубленные в перерубы коротыши. Сверху накладывается бревенчатый накат хода. Более сложная стена (*тип Б*), являющаяся одновременно и бревноотбойной, представляет собой пространственную структуру с внутренними треугольными ячейками, между которыми насыпан булыжник.

В конструкцию сруба может быть введен снизу шпунтовый ряд свай (*тип В*). Возможны варианты срубов с поперечно уложенным накатом на вентилируемом ряже (*тип Г*). Шпунтовый ряд свай (*тип Д*) в чистом виде встречается редко. В этом случае сваи, прежде подвергшиеся обжигу, опускаются на глубину промерзания грунта. Этот тип стенки является лишь ограждением от земляных оползней. В Приморском районе стенки (*тип Д*) представляют комбинацию вертикальных стоек, в которые врубались в шип горизонтальные бревна. Их чередование образует жесткую и прочную структуру берегового укрепления.

Одним из приемов укрепления откоса является несложная свайная конструкция с бревенчатым настилом (*тип Ж*). Продолжения свай возвышаются над поверхностью наката, образуя с помощью пронизывающих их жердей ряд «вешал» для сушки сена. Ограждения на всех типах подпорных стенок выполняются на врубках в столбы, опирающихся на перерубы стен, и могут иметь различные декоративные завершения.

Колодцы (*табл. 3*) предстают необходимым элементом сельских усадеб. Их основой является скважина в грунте, доходящая до водоносного слоя, с укреплениями стен в виде бревенчатого сруба или долбленого ствола дерева, предохраняющего источник воды от оползней грунта. Подъем воды из колодца осуществляется несколькими способами. Наиболее простой из них — рычаг, распространенный в тех местах, где уровень грунтовых вод настолько высок, что воду черпают плетеными берестяными ковшами, прикрепленными к тонким жердинам (*3А*).

Наиболее древним типом колодца является колодец-журавль (*3Б*). Здесь рычаг — это качающаяся жердь, опирающаяся на

²¹ Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб., 1891. Ч. 2. С. 495–497.

Ил. 13. Колодець и амбар. Мезенский сектор музея «Малые Корелы».
Фотография автора

столб или на расщелину ствола дерева. К рычагу прикреплена «типушка» (бадья) или ведро. Место максимального напряжения качающейся стрелы иногда усилено в центре брусом, имеющим криволинейный обрез нижней части, прикрепленным к стреле деревянными клиньями. Верхний конец вертикального столба имеет различную декоративную обработку. Наземная часть колодезной ямы решается в виде долбленного ствола дерева, где максимальный диаметр его верхней части доходит до 40–45 см. Эти наиболее древние типы колодцев сохранились в селениях на Вычегде, Ваге и Мезени. В районах Пинеги и Мезени распространены колодцы, у которых в опорный столб равномерно врубаются горизонтальные планки, являющиеся удобными ступеньками для установки или замены жердины.

Распространенным способом подъема воды из колодца является также устройство вращающегося барабана с ручкой (колодець-ворот) (1А). К барабану привязывается веревка с ведром или «типушкой». Чаще всего над колодезной ямой устраивают навес. В тех случаях, когда уровень грунтовых вод низок, для облегчения вращения барабана в него врезаются перекладки-спицы большого колеса-маховика (колодець с колесом). Такие колодцы распространены на территории многих районов России.

Отличительные особенности колодцев могут быть выражены в конструкциях, пропорциях и декоре (2Д).

В мезенских деревнях береговые укрепления традиционно решались в виде подпорных стенок, на которые, помимо амбаров и бань, устанавливали и колодцы. Интересен вариант постановки колодца на мостике, перекинутом над оврагом, где конструкция моста частично базируется на субструкции колодца, естественно и живописно вписывающейся в сельский пейзаж. На Сухоне, Пинеге, Двине кровля навесов низко посажена над колодцем и закрывает барабан-колесо наполовину его диаметра. Наземная часть сруба колодца может быть рублена из бревен в обло, в лапу или из тесин, соединенных шпонками по четырем сторонам ямы с декоративным решением завершений.

Рассады (табл. 4) — распространенные хозяйственные сооружения, входящие составной частью в усадебный комплекс северных поселений. Рассадник (на Пинеге — «вырец») предназначен для выращивания рассады в весенне-летнее время. Место постановки рассадника выбирается крестьянами по собственному усмотрению: либо в огороде, либо у амбаров или у стены дома — с южной стороны. Они могут быть двух типов: первый — деревянный сруб (в обло или в лапу 1,5×1,0 м), состоящий из четырех или пяти венцов, поставленных на землю; второй — это сруб, состоящий из трех венцов бревен или тесин, поставленный на «ножки» высотой около 1 м. В обоих случаях между вторым и третьим венцами проложены несущие землю доски; толщина земли для рассады равна 30–40 см. На ночь такая конструкция закрывается досками или застекленными рамами.

Качели (табл. 4) встречаются в настоящее время повсеместно как в сельской местности России, так и в городах. В деревнях они стоят в крестьянских усадьбах или между домов непосредственно на улицах. Качели, главным образом, могут быть рассчитаны от одного до четырех человек²².

Наиболее простым типом являются такие, где на опорное бревно или пенек прикрепляется качающаяся длинная тесина (толстая доска), на концы которой садятся девушки или парни²³ (нет в таблице).

Следующим типом можно назвать также весьма простой вариант — когда к двум вертикальным столбам привязывается веревка (или канат), на которую укладывается доска-сиденье и за другие

²² Севан О. Г. Народное деревянное жилище Русского Севера (Архангельская и Вологодская области). Дис. ... канд. архитектуры, МАРХИ. М., 1981. Т. 1. С. 143–145; Т. 2. Табл. 44.

²³ Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979. С. 115.

привязанные концы «дружки» раскачивают девушку или друга друга ²⁴ (*нет в таблице*).

Другой распространенный тип, когда во вращающееся бревно, положенное на два столба, врубаются вертикальные брусья, укрепленные деревянными нагелями (клиньями). В нижней части в брусья вбиваются деревянные бобышки, которые поддерживают доску сиденья. Разновидностью подобной конструкции являются качели, опорные столбы которых имеют углубления или развилки дерева. В них вложено вращающееся бревно, на которое «надеты» вертикальные раскачивающиеся брусья (или тесины), сиденья которых обрамлены ограждениями. Такие конструкции рассчитаны, как правило, на одного или двух человек.

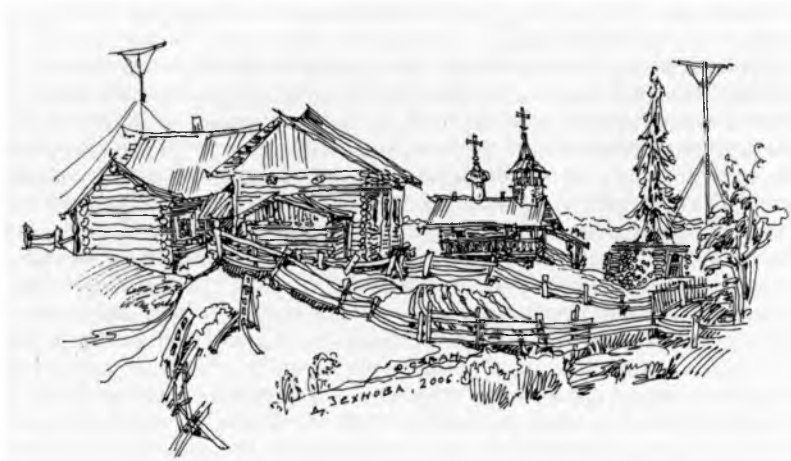
Другим вариантом описанных выше качелей могут быть такие, где к длинному вращающемуся бревну попарно крепятся вертикальные брусья или привязывается веревка — канат. В этой ситуации качающаяся длинная тесина (толстая доска) направлена в перпендикулярном направлении к основному бревну, и на нее — и по концам, и по середине — могут садиться, но чаще становятся молодые люди ²⁵.

Круговые качели встречаются двух типов. На таких качелях может качаться большее количество человек. Прежде всего, это так наз. «гигантские шаги». Их конструкция проста, но требует умения и сноровки во время движения. Здесь на вершину большого опорного столба вбивается металлический штырь, и к нему прикрепляются канаты, которых может быть не более четырех. За них можно держаться и, бегая по кругу вокруг столба, раскачиваться. Такой вариант качелей, как и другие, можно видеть в различных секторах музея «Малые Корелы».

Наиболее сложным типом качелей являются круговые — «кочуля», или «чертово колесо», которые ставили на площадях, как в городах, так и в сельской местности, специально для праздников. Поскольку во второй половине XIX в. повсеместно летние праздники (Троица и Духов день) отмечались проведением хороводов и катанием на качелях, то около селений выстраивались «городки» качелей (по типу банных или амбарных «городков»). Парни, девушки и все желающие, катаясь вчетвером, часто «откупали» их и на гумнах, на поветях или в больших сараях. Такие качели можно было видеть на улицах пинежских деревень. В «кочулях» два опорных столба сверху имеют углубления, в которые укладывается вращающееся бревно, а в него в свою очередь врезаются попарно и перпендикулярно друг другу параллельные брусья, образующие большую крестовину вращающегося «колеса» качелей. Концы параллельных брусьев соединены горизонтальными планками, на которые свободно подвешиваются

²⁴ Там же. С. 117.

²⁵ Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 343.

Ил. 14. Деревня Зехново. Кенозеро.
Рис. автора. 2006

вертикальные стойки с досками-сиденьями и ограждениями. Высота опор в таких качелях может достигать до 4,5–5 м. Можно себе представить, какие чувства испытывали те, кто находился на такой высоте от земли во время катания! В городах (в Москве, Санкт-Петербурге) на ярмарках для таких целей использовали механические приспособления, за которыми присматривали специально приставленные смотрители.

Ворота (табл. 4) во второй половине XIX — начале XX в., также как и калитки, можно было редко встретить на территории Русского Севера, но несколько позже они стали существенной деталью усадеб, располагаясь, как правило, со стороны главных фасадов домов. В основном был распространен асимметричный тип ворот с проезжей частью и калиткой. Для южных районов Вологодской области характерны глухие заборы вокруг усадеб с такими же глухими асимметричными воротами и калиткой, перекрытыми общей двускатной кровлей.

При въездах в деревню ворота устраиваются больших размеров. В северных районах рассматриваемой территории конструкция таких ворот крепилась на трех столбах. Опорные столбы связаны между собой сверху перекладной-притолокой. К одному из столбов приставлена вращающаяся вертикальная стойка, ее нижний конец упирается в «пята» — деревянную колоду, а верхний конец — в отверстие перекладки. Стойка несет основное

полотно ворот из тонких горизонтальных жердей, прочно связанных между собой диагональной планкой. Конструкция калитки, находящейся рядом, аналогична воротам. Иногда ворота в верхней части имели треугольное навершие, конструктивно связанное с горизонтальной перекладной вертикальным резным брусом. Помимо декоративного значения, навершие имеет и конструктивное — поддерживает горизонтальную перекладную, имеющую достаточно большую длину — около 6 м. Такой вариант ворот можно видеть в Мезенском секторе музея «Малые Корелы». Для бассейна Сухоны характерен иной тип въездных ворот (*тип 3*).

Калиткам, поставленным в оградах вокруг домов, придавалось немаловажное значение. Их столбы имели навершия в виде скульптурных фигур, напоминающих шары, луковицы, листья. Остовом калитки могли быть искривленные стволы деревьев, естественно вписывающиеся в изгороди и заборы. Столбы ворот были резные или украшались всевозможными плоскими накладными узорами.

В разных районах встречаются различные типы изгородей. В зависимости от места их установки изменялись размеры по высоте, характер конструкций, свойственный той или иной местности. Иногда завершениям ограждений придавали декоративную форму, например — в виде птичьей головы.

Обетные кресты привлекали внимание многих исследователей народного деревянного зодчества (М. В. Красовского, И. Э. Грабаря, И. В. Маковецкого и др.). Подобные кресты встречаются во многих районах Севера: в Каргополье, на Пинеге, Мезени, Вычегде, реке на Сухоне и Двине, а также в Карелии, в Мурманской области. Они рубились из дерева и часто покрывались резьбой. Поставленные по обету (обещанию), они имели символическое значение, и их можно подразделить на несколько типов.

А) поставленные в память особых событий — войн, эпидемий, голода, болезней и т. д. В этом случае постройка креста имела охранительное значение. Они ставились на околцах селений, на открытых холмах или на основных улицах деревень. На них набрасывались платы, шитые самодельные пелены, являющиеся магическими охранительными знаками для местных жителей. Такие кресты были декорированы рельефной резьбой, иногда расписывались;

Б) кресты, поставленные кем-то из жителей селения как просьбы об исполнении какого-либо желания — избавления от болезни, возвращения с войны родных, рождение ребенка и т. д. Эти кресты могли быть поставлены в любом месте усадьбы или напротив окон домов, на улице. Они имеют резьбу (часто фигуру Христа);

Ил. 15. Обетный крест в деревне Кольшин. Мезень.
Рис. автора. 1975

В) установленные на бывших местах отправления древних языческих культов (например, на Пинеге): у истоков ручьев, на развилках дорог и на лесных полянах, иногда по соседству с часовнями.

Помимо символического смысла, обетные кресты нередко несли иное назначение. Они служили ориентирами для обозначения высот, особенностей течения реки, мелей, излучин и т. д., почему и ставились часто на крутых склонах рек и на песчаных отмелях (в Поморье). Они лишены декора. Иногда постройка креста была связана с основанием поселения. На них вырезались лишь начальные буквы молитв, символов и т. д. В этой связи интересен столб основания деревни Березник на реке Мезени, форма которого имеет антропоморфные черты, с нишей для иконы и надписью: «Сия дере основан 1879 Ф А С». Ныне он перевезен в музей «Малые Корелы»²⁶.

Среди мезенского населения была довольно устойчива древнейшая традиция свободного захоронения. Такое захоронение

²⁶ Севан О. Г. и др. Научный отчет об обследовании Лешуконского района Архангельской области. Арх. ин-та «Спецпроектреставрация». М., 1975.

происходило по наказу умирающего человека. Крестьян, умерших не своей смертью, хоронили таким же образом. Местом такого захоронения являлась иногда крестьянская усадьба или площадка при входе в дом. Ставившиеся над захоронениями кресты порой украшались резьбой. Аналогичные сооружения были и на мезенских кладбищах. В других регионах Архангельской губернии кладбища устраивались совершенно иначе — с деревянными срубами или гробницами на могилах²⁷. Для юго-восточных районов Вологодской области характерны надмогильные деревянные столы с лавками. В последних стадиях обрядов, связанных с почитанием душ предков, происходило угощение умерших непосредственно на кладбище, где и собирались родственники. В некоторых районах до сих пор сохранились старообрядческие кладбища с характерными сооружениями — голубцами в виде столбика с миниатюрной кровлей и резными причелинами.

Кроме того, «часовни-кресты» строились там, где могла бы быть срубная часовня: в лесах, на дорогах, в полях — около них служили молебны во время жатвы. Иногда кресты являлись одновременно и пограничными уездными или губернскими столбами. Их могли заменять «голубцы». Как кресты, так и голубцы нередко окружались оградой.

В заключение можно отметить, что хозяйственные и инженерные сооружения, а также малые формы народной архитектуры Русского Севера представляют самобытный комплекс явлений традиционного строительного искусства. В своей основе оно отражает и сохраняет общие тенденции развития русской многовековой культуры, которая утрачивается, к сожалению, на наших глазах. Систематизация таких построек, помимо исторического и научного значения, имеет и практический смысл, как при реставрации подобных сооружений, так и в современном строительстве в сельской местности. Многие из них уже находятся в музее под открытым небом «Малые Корелы» под Архангельском или восстанавливаются в музее деревянного зодчества Вологодской области.

²⁷ Красовский М. В. Курс русской архитектуры. Ч. I. Деревянное зодчество. М., 1916. С. 126–129.

«МЫ ВСЕ СТАРАЛИСЬ С ЛЮБОВЬЮ СОХРАНИТЬ ПАМЯТНИК...»

О творчестве архитектора А. А. Каретникова

Известно, что интерес к народному искусству в просвещенных кругах русского общества начинает проявляться в середине XIX века. Взгляды исследователей обратились на Север, в то время практически неизученный и неизвестный. В начале XX в. здесь побывали известные живописцы В. А. Серов, К. А. Коровин, И. Я. Билибин, А. Е. Архипов, В. В. Верещагин, братья В. М. и А. М. Васнецовы, а также другие исследователи-энтузиасты: архитекторы, историки, этнографы.

С 1860-х гг. по инициативе Императорского Русского археологического общества (ИРАО) начались систематические экспедиции по изучению памятников старины, главным образом, храмовых строений. Эта инициатива была поддержана Санкт-Петербургской Академией Художеств, откуда для изучения памятников русского зодчества стали посылать выпускников, дипломированных архитекторов. С 1870-х гг. академиком Л. В. Далеком были начаты серьезные исторические исследования русского деревянного зодчества, которые продолжил В. В. Сушков, а затем П. П. Покрышкин, М. В. Красовский, А. И. Новицкий, Д. В. Милеев, К. К. Романов и другие.

По инициативе Московского археологического общества в 1879 г. Синод своим постановлением установил контроль за ремонтом и реставрацией строений, являвшихся памятниками старины, а в 1889 г. императорским указом этот контроль был возложен на Санкт-Петербургскую Императорскую Археологическую комиссию (ИАК), которая с этого времени стала выполнять эти функции. Любой ремонт старинных сооружений, а тем более возведение нового вместо старого, представлявшего историческую и художественную ценность, было возможно лишь с получением разрешения от Императорской Археологической комиссии.

Во время посещений северных деревень исследователи не только фиксировали наличие того или иного памятника зодчества, а часто непосредственно принимали участие в его судьбе. Многие существующие и поныне шедевры деревянной архитектуры, которые в свое время были обречены духовенством на снос из-за непрезентабельности и ветхости, были сохранены только благодаря противодействию со стороны ИАК. По инициативе

исследователей северного зодчества, поддержанной ИАК или Академией Художеств, были проделаны первые в России опыты реставрации некоторых особо древних и ценных деревянных храмов Архангельской губернии. Эти работы были проведены в самом конце XIX — начале XX в. под руководством крупнейших для своего времени специалистов — архитекторов П. П. Покрышкина, Д. В. Милеева, петербуржцев по рождению или по образованию. Представители этого поколения совмещали, как правило, в своем лице не только исследователя-фактолога и теоретика, но и реставратора-практика — архитектора и инженера. Нередко они на местах сами отыскивали и нанимали мастеров-плотников и руководили ремонтом храмов, при необходимости выполняли инженерные расчеты, следили за сохранением прежнего архитектурного и конструктивного решения сооружения и качеством производимых работ.

Особое место в этом ряду занимает имя Андрея Андреевича Каретникова. Он жил и работал в Архангельске, до глубины сердца влюбленный в чарующую красоту скромного Севера и его изумительных храмов. Болея душой за шедевры зодчества Архангельского края, он был истинный «ревнитель северных древностей».

В Петербурге, в Горном институте, А. А. Каретников получил высшее образование, а вместе с ним и звание гражданского инженера, которое примерно соответствовало теперешней квалификации инженера-строителя, но было более широким, например, предполагало фундаментальные познания по архитектуре. Каретников глубоко почитал и считал своим учителем академика П. П. Покрышкина — талантливого архитектора-реставратора, одного из ведущих участников петербургской ИАК. Двух исследователей связывали теплые дружеские отношения, благодаря Покрышкину Каретников не только был в курсе работы комиссии, но и сам принимал участие в подготовке материалов для выпуска «Известий ИАК». Каретников продолжил дело Покрышкина, ограничившись архангельским Севером, деревянное зодчество которого ему было более близко и хорошо знакомо.

Знаменитую статью П. П. Покрышкина «Краткие советы по вопросам ремонта и реставрации памятников старины и искусства»¹, увидевшую свет в 1915 г., можно считать первым опубликованным трудом по теории и практике реставрации памятников деревянного зодчества. Здесь же ученый впервые сформулировал концепцию научной реставрации: «Все приемы старинной рубки... разумеется, должны строго сохраняться; восстановление

¹ *Покрышкин П. П.* Краткие советы по вопросам ремонта и реставрации памятников старины и искусства // ИИАК. Вып. 57. Пг., 1915. С. 179–190.

утраченных частей должно делаться в том же духе старины по известным образцам»². Одним из главных условий при этом он считал тщательный отбор и подготовку лесоматериалов для заменяемых элементов: «Материалами для ремонта должны служить по возможности те материалы, которыми исполнены памятники». Общий принцип для реставрации строений — «оставлять в неприкосновенности прочное и заменять ветхое в прежнем виде или в степени сохранности первоначального или интересного... Совершенно необходимо и благоразумно избегать поспешности в деле ремонта памятников...»³ В другой работе, «Проветривание зданий, особенно холодных»⁴, он обосновывает исключительную важность принудительной аэрации деревянных строений. Многие из положений этих работ, опубликованных почти 100 лет назад, до сих пор не утратили своей актуальности и значимости.

Сам П. П. Покрышкин неоднократно бывал в Архангельске и губернии. В первые годы XX в. он предпринял поездку по Двинской земле с целью обследования северных храмов, уделяя особое внимание их сохранению. Предвидя возможность утраты этих уникальных сооружений, он стремился зафиксировать их в исторической памяти хотя бы в виде обмерных чертежей. Вероятно, в один из приездов питерского исследователя на архангельскую землю два реставратора и познакомились. Каретников всегда помнил советы своего учителя и придерживался их в реставрационной практике.

До 1906 г. А. А. Каретников занимал должность епархиального архитектора, что по современным понятиям даже шире должности главного архитектора области (Архангельская епархия в то время была значительно больше по площади, чем теперешняя Архангельская область, и включала в себя, например, часть Карелии и весь Кольский полуостров). По делам службы Каретников часто и много ездил по епархии, хорошо знал северное храмовое зодчество, понимал его историческую и художественную ценность; видел и то, как быстро ветшают деревянные сооружения без надлежащего ухода и ремонтов. Епархиальный архитектор был глубоким и вдумчивым исследователем, историком архитектуры и одновременно страстным пропагандистом русской культуры, считая архитектуру наиболее объемлющей ее частью:

² *Покрышкин П. П.* Краткие советы по вопросам ремонта... С. 187.

³ Там же. С. 179.

⁴ *Покрышкин П. П.* Проветривание зданий, особенно холодных // ИИАК. Вып. 34. СПб., 1910. С. 85–87. Используемый тогда термин «холодное здание» сейчас представляется не совсем корректным. В данном случае имелись в виду здания, эксплуатируемые только в летний (теплый) период, отопление которых не было предусмотрено.

«из всех родов искусства архитектура, обнимая, совмещая в себе все отрасли искусства, являясь искусством универсальным, в то же время имеет главным образом прикладное значение»⁵. Он всячески подчеркивал, что «монументальная археология» — «одна из главных особенностей культуры, ценность... которая... имеет чрезвычайное значение. Такого творческого размаха русский человек не проявил, кажется, ни на каком другом поприще своей деятельности»⁶. Имея инженерное образование и работая архитектором, он как нельзя лучше совмещал две родственные специальности: архитекторскому взгляду на русское зодчество помогали глубокие технические познания, понимание работы конструкций. Кстати говоря, он хорошо и образно владел словом: «...[древние деревянные храмы,] содержащие в себе все элементы... строительного искусства наших предков... заслуживают исключительного внимания и разбора...»⁷. И еще, например: «Форма эта (шатровое покрытие.— *Л. Ш.*)... идеально красива той божественной красотой, которая так редко удается рукам человеческого, и вместе с тем необычайно конструктивна и целесообразна в техническом отношении по устойчивости и прочности в смысле статического равновесия...»⁸.

А. А. Каретников сокрушался, что на местах никто не интересуется многогранным северным искусством, никому нет дела до его изучения и сохранения: «Если бы каких-нибудь 40–50 лет тому назад энергичнее интересовались культурным наследием, многое бы успели сохранить от порчи, от истребления. В последние два десятилетия (1890–1910-е гг.— *Л. Ш.*) вандализм расцвел и дал такие блестящие плоды в смысле разрушения, сколько не могли дать сотни лет существования памятников»⁹. Он еще не мог предвидеть грядущих разрушений советских лет!

Каретников, как никто другой, понимал важность сохранения старых сооружений, построенных, «как мера и красота скажут», возведенных в духе древних традиций, не ограниченном жесткими рамками правил, чуждых свободолюбивому характеру северян. Поэтому вместо того, чтобы безоглядно проводить в жизнь политику Свят. Синода по «благолепному» обновлению вверенных ему древних храмов, как того требовало руководство церкви, он всеми силами, используя служебное положение, стремился сохранить в их архитектуре народные черты. Он настолько

⁵ Каретников А. А. Деревянное церковное строительство в старину на севере России // ИАОИРС. Архангельск, 1913. № 2. С. 51.

⁶ Там же. С. 50.

⁷ Там же. С. 51.

⁸ Там же. С. 54.

⁹ Каретников А. А. Судьба старого церковного зодчества в Архангельской губ. // ИАОИРС. Архангельск, 1909. № 4. С. 24.

увлекся спасением старинных храмов, что не заметил своего полного одиночества в этом деле и не видел того противоречия, в которое приходила его подвижническая деятельность с буквой и духом официального православия. По сути дела, служебные обязанности он выполнял с точностью до наоборот. Долго это продолжаться не могло.

Под лживым предлогом Архангельская консистория в категорической форме предложила ему «в четырехдневный срок подать в отставку»¹⁰. Не имея ни одного замечания за все время службы, Каретников не понял истинной причины своего увольнения и обжаловал его в Синоде. Но, как и должно было случиться, безрезультатно. Произошла именно та «вопиющая несправедливость», которую он сам предвидел, полагая, что «...Синод не войдет в подробности дела»¹¹. Но в Синоде, очевидно, прекрасно разобрались в истинной сути дела, т. е. в том, что реставрация древних храмов находится в непримиримом противоречии с политикой их радикального обновления. Именно поэтому жалоба Каретникова осталась «без последствий», а епархиальный архитектор вынужден был искать другое место службы¹².

Андрей Андреевич, имеющий звание гражданского инженера и чин титулярного советника (чин IX класса), вынужден был наняться в Архангельский губернский распорядительный комитет ведомства министерства финансов на должность младшего инженера по дорожной части¹³. Новая должность совсем не соответствовала его профессиональным интересам и кипучей энергии. Разрываясь между государственной службой и любимым делом, он с умноженной энергией хлопотал о сохранении древних строений.

К началу XX в. пришел «в крайнюю ветхость» огромный Никольский храм, построенный в 1600 г. в селе Панёлово в нижнем течении Северной Двины. Сооружение представляло собой мощную восьмигранную башню, покрытую могучим шатром, стремительно уходящим ввысь. Высота сооружения была без малого 40 м! Бревенчатым были не только шатер, но и глава, что даже в северном крае было редкостью. Глава, шея и шатер храма были крыты лемехом. С востока и запада к башне-восьмернику

¹⁰ РА ИИМК. Д. 138/1889. Письмо Д. В. Милеева к П. П. Покрышкину от 24 янв. 1906 г.

¹¹ РА ИИМК. Д. 138/1900. Письмо А. А. Каретникова к П. П. Покрышкину от 8 авг. 1906 г.

¹² *Ополовников А. В.* Реставрация памятников народного зодчества. М., 1974. С. 130–131.

¹³ Личный состав казенных, общественных и благотворительных учреждений Архангельской губернии. Ведомство Министерства финансов // Памятная книжка Архангельской губернии на 1908 г. Архангельск, 1908. С. 121; То же. 1909.

Ил. 1. Никольская церковь в селе Панилово
после реставрации 1907–1908 гг.
Фотография нач. XX в.

примыкали равновеликие квадратные в плане прирубы, покрытые бочками¹⁴. Строение это принадлежало к лучшим образцам древнейших русских шатровых храмов, счастливо избежав позднейших пристроек и «поновлений».

Паниловский приход обратился в ИАК с просьбой разрешить «перестроить заново храм как пришедший в крайнюю ветхость». Рассмотрев ходатайство прихода, ИАК отметила, что храм «по устройству и художественным достоинствам представляет собою замечательный памятник древнерусского зодчества и заслуживает самого тщательного сохранения, что строительный материал, простоявший века, должен оказаться более надежным, чем новый», поэтому ИАК первоначально предложила «ограничиться простым ремонтом», и лишь после вторичного обращения духовной консистории с сетованием, что «церковь пришла в совершенную ветхость», в 1901 г. ИАК дала разрешение на перестройку сооружения с безусловным «сохранением древних форм». Однако в связи с финансовыми затруднениями «переустройство храма исполнено было [лишь] в 1907–1908 гг. под наблюдением архитектора А.А. Каретникова». Незадолго до этого храм был обмерян и сфотографирован петербургским архитектором Д. В. Милеевым — таким же, как и А.А. Каретников, одержимым «ревнителем древностей». Чертежи Д. В. Милеева стали большим подспорьем при реставрации храма¹⁵.

Вследствие общей деформации строения и подтвердившейся при разборке его «крайней ветхости», «явилась необходимость весь стройматериал заменить новым», т. е. выстроить сооружение по сути дела заново, но «по старым осям» и «по старым формам». В отчете в ИАК реставратор сообщал, что лишь «шатер и главка на нем (храме.— Л. Ш.) оставлены прежние», т. е. из старых бревен. А.А. Каретников, помня советы своего учителя П. П. Покрышкина, настаивал на том, что при реставрации (практически воссоздании) этого строения необходимо «держаться не только старых форм», но и сохранять в точности старое конструктивное решение постройки, «без которого памятники утрачивают свою природу, настрояние». В работе над сооружением он показал себя и как вдумчивый исследователь, и как архитектор, и как квалифицированный инженер. При обследовании памятника Каретников заметил, что в нем не по-

¹⁴ Метрики церкви, собранные Императорской Академией Художеств в 1887 г. Метрика № 80; Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1891–1896. Вып. 1. С. 229; *Грaбapь И. Э.* История русского искусства. Т. 1. С. 362, 353, 394, 469; *Красовский М. В.* Курс истории русской архитектуры. Т. 1. Деревянное зодчество. Пг., 1916.; переиздание: СПб., 2002. С. 230–231; ИИАК. Вып. 31. СПб., 1909. С. 55–66.

¹⁵ ИИАК. Вып. 41. СПб., 1911. С. 154–157.

вторяются размеры одинаковых элементов и частей, например, все нижние венцы шатра были неодинаковыми и составляли от 1,38 до 1,70 сажений, «и так во всем». К сожалению, не удалось выявить, была ли сохранена эта особенность при воссоздании церкви.

Заботой Каретникова был не только архитектурный облик храма, но и его длительная сохранность; предвидя сложность ремонта такого огромного сооружения, особенно работ на высоте, особое внимание он уделял системам вентиляции и водоотвода, понимая всю их важность. Реставратор переставил слуховое окно с шатра «под розвал» ради улучшения температурно-влажностного режима. Это окошко было устроено в верхней части южной стены восьмерика, что видно на старых фотографиях. Каретников отмечает: «Так как крыша над трапезою довольно плоска, то она в избытке проложена для сохранности берестой между двойным рядом досок».

«Мы все старались с любовью сохранить памятник...», — пишет он в отчете, адресованном в ИАК, имея в виду и молодого энергичного священника о. Василия (Григорьева), и щедрого прихожанина крестьянина Щербакова, который пожертвовал на ремонт храма 3000 рублей (огромная по тем временам сумма!) в память своего отца, и мастеров-плотников¹⁶.

В том же 1908 г. по его проекту и под его руководством была полностью разобрана и выстроена вновь на свайном фундаменте колокольня (1793 г.) в с. Турчасово¹⁷ на нижней Онеге. В этой работе Каретников, с одной стороны, действовал как реставратор — старые бревна были не заменены новыми, а оцилиндрованы (отесаны под скобу). Действительно, стены из оцилиндрованных бревен выглядят более аккуратными. Использование таких бревен упрощает работу, однако при этом существенно увеличивается время на обтеску бревен под один диаметр. Кроме того, оказываются перерезанными волокна древесины, что приводит к ворсистости поверхности бревен, ускорению их эрозии. В данном случае не совсем понятно, зачем было оцилиндровывать старые бревна, т. к. при этом требуется переруб чаш: в других случаях обычно ограничивались стесыванием подвергшейся эрозии заболонной зоны бревен.

¹⁶ ИИАК. Вып. 31. СПб., 1909. С. 55–66; РАИИМК. Д. 138/1900. № 7571; Забелло С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество. М., 1942. С. 88–89.

¹⁷ Заручевская Е. Б. Обоснование для включения памятников деревянного зодчества Архангельской области в комплексную программу по сохранению народной архитектуры Российской Федерации // Арх. ОГУК «НПЦ по охране памятников истории и культуры». Архангельск, 1996–1997. С. 54; Там же. Т. 13/4-35 и др. материалы данного архива.

Ил. 2. Храмовый комплекс в селе Турчасово.

Фотография М. И. Мильчика. 1960-е гг.

На переднем плане — Благовещенская церковь 1795 г. (ныне утрачена),
слева — Преображенская церковь 1786 г., между ними вдали — колокольня

С другой стороны, Каретников выступал и как грамотный инженер — под сруб сооружения был подведен новый ленточный валунный фундамент, а на расстоянии 1,2 м от стен строения для долговечности был сделан еще один невысокий (0,8 м) сруб. Пространство между срубами ничем не было заполнено, а сверху покрыто односкатной дощатой кровлей: «...вокруг колокольни обруб понизу для сохранности фундамента покрыт на один скат досками»¹⁸. Обруб принимает на себя агрессивное влияние атмосферных осадков, а замкнутое воздушное пространство стабилизирует влажностные условия эксплуатации нижних венцов колокольни. Объект до сих пор находится в удовлетворительном состоянии¹⁹.

В 1643 г., в селе Малая Нёмнюга был построен деревянный Воскресенский храм. Он, как и храм в Панилово, тоже был шатровым и по своей архитектуре представлял неменьшую ценность. «Таких исключительных памятников деревянного церковного строительства, не искаженных поздними перестройками, остается на Руси незначительное число», — писал в «Известиях ИАК» Д. В. Милев²⁰. К началу XX в. постройка сильно обветшала. Архангельская духовная консистория настаивала на разборке, а значит, уничтожении древнего строения. ИАК, оценив древность и художественную значимость постройки, настаивала на ее сохранении, а для этого в 1908 г. решила командировать специалиста для обследования памятника. Исполняющий дела младшего инженера строительного отдела Архангельской духовной консистории Меркулов запросил на поездку в Малую Нёмнюгу (за чертежи и фотоснимки) 500 рублей «при готовом (т. е. за казенный счет. — Л. Ш.) проезде».

А. А. Каретников, воспользовавшись дружескими отношениями с П. П. Покрышкиным, тоже предложил ИАК свои услуги: за ту же сумму, приняв проезд за свой счет (это далеко от Архангельска, а ведь он был уже уволен с должности епархиального архитектора и потому стеснен в средствах!), не только выполнить фотоснимки и чертежи Малонемнюжской церкви (за 300 рублей), но и, кроме того, предоставить в распоряжение ИАК все исполненные им за много лет фотоснимки с памятников древности Архангельской губернии в количестве свыше 100 экземпляров (за 200 рублей)²¹. Нам неизвестно, было ли принято ИАК предложение Каретникова, но в то время постройку разбирать не

¹⁸ ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 480. 1842 г.

¹⁹ Правда, не исключено, что «обруб» в основании колокольни существовал и до ремонта, произведенного Каретниковым. Такое же решение имел сруб колокольни в Подпорожье, которая по величине и времени строительства близка к турчасовской постройке. — *Прим. ред.*

²⁰ ИИАК. Вып. 52. СПб., 1914. С. 74–76.

²¹ ИИАК. Вып. 31. СПб., 1909. С. 27–31.

Ил. 3. Воскресенская церковь в селе Малая Немнюга (утрачена).
Фотография С. С. Некрасова. 1911, предоставлена И. Н. Шургиным

дозволили. До нашего времени храм в Малой Немнюге не сохранился, но в 1909 г. был обмерен Сластихиным и Некрасовым²².

В Ёмецком остроге при впадении реки Емцы в Северную Двину вскоре после польско-литовского разорения в 1615–1620 гг. был выстроен большой первоначально шатровый бревенчатый храм, освященный во имя свят. Николая. В 1687 г. в связи с опасностью размыва берега строение было перенесено в соседнюю деревню Зача́чье (находящуюся за речкой Ча́чей), подальше от воды. Это сооружение является одним из лучших на Севере образцов древнейших русских храмов на восьмериковом основании. Необычно его завершение — единственное в своем роде: огромная восьмигранная луковица, вытянутая в верхней части и

²² ИИАК. Вып. 46. СПб., 1912. С. 22–23.

плавно перетекающая в мощную шею и затем в крупную главу. Такая форма покрытия (кстати, полностью бревенчатая) придает постройке редкую изысканность и исключительность²³. Считается, что это уникальное завершение было возведено при ремонте в 1748 г. в связи с повреждениями от удара молнии, хотя есть предположение, что оно существовало и до середины XVIII в.²⁴ В храме был шестиярусный иконостас, представлявший большую ценность, с иконами, написанными в 1840-х гг. владимирским иконописцем Сорокиным, резные позолоченные царские врата²⁵.

Более чем за два столетия эксплуатации сооружение обветшало, завершение заметно наклонилось в северную сторону. Первые попытки отремонтировать церковь были предприняты в 1900 г., затем появился проект переборки 1903 г. В 1906 г. А. А. Каретников выполнил проект реставрации храма и представил его в ИАК, но денег на его осуществление тогда не нашлось. К ремонту памятника приступили в 1909 г., когда по инициативе священника Николая Ивановича Попова «тщанием прихожан» была собрана необходимая сумма на ремонт храма и подано прошение в ИАК. В том же году Археологическая комиссия разрешила восстановление храма из новых лесоматериалов, требуя точного соблюдения прежнего архитектурного и конструктивного решения храма. Для этого необходимо было выполнить следующие условия: «1) до разбора снять подробные чертежи с разнумированием каждого бревна и венца; 2) снять точнейшие лекала со стропил купола и крыши; 3) сделать детальные фотографии для более точного воспроизведения внутреннего и внешнего облика храма, особенно иконостаса»²⁶.

Работы были выполнены под руководством неутомимого Каретникова. Принимаясь за очередной объект, он, как и в других своих работах, сначала изучил строительную историю памятника, выявил его архитектурно-конструктивные особенности. В епархиальном архиве он обнаружил свидетельство такого же, как и у себя самого, чрезвычайно серьезного отношения к возведению храмовых сооружений давнего своего предшественника, архиепископа Холмогорской и Вѣжской епархии Афанасия

²³ Метрики церквей... 1887. Метрика № 91; Краткое историческое описание... С. 343; *Грaбарь И. Э.* Указ. соч. С. 404, 405, 554; *Красовский М. В. Т. I.* Указ. соч. С. 273.

²⁴ По архивным данным, выявленным Е. Б. Заручевской. См.: *Заручевская Е. Б.* Церковь Николая Чудотворца в селе Зачачье Архангельской области. Строительная история // *Архитектурное наследие.* № 53. М., 2010 (готовится к выпуску).

²⁵ ИИАК. Вып. 41. СПб., 1911. С. 147.

²⁶ *Минина Т. В.* Тихая моя Родина, или Емецк и его округа. М., 2001. С. 92–98.

(Любимова) (был в должности в 1682–1702 гг.), который при перестройке храмов в Зачачье в конце XVII века требовал, чтобы работы производили «со всяким бережением, и спотщанием добрым, плотником единобрачным, не двоеженцем»²⁷.

Работы по воссозданию храма продолжались четыре года. Возглавлял строительство местный житель, известный во всей округе мастер-плотник Петр Николаевич Космынин. Мастер был очень требователен к работникам, и требовательность его сказывалась во всем. Например, каждое бревно «пропускали через кольцо», т. е. оцилиндровывали и безукоризненно пригоняли друг к другу. После возведения храма мастер внимательно осмотрел свое творение и пошел к реке. С высокого берега он далеко забросил в Двину свой топор, сказав: «Лучшего мне уже не построить» (известны подобные — то ли реальные истории, то ли легенды — о строительстве Преображенского храма в Кижах и многоглавого деревянного собора в Кёле на Мурмане). 30 июня 1914 г. произошло торжественное освящение храма. Работы обошлись в 14616 руб. 69 коп.— для такого огромного строения это сравнительно небольшая по тем временам сумма. При этом строевой лес был отпущен беспошлинно и вывезен самими прихожанами²⁸.

Все работы по сохранению древних строений А. А. Каретников выполнял по личной инициативе «из любви к родной старине, родному искусству»²⁹, осознавая огромную ценность этих исторических памятников. В связи с этим он обследовал немало поселений Архангельского края, в том числе удаленных и труднодоступных. Сохранилось много сделанных им фотоснимков замечательных деревянных храмов, теперь уже утраченных.

Очевидно, губернское руководство понимало, что квалифицированный специалист, знаток и исследователь северного зодчества достоин большего, и в 1910 г. ему предложили занять должность губернского архитектора, одновременно повысив его до коллежского асессора (чин VIII класса)³⁰. В следующем, 1911 г. его повысили в чине до надворного советника (чин VII класса). Интересно отметить, что в то время в штате отдела строительства и архитектуры губернской администрации (Строительном отделении) числилось всего пять человек: два инженера, два архитектора и делопроизводитель. И этого было вполне достаточно. Кстати, в то время в «Памятной книжке...», своео-

²⁷ Каретников А. А. Деревянное церковное строительство... С. 55.

²⁸ Минина Т. В. Указ. соч. С. 92–98.

²⁹ Каретников А. А. Деревянное церковное строительство... С. 50.

³⁰ Личный состав казенных, общественных и благотворительных учреждений Архангельской губернии. Строительное отделение // Памятная книжка Архангельской губернии на 1910 г. Архангельск, 1910. С. 190.

Ил. 4. Никольская церковь в селе Зачастье.
Фотография А. В. Бодэ

бразном справочнике государственных служащих губернских учреждений, доступном для всех, рядом с наименованием должности каждого чиновника указывали... его домашний адрес: «губернский архитектор гражданский инженер А. А. Каретников — Троицкий проспект, дом 9». Любой горожанин мог обратиться

со своим делом к государственному чиновнику, запросто придя к нему домой.

И на этом месте Каретников не изменил своему любимому делу, удачно совмещая его с профессиональными обязанностями. Кому, как не губернскому архитектору, было заботиться о культурном наследии милого его сердцу Севера!

Несмотря на повышение в должности, у губернского архитектора Каретникова профессиональные знания инженера были на первом месте. Когда он узнал, что «губернатор решил отделаться от губернского инженера... как от человека ничего не делающего, все запутывающего...», он искренне переживал: «Не обойдут ли меня в назначении на должность губернского инженера?». С волнением пишет он своему учителю и коллеге П. П. Покрышкину: «помимо простой справедливости, так сказать, непреложности моего права на эту должность по формальным причинам, мне было бы обидно... и по существу — по моей десятилетней почти работе в крае, которую пришлось осуществлять... Не найдете ли возможность замолвить за меня словечко в Технико-строительном комитете перед его председателем Новиковым... [или] профессорами Сусловым, Померанцевым... чтоб меня не обошли — на новой должности я бы мог быть краю более полезен, чем до сих пор...»³¹. Кроме того, губернский инженер возглавлял Строительный отдел, должность Каретникова — губернский архитектор — была второй в том же отделе. Речь шла о повышении по службе, и это тоже важно. В должности губернского архитектора он проработал до 1915 г.³², после чего ему удалось получить должность губернского инженера, при этом он был повышен в чине до коллежского советника (чин VI класса)³³. После 1916 г. следы губернского инженера А. А. Каретникова, к сожалению, теряются. Дальнейшую судьбу его проследить не удалось.

В нижнем течении Северной Двины с давних времен существовало поселение Ракулы, а в нем — храмовый комплекс, состоящий из колокольни и двух деревянных храмов (Покровского 1763 г. и Воскресенского 1766 г.). Все постройки имели в своем завершении небольшие шатрики с главками, что объединяло их в цельный архитектурный ансамбль. Больше нигде в северорусском зодчестве подобный прием не известен. В 1893 г. в Покров-

³¹ РА ИИМК. Ф. 21. Д. 184. Письмо А. А. Каретникова к П. П. Покрышкину от 12 ноября 1912 г.

³² Личный состав... учреждений Архангельской губернии. Строительное отделение // Памятная книжка Архангельской губернии на 1911 г. Архангельск, 1911. С. 72; То же. Памятные книжки Архангельской губернии на 1912–1914 гг.

³³ Личный состав... учреждений Архангельской губернии. Строительное отделение // Памятная книжка Архангельской губернии на 1915 г. Архангельск, 1915. С. 1; То же. 1916. С. 1.

Ил. 5. Ансамбль в селе Ракулы.

Рисунок-реконструкция И. Э. Грабаря. С открытки нач. XX в.

Слева — Покровская церковь 1763 г., справа — Воскресенская церковь 1766 г.

ском храме был сделан крупный ремонт, а вместе с ним выправлен и вызолочен старый иконостас, представлявший большую художественную ценность. Однако в первые годы XX в. на погосте построили каменный собор, предполагая перенести туда иконостас из Покровского храма, который в 1914 г. решили разобрать «по ветхости» (а ведь он недавно был отремонтирован!).

И снова вмешался беспокойный губернский архитектор. Он попросил поддержки у ИАК, послав туда тревожное письмо, в котором категорически высказался за оставление деревянного храма и иконостаса «на насиженном хорошем месте». По его мнению, ансамбль с исчезновением одной из составляющих потеряет свою красоту и законченность образа. Для местных деятелей, писал он, решение ИАК по этому вопросу будет иметь принципиальное значение. Если будут сделаны уступки в сторону явной прихоти строителей нового собора, то «местным деятелям придется руки сложить в вопросах охраны памятников старины»³⁴. Перенос древнего иконостаса ИАК не разрешила.

В 1916 г. Архангельская духовная консистория обратилась в ИАК за разрешением разобрать деревянную церковь в селе Ширша близ Архангельска, а вместо нее построить новую, более вместительную. «Хотя храм [по архитектуре] не представляет ничего особенного,— писал А. А. Каретников в ИАК вдогонку,— но настолько слился с пейзажем — березками, лугом и рекой, что положительно заслуживает сохранения в нынешнем виде». Он предлагал здание капитально отремонтировать, подведя при этом прочный каменный фундамент, и «после этого можно надеять-

³⁴ ИИАК. Вып. 59. Пг., 1915. С. 57–58, 92–93.

ся на долгое существование этой скромной, уютной церковки». И опять в губернском архитекторе проявился инженер. В строении отапливалась только трапезная. Каретников предложил сделать отапливаемым весь храм. Кроме того, «печь в сторожке под звонницей соединена с трубой от печи в церкви длинным горизонтальным патрубком, что является решительно недопустимым, т. к. постоянно угрожает пожаром». Когда же «весь храм будет отапливаться, это должно способствовать его сохранению, ибо все стены будут находиться в одинаковых [температурных] условиях». ИАК полностью согласилась с предложениями архангельского губернского архитектора и разрешила переустройство церкви³⁵.

С неменьшим энтузиазмом брался А.А. Каретников и за ремонт исторических каменных строений. Он выполнил обмерные чертежи двух каменных храмов Ухтостровского прихода близ Архангельска — главного «летнего» Троицкого (1682–1690 гг.) и «зимнего» отапливаемого Варваринского (1693–1702 гг.), одних из древнейших каменных построек Архангельской епархии. В 1911 г. ИАК разрешила произвести ремонт строений на основе этих чертежей³⁶. О церквях в Троицком Ухтостровском приходе губернский инженер писал настолько проникновенно и лирично, что не могу отказать себе в удовольствии процитировать его. Общее явление, которое наблюдается на Севере, — «это не только уметь строить красивые храмы, но и уметь выбирать места для сооружения церквей: холм с таинственной хвойной рощей, еще более подчеркивающей строгий силуэт Троицкого храма, весь этот уголок с жильем, окружающий его пейзаж, так по-русски, по-северному своеобразный, все наполнено таинственностью, зовами древности настолько, что трудно допустить мысль о возможности пройти мимо них равнодушно... И Двина на этом протяжении очаровательно прекрасна, и дыхание исторических воспоминаний, олицетворяющих в таких памятниках архитектуры, как недалеко от Ухтострова на диво расположенный Чухченемский погост с замечательными деревянными церквями...».

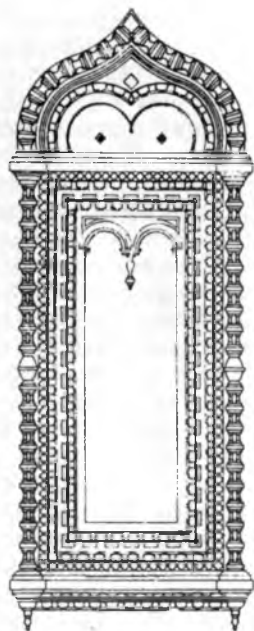
Троицкий храм, «величавый по своим общим массам и характерный по деталям, присущим целой полосе русского зодчества, которое требовало от сооружений наличности больших гладких плоскостей и разброс на них декоративных пятен в виде обделки оконных отверстий фигурными наличниками — прием, красивый по достигаемому эффекту». Прообразом Троицкого Ухтостров-

³⁵ ИИАК. Вып. 64. Пг., 1917. С. 65–66.

³⁶ Каретников А.А. О церквях в Троицком Ухтостровском приходе Холмогорского уезда и их реставрации // ИАОИРС. 1913. № 14; Протоколы заседаний ИАК. 1911 г. Д. № 54; ИИАК. Вып. 41. СПб., 1911. С. 38, 161; ИИАК. Вып. 52. СПб., 1914. С. 1; Фототека ГНИМА. Фонд Архангельской обл.

Ил. 6. А. А. Каретников.
Троицкая церковь в Ухтострове.
Западный фасад. Чертеж. 1912

Ил. 7. А. А. Каретников.
Наличник окна Троицкой
церкви. Чертеж. 1912

ского храма, по мнению Каретникова, был московский Успенский собор, «но ни в одном из храмов Архангельской епархии нет той „узурочности“, того богатства деталей, которые есть на Троицком храме в Ухтострове. Подобное богатство профилей и разнообразие оконных и дверных проемов можно встретить из церквей... только в Каргополе, в этом поэтичнейшем городке... где изукрашенность наружных плоскостей храмов достигает поразительной виртуозности: авторы тех храмов бросали на каменные стены свои причудливые живописные детали, словно из рога изобилия, не боясь перегрузить стены этой изукрашенностью, не боясь простоты; так творить могут только таланты... в нашем храме каргопольские детали получили дальнейшее развитие... [только стали] суровее, строже, что, несомненно, обусловлено видоизменением под влиянием более суровой природы, вкусов и взглядов северных строителей». Не случайно Каретников выполнил не только общие обмеры этого строения (план, западный фасад, разрез), но

и детальные обмеры южного перспективного портала, двух оконных проемов «нижнего света» и шести оконных проемов «верхнего света», имеющих удивительный кирпичный декор.

Далее Каретников подробно описывает техническое состояние древних строений, справедливо указывает на причины повреждений и предлагает способы их укрепления: «Современное состояние обоих храмов с точки зрения их прочности и устойчивости очень плачевное». Варваринская церковь имеет многочисленные сквозные трещины в наружных стенах и на сводах, звонница получила общую деформацию, распирается свод трапезной. «Причины всех этих деформаций — в [мелком] залегании подошвы фундамента в грунте, причем внутренние стены как неподверженные влиянию мороза остаются неподвижными... [что] еще сильнее способствует разрушению сводов. С болью пишет инженер о вопиющей технической безграмотности церковнослужителей: «У Троицкого храма... раскрытие швов сводов внутри церкви столь значительно, что причт периодами загоняет в эти швы березовые клинья, думая этой мерой уничтожить возникшую опасность обрушения сводов, но мера эта, конечно, кроме вреда, никакой пользы не приносит», и своды продолжают разрушаться. Причина этих разрушений та же, что и на Варваринском храме.

Для сохранения этих древних и красивых зданий Каретников предлагает единственный выход — подведение новых фундаментов глубокого заложения (1,16 сажений). «Эта работа самая главная и дорогая, но совершенно необходимая, без выполнения которой не обойтись... нужно бы восстановить древнее покрытие полукруглых закомар...», но эта работа может быть «оставлена до лучшего будущего».

Согласно сделанному А.А. Каретниковым финансовому расчету, всего требуется 31 000 руб., у причта имеется 6000 руб. Недостающие 25 000 руб. «могут быть получены лишь извне... остается надежда на помощь государства»³⁷, чего древние строения так и не дождались. Троицкий храм был полностью разрушен в 1930-е гг., Варваринский дожил до нашего времени в полуразрушенном состоянии и, вероятно, воссозданию не подлежит.

Интересно отметить, что в судьбе Успенского каменного храма на Бору в Архангельске принимали участие все три ревнителя архангельских древностей: П.П. Покрышкин, Д.В. Милеев, А.А. Каретников. В 1906 г. был поднят вопрос об укреплении колокольни, которая отклонялась от вертикали в западную сторону. Проводились обследования грунтов, фундаментов, высказывались различные предложения. В итоге в 1912 г. под руководством Покрышкина было произведено выправление колокольни путем установки ее на новый фундамент³⁸.

³⁷ Каретников А. А. О церквях в Троицком Ухтоостровском приходе...

³⁸ ИИАК. Вып. 44. СПб., 1911. С. 28.

Будучи губернским архитектором, А. А. Каретников нередко сам выполнял проекты новых и, надо сказать, весьма импозантных строений. До сих пор в Архангельске сохранился основательный двухэтажный особняк из темного кирпича с разработанным в стиле модерн уличным фасадом, построенный в 1913 г. «по проекту гражданского инженера А. А. Каретникова для электро-свето-лечебницы доктора П. А. Дмитриевского»³⁹.

Известно, что Каретников выполнил «составление проектов и сметы церкви и [церковно-приходской] школы» в Ямецком Благовещенском женском монастыре на средней Онеге по просьбе его настоятельницы Мариамны (Поповой), и «6 июня 1914 г. получил за нее (документацию.— Л. Ш.) плату в размере 60 рублей»⁴⁰. К сожалению, в дальнейшем в документах этого монастыря нет сведений о наличии школы, в связи с чем можно предположить, что она все-таки не была открыта⁴¹.

В 1915 г. А. А. Каретниковым был разработан проект полного комплекса строений курорта на берегу Белого моря⁴². В связи с известными историческими событиями проект не был осуществлен.

Много сил он отдавал надзору за строительством различных сооружений в морских портах губернии (ведь порт — лицо города!), не только в губернском Архангельске, но и в Онеге, Мезени, на Мурмане.

А. А. Каретников был бессменным членом Архангельского общества изучения Русского Севера (АОИРС), секретарем Архангельского епархиального церковно-археологического комитета (АЕЦАК) и заместителем председателя Архангельского фотографического общества⁴³.

Печатные работы А. А. Каретникова (автору известно всего три, и все они опубликованы в «Известиях АОИРС») проникнуты искренней заботой об уникальных храмах Архангельского

³⁹ Попова Л. Д. Памятники архитектуры Архангельска: краткий научный каталог. Архангельск, 1993. С. 25–26; ГААО. Ф. 50. Оп. 97. Д. 372. Л. 1–2 — проект здания; ГААО. Ф. 50. Оп. 96. Д. 1201. Л. 1–2 — проект здания.

⁴⁰ ГААО. Ф. 439. Оп. 1. Д. 9. Л. 18.

⁴¹ Монахиня Евфимия (Пащенко). Очерки из жизни православных северных женских монастырей середины XIX — начала XX вв. Архангельск, 2007. С. 222–223.

⁴² К вопросу устройства казенного, или субсидируемого казной, вполне оборудованного лечебного места (курорта) на побережье Белого моря... // Памятная книжка Архангельской губернии на 1915 г. Архангельск, 1915. С. 10–11.

⁴³ Состав епархиального церковно-археологического комитета // Памятная книжка Архангельской губернии на 1910 г. Архангельск, 1910. С. 217; Список членов Архангельского фотографического общества // Там же. С. 261.

края, ценность которых не только не понималась тогдашним руководством епархии, но и всячески уничижалась под предлогом «благотворного обновления». С глубоким сожалением писал он о том, что северный край, имея богатейшие культурные и исторические ценности, остается неисследованным. Организованный в Архангельске церковно-археологический комитет, по его мнению, — «случайный кружок разных лиц». Отмечая активную деятельность комитета по «собираанию и освещению письменных и литературных памятников», Каретников объяснял это тем, что «подобные работы более кабинетные и вызывают несравненно меньшие материальные затраты, чем, например, работы в области монументальной археологии, требующей и материальных средств, и известной подвижности, энергии, инициативы отыскивать хорошее там, где об этом хорошем никто и не подозревает... Кроме того, необходимы специальные познания и большая любовь к этому делу»⁴⁴. Этого у членов комитета как раз и не было, поэтому автор статьи с горечью отмечал: «я даже не знаю случая, когда бы комитет предупредил разрушение какого-либо памятника древности, хотя в число задач комитета входит — и задача эта главная — принятие мер по охране памятников старины. Просто комитет все и всегда игнорировали, хотя он мог наложить свое вето на любое разрушительное начинание в губернии, кем бы оно ни совершалось»⁴⁵.

Каретников считал, что самыми надежными хранителями старинных храмовых сооружений должны быть священники. Он настаивал на ремонте древних строений силами своего прихода, ибо «для столицы это дело... далекое». Будучи еще главным архитектором епархии, Каретников сокрушался о равнодушии священников и прихожан к храмовым строениям. Академик П. П. Покрышкин так определил главную причину утраты храмовых сооружений в России: «Чаще всего памятники разрушаются от невнимания к ним со стороны лиц, коим вверено их сохранение»⁴⁶. «Своевременный недорогой ремонт избавил бы от больших затрат, которые требуются на ремонт запущенных памятников...»⁴⁷. Аналогичные явления мы нередко наблюдаем и сегодня, когда священники и старосты приходов заботятся главным образом о внешнем лоске храмов и красоте интерьеров, о «благотворности», но совсем не обращают внимания на состояние конструктивных элементов сооружения.

Самым главным мероприятием, направленным на сохранение древних деревянных построек, Каретников считал преду-

⁴⁴ Каретников А. А. Судьба старого церковного зодчества... С. 20–21.

⁴⁵ Там же. С. 20.

⁴⁶ Покрышкин П. П. Краткие советы... С. 180.

⁴⁷ Там же. С. 179.

предительные ремонты: «То и дело слышатся жалобы на разрушение памятников древнего искусства, словно памятники эти с неба упали, как будто нельзя было предупредить при известной энергии и знании подобного варварства»⁴⁸. «Само время их [древние строения] охраняло: прочность и устойчивость не внушали еще подозрений, хотя отсутствие нередко своевременного ремонта и давало уже себя знать»⁴⁹. Вспомним: реставрация храмов Каретникову удавалась только тогда, когда к его желанию добавлялись инициатива и энергия священника, которая передавалась прихожанам. «За искусство можно быть спокойным тогда, когда общество само и ценит, и охраняет его», — писал он⁵⁰. Как правило, именно священник организовывал финансирование работ и созывал местных жителей на строительство. Ведь возведение храма — процесс многодельный, для этого нужно отвлекать прихожан от неотложного крестьянского труда не только на собственно плотницкие работы, но и на заготовку материалов, вывозку их из леса и различные подсобные работы.

Видя безразличие к сохранению храмов со стороны собственников, Каретников предлагал другое: «Необходимо принять серьезные меры для убережения памятников зодчества. Прежде всего, необходимо заняться регистрацией всех местных памятников, обмером и описанием и, что весьма важно, снятием с них фотографий». Затем необходимо создать на местах особые «попечительства» как «связующее звено между обществом и Архангельским церковно-археологическим комитетом»⁵¹.

Многолетняя бескорыстная деятельность А. А. Каретникова по сбережению шедевров северного зодчества была отмечена сообществом «любителей древности» Архангельской губернии. Именно ему предложили произнести речь на торжественном заседании по случаю 25-летия деятельности Архангельского епархиального церковно-археологического комитета 9 сентября 1912 г.⁵² Его выступление, полное гордости за Архангельский край, было экскурсом в историю развития деревянного зодчества на севере России и одновременно эмоциональным литературно-художественным рассказом. В выступлении он показал себя пытливым исследователем и в то же время незаурядным инженером, каким он и был в своей профессиональной деятельности.

С сожалением писал губернский архитектор, что настоящая реставрация древних храмов на местах «...не встречает ни в ком сочувствия...» и нет «...на верхах у администрации, как у духовной, так и светской, никакого интереса к памятникам своего родного

⁴⁸ Каретников А. А. Судьба старого церковного зодчества... С. 22.

⁴⁹ Там же. С. 25.

⁵⁰ Там же. С. 28.

⁵¹ Там же. С. 33.

⁵² Каретников А. А. Деревянное церковное строительство... С. 50–56.

Ил. 8. Колокольня в селе Турчасово,
реставрированная А. А. Каретниковым в 1908 г.
Фотография А. В. Афанасьева

величавого зодчества»⁵³. Именно поэтому подобные работы в первые 15 лет XX века в Архангельском крае не получили широкого распространения. А потом уже стало не до реставраций.

Материалы о деятельности А. А. Каретникова скудны и отрывочны, а само имя архитектора многими забыто. Малоизвестна и его подвижническая деятельность — из шедевров зодчества, отреставрированных им в свое время, к настоящему времени сохранились только колокольня в Турчасове на Онеге и храм в Зачачье. Вместе с расположенной рядом каменной церковью св. Дмитрия Солунского (вторая половина XIX в.) деревянный Никольский храм составляет интересный архитектурный ансамбль. Изредка добираются сюда самодеятельные туристы. Каменный храм действующий. В селе есть небольшая община верующих, на деньги прихожан в церкви св. Дмитрия Солунского проводят ремонт. Деревянный храм после 1914 г. ни разу не ремонтировали. Без надзора и ухода в течение столетия строение обветшало, бревна повала подгнили, завершение опасно наклонилось, угрожая обрушением. В 2002 г. были проведены противоаварийные работы, в т. ч. укрепление верха. С тех пор древний храм ждет второго Каретникова... Остальные церкви, сохраненные мастером, которые могли бы просуществовать еще долгие годы, погибли от рук разрушителей-большевиков.

Пусть же памятником Андрею Андреевичу Каретникову, бескорыстному служителю Отечества, одному из первых русских архитекторов-реставраторов, будет «с любовью сохраненный» им сто лет назад Никольский храм в селе Зачачье.

⁵³ РА ИИМК. Д. 138/1900. Письмо А. А. Каретникова к П. П. Покрышкину от 8 авг. 1906 г.

АРХИТЕКТУРА КОМИ В НООСФЕРНОМ КОНТЕКСТЕ

(Рецензия на книгу:

Шургин И. Н. *От лесной избушки до церкви дивной. Деревянная архитектура Коми. М.: Совпадение, 2009*)

Выдающийся специалист по деревянному зодчеству, Игорь Николаевич Шургин имеет вполне понятное тяготение к лесу: ведь в предмете его интересов рукотворное напрямую связано с нерукотворным — артефакты неотделимы от природы. Эту их родовую близость помогает со всей непосредственностью ощутить архитектура коми. Она сохранила память архаики. Формируясь в лесном окружении, жилища зырян и пермяков не противостояли ему, а продолжали в новых функциональных и ценностных измерениях. Читая монографию И. Н. Шургина, мы воочию видим, как архитектура выходит из леса — порождается лесом. Связующая их пуповина местами сохраняется до сих пор.

В эволюции жизни на Земле был воистину счастливый момент: побег прорастения — используем здесь терминологию в духе И. В. Гёте — дал первый развил. Сколь перспективной оказалась эта дихотомия! Есть ли лучшее место для крепления птичьих гнезд? Паве́тви — мутовки — сучья: все эти элементы дерева успешно действовал и человек. *Кувакса* саама — *яранга* чукчи — *чум* ненца: несколько жердин, конусообразно сведенных вместе, держатся за счет естественных зацепов — сучков и рогулин. Природная конструкция — и конструкция искусственная: одно органично переходит в другое. *А курицы* северных кровель? Склонность дерева пускать силу роста и по вертикали, и в сторону от нее — удивительный феномен ветвления — и в данном случае словно идет навстречу зодчему, потворствуя ему в решении поставленной задачи.

Лес благоприятствует мифопоэтическому мышлению. В создаваемой им таинственной атмосфере архетипы бессознательного проявляются с особой быстротой и яркостью. Есть ли лучшая среда для пробуждения фантазии? Образ избушки на курьих ножках вполне оправданно появляется в книге И. Н. Шургина. Это продукт воображения? Но в архитектуре коми мы находим для него вполне реальную аналогию. Вот охотничий лабаз — *тшамъя* — на одной ножке. Будто он вышел из сказки! Но назначение у него вполне прагматичное: сделать припасы недоступ-

ными для зверей. Однако изначальная целесообразность сегодня отступает на задний план. А вперед выдвигается романтическое, сказочное! Это субъективное наложение современного восприятия? Оно закономерно. И. Н. Шургин поэтизирует архитектуру коми. И для этого есть все основания. Ведь перед нами нечто уже, как бы, нездешнее — выпавшее из времени — мифоподобное. Романтический ореол должен неизбежно вспыхнуть над этим феноменом.

Казалась бы, архитектура коми — явление сугубо локальное. Но она имеет общечеловеческую ценность, и должна вписываться в ноосферный контекст — уже только потому, что на ее материале можно *in vivo* изучать становление зодчества в той его фазе, когда оно еще слиянно с природой. *Охотничьи деревни* коми — уникальные пространства ноосферы. В подобных экологических условиях человечество когда-то утверждалось на охотничье-промысловой стадии своей эволюции. Потребность в постоянных и надежных жилищах лишь начинала заявлять о себе. Им предшествовали — а потом длительное время их сопровождали — временные базы. Критерий оптимальной простоты и в самой конструкции, и в способах построения играл тут решающую роль. Таковы трехстенные *чомы*. По сути, это элементарные укрытия — бесхитростные прибежища. Это стационарные образования. Но инерция кочевнической подвижности еще чувствуется в них. Порой мы видим рядом два, три *чома*. Это уже эмбрион ансамбля. А вот неподалеку появилась *вөр керка* — у жилища теперь наличествует четвертая стена: нам предстает маленькая, но полноценная избушка. Рядом с ней встали еще и вторая, третья. Охотничий стан вырастает до масштабов целой деревни. Одна из них находится на речке Воль, притоке верхней Вычегды. Тут мы насчитаем шесть избушек, шесть амбаров (*житников, турышей*), четыре стойла для лошадей, баню. Настоящий комплекс! Однако это не постоянное, а временное обиталище. Хотя оно вторично по отношению к главной деревне, но все же хочется усмотреть в нем как бы ее зачаток, первый набросок. Намечая историческую ретроспективу, мы вправе предполагать — разумеется, чисто гипотетически — такую вероятность: именно подобные комплексы стали своего рода матрицей для основательных, на века закладываемых поселений.

Близки охотничьим и сенокосные деревни. Замечательные это явления! Человек в своем развитии все дальше уходит от природы, обособляется от нее, а тут мы видим нечто вроде отката, возвращения назад — в природное лоно. Охотничьи и сенокосные деревни коми видятся мне чем-то очень и очень значимым в общечеловеческом масштабе. Это — связующие нити между людьми и природой. Подобных соединительных звеньев на планете осталось очень мало. Каждое бесценно. Очень хорошо,

что в нашем развитии имеет место гетерохрония: кто-то рванул вперед путем цивилизации — кто-то не спешит окончательно разорвать с природой. Особенно интересны в этом отношении финно-угорские народы Приуралья и Зауралья. Коми относится к их числу. Тут нельзя говорить о какой-то отсталости. Различие темпов — благо для ноосферы. Еще неясно, кто имеет преимущество в исторической перспективе, — спешащие или медлящие. Благодаря гетерохронии мы можем как бы путешествовать во времени. Это драгоценнейшая возможность! Мы совсем забыли про свои корни — зодчество коми высвечивает их.

Методология И. Н. Шургина привлекает своей симметрией: типологический взгляд в ней уравновешен эволюционистским подходом. Обычно эти два ключа используются раздельно. И. Н. Шургин сумел установить отношение дополнительности между ними.

Система эволюционирует — эволюция системна. И. Н. Шургин эти общие положения точно и конкретно запускает в дело.

Крестьянская усадьба — сложная система. Система-организм! Какой принцип лежит в основе ее формирования? Параллели из биологической эволюции здесь напрашиваются сами собой. Как и биолог-эволюционист, историк архитектуры неизбежно встает перед выбором, которому мы хотели бы задать вид антиномии:

ТЕЗИС

1. И клетка, и организм возникают путем *дифференциации* изначально простых структур.

2. Усадьба формировалась за счет присоединения автономных, в целевом отношении независимых друг от друга образований.

АНТИТЕЗИС

1. Алгоритмом биологического развития является *интеграция* — синтез разнородного.

2. В основе развития усадьбы лежит функционально-морфологическое расщепление исходного элементарного звена — к примеру, клетки.

Оба этих алгоритма совместимы. Но в эволюции крестьянской усадьбы явно преобладает второй. Вновь обнаружив склонность к биологизации проблемы, назовем этот ход развития *симбиогенезом* — согласованием и соединением разнородного. Монография И. Н. Шургина укрепляет нас в убеждении: усадьбу следует рассматривать как симбиотический комплекс — нераздельно и неслиянно она соединила в себе элементы, среди которых мы видим и те, что могут существовать отдельно — сами по себе. Тем не менее, эволюция интегрировала их в одно целое.

Борис Пастернак писал:

Обители Севера строгого,
Накрытые небом, как крышей!

На Севере действительно все просится под одну крышу: избы зимняя и летняя, сени, хлева, повети. Они и впрямь собираются вместе. Эта эволюционная тенденция убедительно выявлена в монографии.

Какие-то части усадьбы — к примеру, амбар или баня — остаются снаружи. Как бы навстречу им из дома выдвигаются крыльцо и взвоз. Они словно компенсируют разрыв. Подчеркнем: разрыв условный, сугубо пространственный — сущностная связь остается весьма плотной. Усадьба видится в ореоле целостного биополя. Обычно все ее составляющие находятся внутри единой ограды — разве что баня выходит за нее, спускаясь к берегу. Изгородь хочется сравнить с клеточной стенкой: она обособляет систему от внешнего мира. Однако обособление это относительно. Усадьба продолжена в причалах и выгонах, в пахотных и сенокосных угодьях, в заветных ягодных местах. Моделируя крестьянский космос, она резонирует с мировыми ритмами — гармонично вписывается в них. Обрядная семантика наложена на все ее элементы. Перед нами пространство, весьма сложное не только в архитектурном, но и в семантическом отношении.

И. Н. Шургина хочется назвать мастером сравнительного анализа. Здесь он предельно внимателен — не упустит ни одной подробности. Типологически выделив два феномена — сысольско-вычегодский дом и вымско-вычегодский дом — И. Н. Шургин как бы ставит их друг против друга, выявляя инварианты и различия. Обращу внимание только на один аспект этого сопоставления: мы видим, как в доме коррелируют часть и целое — чисто механические перемещения и сдвиги внутри него невозможны, на любое изменение реагирует вся система. Это верный признак целостности, присущей единому организму. Конкретно: в доме вымско-вычегодского типа печь переориентирована по сравнению с домом сысольско-вычегодского типа — она стоит не против входа, а рядом с ним. Какие следствия вызывает эта перестановка? Весь интерьер теперь выглядит по-новому. Иначе прорублены окна — иначе расположены полаты — иначе перекинута воронца. Очевидно, печь имеет определяющее значение для организации внутреннего пространства избы — как бы управляет его членением. Дом не агрегатен — он целостен. Не зря мифы биологизируют его. Подобная биологизация — конечно, в ее условных и корректных формах — допустима и для научного подхода. Она эвристична.

В классификации и систематике большое значение имеет понятие *признака*. Оно определяет *меру своеобразия*. Эволюция может быть понята как накопление новых признаков. Географическая изоляция способствует этому процессу. Нечто подобное мы видим и в истории зодчества. Народ коми развивался на большом удалении от метрополии. Это вело к ослаблению

нивелирующего влияния центра. Понятно, что дома коми имеют много типологических параллелей с архитектурой других регионов, но было бы крайне интересно высветить присущие им и только им черты самобытности, неповторимости. *Признак* в таком контексте обретет значение *детали*. Каждая будет бесценной! И. Н. Шургин умеет находить их. Дадим неполный перечень таковых.

1. Вот *паччөр ошинь*: небольшое окно над печью в домах сысольско-вычегодского типа. Сколь своеобразна его топография! В домах сысольско-вычегодского типа эта деталь исчезает.

2. Нередко впритык к дому у коми мы видим так называемую *виричь* — в этом срубике, высоко поднятом над землей, выращивалась капустная рассада; визуально создается такое ощущение: *виричь* словно *отпочковывается* от дома.

3. Для крепления кровли коми использовали *поньёд* — разновидность гнета, перехватывающего крышу от края до края близко к ее центру; эта деталь заставляет задуматься о *народном функционализме*: конструкция тут откровенно выходит наружу, не заботясь о том, как замаскировать себя — то ли спрятаться под декор, то ли влиться в массив. Может показаться, что *поньёд* позднее наложен на ветшающую крышу ради ее закрепления и сохранения, но он изначален. Критерии чистой функциональности в данном случае явно берут верх над эстетическими соображениями. Мы знаем, что и в биологической, и в архитектурной эволюции работает алгоритм заглубления опорных и крепящихся элементов, полного или частичного их увода под общее покрытие. В биологии этот процесс известен как интериоризация. В домах с *поньёдом* этот алгоритм еще не задействован в полную силу. Появление *конька* будет свидетельствовать об эволюции в означенном нами направлении.

4. Несомненно, что самой яркой деталью сысольско-вычегодского дома — его символом, по выражению Н. И. Шургина, — является *чиби*¹. Это скрепа, соединяющая *поньёд* с верхним бревном сруба — прочная связка между ними. Функциональное начало тут заявляет себя с еще большим простодушием. Опять создается ощущение, что перед нами нечто экстремное, вынужденное, но это поверхностное впечатление. *Чиби* фундаментально. Так было задумано сразу — так реализовалось в материале. Присмотримся к *чиби* внимательней. Поначалу кажется, что оно выпирает из объема — является чем-то привнесенным, едва ли не случайным. Но постепенно мы адаптируемся к резко непривычному для нас элементу. И начинаем увлечься его нетривиальную, однако бесспорную красоту! Да, функциональность тут вопиет о себе, но народ словно хочет скомпенсировать возмож-

¹ Шургин И. Н. От лесной избушки до церкви дивной. М., 2009. С. 25.

ные диссонансы, подвергая *чиби* удивительной пластической обработке. Для этой детали нет аналогий. Будто дом поднимает вверх — но не в зенит, а под некоторым углом — деревянную статую. Это реликт идолопоклонничества? Волна языческих реминисценций накатывает на нас. Они неизбежны в краю, где сохранилось двоеверие: под наслоением христианства чувствуется архаический пласт. Он не утратил своей питающей мощи.

Н. И. Шургину присуще остро развитое чувство формы. Он прекрасно делает обмеры, чертит различные планы, но его восприятие тесно в двумерном пространстве схемы — оно рвется к объемности. Отсюда повышенный интерес исследователя ко всем проявлениям пластической обработки дерева. В архитекторе иногда просыпается скульптор. Для коми это весьма характерно.

Хорошо известно, что забытый обряд может превратиться в детскую игру, а отвергнутый идол — в игрушку. Но исследование И. Н. Шургина наводит на мысль, что у древних божеств коми есть еще одно убежище — это пластические формы в архитектуре. Ошеломительные метаморфозы! Гонимые из своих капищ, божества как бы мимикрируют под различные архитектурные элементы. Однако для наметанного взгляда все равно остаются узнаваемыми. Полная амнезия невозможна в культуре. Прошлое сохраняется. Хотя и принимает на себя новую оболочку.

Перечислим архитектурные элементы, несущие на себе печать языческой пластики:

1. Грибообразные столбики-опоры амбаров производят, по словам И. Н. Шургина, *«впечатление простейшей скульптуры»*². Их уширение в верхней части может получить вполне прагматическое объяснение: грызунам теперь еще сложнее добраться до зерна. Вместе с тем очевидна антропоморфность этих опор. Пусть в предельно лапидарном виде, но нам предстает нечто человекоподобное. Ну чем не кариатиды?

2. Столбы у колодцев с журавлем, столь значимые в ландшафте поселения, кажутся посланцами языческих времен. Как они похожи на идолов в художественных реконструкциях Ю. С. Ушакова! Невдали мы можем видеть православную церковь или часовню. Реалии разных эпох проецируются друг на друга. И разве в этом есть дисгармония? В деревнях коми двоеверие может предстать нам с визуальной наглядностью. Это ли не самоценно?

3. Обработка столбов, несущих крыльцо в домах коми, подчас весьма скульптурна. Насколько тут было сильным русское влияние? Имели ли данные элементы значение оберега? Легко вообразить такую возможность: вход в дом охраняют стражи — пластика крыльца включает соответствующие ассоциации. Крыльцо

² Там же. С. 47.

с декором — нечастое в наше время явление. Сохранившиеся образцы впечатляют.

4. Если в перечисленных выше случаях скульптура заявляет себя затаенно, то в курицах она выступает со всей очевидностью. Это наидревнейший элемент дома. Память мифогенеза продолжает в нем жить. И. Н. Шургин пишет о том, как из природной заготовки — Г-образного отростка — буквально *вылупляются* образы, похожие на драконов³. Использованный автором глагол — он выделен нами — привносит в книгу момент поэзии. Это метафора. Она точно схватывает сущность процесса: заложенное в природе как возможность — причем абстрактная, весьма неопределенная — становится благодаря точным ударам топора впечатляющей реальностью.

5. Эстафету от куриц подхватывают охлупни. Автор считает их более поздним образованием. Вот цитата, содержащая в себе глубокие мысли, которые могут быть развернуты в отдельное — причем обширное — исследование: «Если принять во внимание архаичность куриц как деталей безгвоздевой кровли по сравнению с охлупнем, то неслучайным окажется факт: по сравнению с курицами пластические образы охлупней ближе к реальным животным»⁴. Имеются в виду кони, птицы, лоси. Как прокомментировать оригинальную идею? За нею просматриваются два эволюционных ряда:

- от рептилий («драконов») к высшим животным;
- от образов сказочных к образам реалистическим.

Это гомологические ряды?

Возможность параллелизма на столь разных уровнях открывает новые перспективные направления для научной мысли.

6. Выступающая часть потока может получить своеобразное декоративное оформление. Геометрическое начало здесь преобладает. Кресты и спирали, шары и пирамиды: под плотницким топором высвобождаются — и входят в поле нашего непосредственного восприятия — основополагающие архетипы мироздания. Почему именно завершения потоков стали местом их концентрированного проявления? И. Н. Шургин находит аналогии для декора потоков и в вязании, и в резьбе по дереву. Архетипы вечны, универсальны. Искусство коми, свидетельствуя об этом, накладывает на их манифестацию национальный колорит.

7. В оформлении выпусков-кроншейнов избы И. Н. Шургин выделяет два мотива: «*крюки*» и «*бороды*». Первый заведомо старше. Хотя *крюки* вырубались только для красоты и разнообразия, И. Н. Шургин сопоставляет их с *курицами*, чья функциональная нагрузка первична. Одна форма перекликается с другой.

³ Шургин И. Н. От лесной избышки до церкви дивной. С. 59.

⁴ Там же. С. 59.

Возможна ли тут генетическая зависимость? Она весьма вероятна. Если ее удастся обосновать, то мы получим еще один пример того, как полезное, целесообразное переходит в красочное, игровое.

8. Старообрядцы поморского толка оставили в зодчестве коми неизгладимый след. Он особенно ярок в малых архитектурных формах — надгробных памятниках. Сильное впечатление производят своей необычностью старообрядческие кладбища. Памятуня реконструкции Ю. С. Ушакова, невольно подумаешь: тебя окружают не христианские захоронения — ты оказался на языческом святилище. Снова мы видим антропоморфные столбы! Теперь они довлеют — доминируют — главенствуют. Целый их лес обступает тебя. Будто язычество хочет взять реванш. И ведь где? На кладбищенском погосте! Кресты здесь порой в редкость. Не каждый почивший заслуживает столь сакрального памятного знака. Вот еще один резон, который приводит дед-старовер, заготовивший впрок для себя и жены два надгробных столбика: «если крест поставить, нужно то место огородить, чтобы собаки и прочие твари креста не погнали»⁵. Так или иначе, но старообрядческие кладбища в совершенно неожиданном аспекте выявляют двоеверческие реалии, делают их зримыми. Подчеркивая «идолообразность» надгробных столбов, И. Н. Шургин показывает, сколь цепкой может быть архаика. Ее не вытравить. Даже христианский фанатизм старообрядцев оказался бессильным перед нею. Еще раз подчеркнем: язычество в нашем случае восстанавливает свои права не где-нибудь, а у радикальной черты, разделяющей этот и тот мир, — предстояние возле нее особенно важно для христианского сознания. И что же мы видим? Христианская символика на этом экстремуме уступает место символике языческой.

Поразительны надгробные памятники, где мы видим сдвоенных коней. Это как бы малые охлупни, украшенные с двух сторон. Малая архитектура в данном случае переключается с архитектурой большой. Можно сказать так: перед нами *литота дома*. Хотя душа вознеслась в небеса, но и на земле у нее должно быть прибежище. Надгробный памятник выполняет еще и эту глубинную функцию. Напомним, что парные кони — бездонно древний архетип. Тут можно вспомнить и индийских Ашвинов, и греческих Диоскуров. Эти аллюзии вовсе не призваны указать или намекнуть на какие-то родственные связи. Архетипы проявляются конвергентно — в любой момент и в любом месте.

Сейчас мы озвучили понятие, очень важное для нашей темы: *конвергенция*. Хорошо, когда удастся обнаружить прямую преемственность, но не менее интересно, если сходство явлений

⁵ Там же. С. 82.

объясняется не влиянием или заимствованием, а только конвергенцией. Сысольско-вычегодские дома — и заонежские *кошели*: сравнительный анализ И. Н. Шургина выявил много унисонов между ними. Обмен информацией между этими регионами трудно предположить. Думается, что решение схожих функциональных задач — в схожих природных условиях — объясняет созвучия в архитектуре двух народов.

Перефразируя название книги И. Н. Шургина, скажем о конечном пункте нашего архитектурного путешествия: за плечами осталась *лесная избушка* — впереди замаячила *церковь дивная*. О, нас ждут новые впечатления! Но ничего принципиально нового мы на этом финальном отрезке не обнаружим. Приняв когда-то христианство от Стефана Пермского, современника Сергия Радонежского, народ коми вместе с евангельской истиной усвоил и основные принципы церковного зодчества, утвердившиеся на Руси. Однако и в рамках общей для двух народов стилистики возможны как оригинальные решения, так и весьма неожиданные проявления типично конвергентного единомыслия. Михаило-Архангельский храм в Усть-Выми (1683 г.) и Георгиевская церковь в Пермогорье (1665 г.): рассматривая два этих сооружения, И. Н. Шургин оставляет открытым вопрос о причине их разительного сходства. Оба храма покрыты крещатыми бочками. В середине XVII в. эта древняя форма обрела новую жизнь. Было ли ее возрождение обусловлено тем, что традиционные шатры тогда стали вытесняться московским пятиглавием? Какую роль в этом процессе сыграли реформы Никона? Тут много неясного, дискуссионного. Тем более правомерной становится гипотеза, объясняющая зафиксированное И. Н. Шургиным созвучье не прямой трансляцией признака, а внутренней логикой архитектурного формообразования, поставленного во взаимоотношениях перед необходимостью решить идентичную задачу.

И. Н. Шургин влюблен и в Русский, и в Коми Север. Его взгляд не устает любоваться красотой, процветшей на высоких северных широтах. Хочется отметить предельную точность этого взгляда.

И. Н. Шургин обращает наше внимание на бесценные детали. Сейчас это труба зырянского колодца — полый, серебристый снаружи ствол осины, внедренный в грунт; начало пластичности И. Н. Шургин видит и в этой конструкции, представляющей равный интерес как для историка архитектуры, так и для этнографа. А теперь наш взгляд сосредоточивается на маленьких оконцах-продухах. Почему мы не замечали раньше того, как их причудливые очертания обогащают поверхность стены?

А это двери с фигурными заплочниками на верхних косяках.

А это фигурные столбики взвоза.

А это бревно, затесанное под лесенку, — по нему можно подняться на предмостье амбара.

Взгляд охватывает объекты, как будто далекие от зодчества. Сельская ограда, вешала для сена внутри нее: И. Н. Шургин видит в этом сочетании ансамблевое начало ⁶. Это субъективно? Ничуть! Бросим свежий взгляд на явленную нам композицию. Тут есть своя мера, свои пропорции. И какая легкость, ажурность!

Завершается книга размышлениями о проекте архитектурно-этнографического музея Коми. Дай Бог осуществиться этому блистательному замыслу! И. Н. Шургин предлагает расположить дома в обычном уличном порядке, но заложить в их последовательность эволюционную идею. Идти по такой улице — как двигаться по времени. Предвкушая эту чудесную экскурсию, я хотел бы задержаться вот на каком порубежье: сзади дом с двумя зеркально расположенными избами — зимней и летней; а впереди — дом-пятистенок. Это две стадии единой эволюции. Нам наглядно представлено то, что биологи называют *олигомеризацией*: две гомологичных части сливаются в одну, создавая новую, более высокую по сравнению с предшествующей ступенью целостность. Переход — метаморфоза — трансформация! Таких узловых точек было бы много на улице Шургина.

Впервые регион Коми подробно и всесторонне исследован в архитектурном отношении — причем в соединении с историческими, этнографическими, мифопоэтическими подходами.

Были гранты.

Была поддержка.

Республике Коми очень повезло. Ах, как бы хотелось увидеть аналогичные исследования, выполненные на заонежском или мезенском материале! И. Н. Шургин нашел свой методологический ключ для познания народного зодчества. Хорошо бы его опробовать в других местах нашего отечества. Успех мне видится гарантированным.

⁶ Шургин И. Н. От лесной избушки до церкви дивной. С. 56.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАОО — Государственный архив Архангельской области
ГНИМА — Государственный научно-исследовательский музей имени А. В. Щусева (Москва)
ИАОИРС — Известия Архангельского общества изучения Русского Севера
ИИАК — Известия Императорской археологической комиссии
КНЦ РАН — Карельский научный центр Российской Академии Наук
НАРК — Национальный архив Республики Карелия (Петрозаводск)
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РА ИИМК — Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург)
РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (Москва)
РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бодэ Андрей Борисович. Родился в Москве в 1967 г. Окончил Московский архитектурный институт. Кандидат архитектуры, заведующий сектором «Деревянное зодчество» НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства. Сфера научных интересов — деревянное культовое зодчество Русского Севера.

Заручевская Елена Борисовна. Родилась в 1954 г. в Архангельске. Окончила Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина в Ленинграде. Искусствовед. Главный хранитель недвижимого фонда ФГУК «Архангельский государственный музей деревянного зодчества и народного искусства „Малые Котлы“».

Линник Юрий Владимирович. Родился в 1944 г. в Беломорске. Окончил Петрозаводский государственный университет. Доктор философских наук, профессор кафедры философии Карельской государственной педагогической академии. Член Союза писателей, коллекционер, создатель музея Русского Севера.

Лисенко Татьяна Львовна. Родилась в 1947 г. Окончила Московский архитектурный институт. Старший научный сотрудник сектора «Деревянное зодчество» НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства. Сфера научных интересов — деревянное зодчество Карпатского региона, Германии.

Неделин Владимир Михайлович. Родился в 1959 г. в Орле. Окончил Орловское художественное училище и Российскую академию живописи, ваяния и зодчества в Москве. Доцент РАЖВЗ И. Глазунова, старший научный сотрудник сектора «Деревянное зодчество» НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства.

Павич Иван Анте. Родился в 1993 году. Учащийся 10 класса, воспитанник исследовательской студии «История культуры» Московского городского дворца детского (юношеского) творчества. Лауреат премии Президента РФ по поддержке талантливой молодежи (2010 г.). Сфера интересов — изучение культуры Русского Севера.

Севан Ольга Георгиевна. Родилась в 1947 г. Окончила Московский архитектурный институт. Кандидат архитектуры, заведующая сектором проблем культурной среды поселений Российского

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

института культурологии. Член Международного Комитета ИКОМОС, Европейского совета по селам и малым городам — ЕКОВАСТ.

Федосеева Елена Евгеньевна. Родилась в 1965 г. в Ленинграде. Окончила Ленинградский инженерно-строительный институт, архитектор. Работала в институте «Ленпроектреставрация». С 1999 г. живет и работает в Сиднее. Сфера интересов — изучение истории и народной культуры Поморья.

Филиппов Олег Сергеевич. Родился в 1993 году. Учащийся 10 класса, воспитанник исследовательской студии «История культуры» Московского городского дворца детского (юношеского) творчества. Лауреат премии Президента РФ по поддержке талантливой молодежи (2009 г.). Сфера интересов — изучение культуры Русского Севера.

Шаповалова Любовь Геннадьевна. Родилась в 1961 г. в Архангельске. Закончила строительный факультет Архангельского государственного технического университета, кандидат технических наук. Главный специалист по учету и охране памятников ФГУ «Национальный парк „Кенозёрский“».

Шургин Игорь Николаевич. Родился в 1945 г. Окончил исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Архитектор-реставратор, научный руководитель Фонда «Поддержка памятников деревянного зодчества», старший научный сотрудник реставрационной фирмы ПРК «КАРЭНСИ».

Научное издание

ДЕРЕВЯННОЕ
ЗОДЧЕСТВО

Выпуск I

*Новые исследования
и открытия*

Ответственный редактор *А. Бодэ*

Редактор *А. Виктор*

Младший редактор *Л. Козлова*

Метранпаж *С. Гаврилова*